Александр Дюма

Графиня Монте-Кристо

Графиня Монте-Кристо
Александр Дюма

Аннотация
Александр Дюма. ГРАФИНЯ МОНТЕ-КРИСТО
СОКРОВИЩА ГРАФОВ ДЕ РАНКОН
ГЛАВА I. Три тени в Нуармоне
ГЛАВА II. Четыре огонька
ГЛАВА III. Шампион, Матифо, Туанон и К
ГЛАВА IV. Четвертый огонек
ГЛАВА V. Любовь и несчастье
ГЛАВА VI. Что иногда можно увидеть сквозь ставни
ГЛАВА VII. Нуармонские болота
ГЛАВА VIII. Нуаро воет в последний раз
ГЛАВА IX. Подземелья Нуармона
ГЛАВА X. Сокровища
ГЛАВА XI. Ночь
ГЛАВА XII. Интересный уголовный процесс
ГЛАВА XIII. Клеман
ГЛАВА XIV. Королевский прокурор
ГЛАВА XV. Оправдание
НИЩЕТА БОГАЧЕЙ
ГЛАВА I. Цвет голубой и белый
ГЛАВА II. Бал у графини Монте-Кристо

ГЛАВА III. Из голубого дневника
ГЛАВА IV. Самый богатый и честный человек во Франции. (Из голубого дневника)
ГЛАВА V. Приглашение на танец. (Из голубого дневника)
ГЛАВА VI. Оргия
ГЛАВА VII. Исповедь Нини
ГЛАВА VIII. Луи Жакмен
ГЛАВА IX. Отец и дочь. (Из голубого дневника)
ГЛАВА X. Вдова Ламоро
ГЛАВА XI. Мать и дочь. (Из голубого дневника)
ГЛАВА XII. Аврелия
ГЛАВА XIII. Роман о розе
ГЛАВА XIV. Дорога в ад вымощена благими желаниями
ГЛАВА XV. Надежда. (Из голубого дневника)
ГЛАВА XVI. Муж и жена
ГЛАВА XVII. Новый тиран
ГЛАВА XVIII. Потеря надежды. (Из голубого дневника)
ГЛАВА XIX. Запечатанный конверт
ГЛАВА XX. Лежижан
ГЛАВА XXI. Любовь и муки. (Из голубого дневника)
ГЛАВА XXII. Мари д’Альже. (Из голубого дневника)

ГЛАВА XXIII. Брачный договор
ГЛАВА XXIV. Счастье богачей
ГЛАВА XXV. Кафе «Синий тюрбан»
ГЛАВА XXVI. Чета Жоссе
ГЛАВА XXVII. Нерешительность госпожи Жоссе
ГЛАВА XXVIII. Пиппиона и Мистигри
ГЛАВА XXIX. Две кареты
ГЛАВА XXX. Бедный Мистигри!
ГЛАВА XXXI. Бедняжка Пиппиона!
ГЛАВА XXXII. Что произошло в экипаже
ГЛАВА XXXIII. Лежижан отправляется на поиски
ГЛАВА XXXIV. Гнев львицы
ГЛАВА XXXV. Лежижан думает, что нашел себе сообщницу
ГЛАВА XXXVI. Последняя победа Аврелии
ГЛАВА XXXVII. Цена победы

Аннотация

ТОО «Феникс» предоставляет российскому читателю уникальную возможность познакомиться с впервые издающимся в нашей стране романом Александра Дюма «Графиня Монте-Кристо».

Роман этот хорошо известен на западе, в частности, на родине знаменитого писателя, а так же в США и других странах.

ТОО «Феникс» предполагает продолжить издание практически неизвестных в России произведений великого французского романиста.

Александр Дюма
ГРАФИНЯ МОНТЕ-КРИСТО

СОКРОВИЩА ГРАФОВ ДЕ РАНКОН

ГЛАВА I
Три тени в Нуармоне

Мы находимся в провинции Лимузен, расположенной в центральной части Франции. Дороги, пересекающие в наши дни всю эту обширную местность в различных направлениях, еще не проложены; к деревням и одиноким фермам ведут лишь тропинки, петляющие меж высоких меловых холмов, а вся линия горизонта заслонена густой завесой, образуемой каштановыми рощами.

Иногда тропинка вьется по ровной местности и тогда глазам путешественника открываются то зеленые луга, то поблескивающая поверхность пруда, то синеватые холмы, исчезающие в туманном воздухе. Вдали уступками поднимается темная зелень лесов или расстилаются поля, поросшие красновато-коричневыми цветами гречихи.

На всем лежит печать уединенности и безлюдья, столь дорогих сердцу мечтателя.

На краю узкой полоски воды, в местности, скорее напоминающей ущелье, чем долину, стоит

беспорядочно разбросанная группа зданий, увенчанных тремя высокими трубами.

Этот гигантский маяк отбрасывает ослепительный свет на соседние вершины, напоминая собою кучу скал, в беспорядке нагроможденных руками титанов.

В целом здание напоминает одновременно и замок, и фабрику, а полуразрушенные почерневшие башни выглядят так, как будто они только что подверглись ожесточенному штурму.

Рядом находится обширный пруд, расширяющийся в северной части; через него перекинут каменный мост, заменивший древний подъемный мост, от которого остались лишь две башенки.

В вечерние сумерки все это приобретает совершенно фантастический вид: высокие черные башни поднимаются прямо из коричневато-золотистых вод пруда, а их вершины в лучах заката кажутся украшенными пучками пурпурных перьев.

Ко всему этому следует добавить оглушительный шум — рев воды, металлический стук падающего молота и завывание ветра в верхушках деревьев.

Теперешний чугунолитейный завод Нуармон

в свое время был замком Нуармон, о чем теперь напоминают лишь толстые стены да полуразрушенные башни. Но было это давно, очень давно! Даже в памяти местных старожилов облик замка ассоциировался лишь с печальными руинами.

В то время, то есть лет за двадцать до начала нашего рассказа, единственными обитателями этого мрачного покинутого людьми жилища были лишь совы да летучие мыши.

О замке в округе рассказывали странные вещи и даже самые смелые крестьяне не осмеливались проходить мимо него после захода солнца без того, чтобы, перекрестившись, не сотворить молитву. Суеверные люди предпочитали идти кружным путем, поднимаясь по холму лишние три четверти мили, лишь бы только обойти стороной эти населенные, по их мнению, призраками развалины.

Однако, усилиями одного человека эта разрушенная графская твердыня через несколько лет была превращена в процветающее промышленное предприятие.

Человек этот, возможно бывший гениальным, несомненно вдохновлялся доброй целью, ибо, обогащаясь сам, обогащал вместе с тем и всю округу.

Используя окрестные леса, он дал работу многим и теперь, после нескольких столетий безделья, местный водопад возобновил свою привычную деятельность.

За короткое время все вокруг коренным образом изменилось. Покинутые дома вновь заселились, а количество больных уменьшилось, ибо питание улучшилось, а плата за труд повысилась. Возделанные поля радовали взгляд, деньги потекли рекой и постепенно все население волей одного человека втянулось в совершенно новую жизнь.

Однако работа графа Жоржа де Ранкона, к несчастью, не была завершена. За полгода до начала нашего рассказа он умер, искренне оплакиваемый молодой вдовой и всем окрестным населением.

Итак, действие начинается в конце марта, глубокой ночью.

Из труб чугунолитейного завода не идет больше дым, не слышно даже шума воды, ибо огромные гребные колеса остановились.

Не слышно иного шума, кроме свиста ветра в ветвях деревьев да стука дождя в кустах. Погода стоит отвратительная, во внутреннем дворе замка временами раздастся протяжный и унылый

вой собак, предвещающий, согласно старому суеверию, чью-то близкую смерть.

Поблизости от замка, между берегом пруда и фабричной стеной, маячит мужская тень. Заслышав вдали приближающийся стук лошадиных копыт, незнакомец остановился и внимательно прислушался.

У садовой калитки, выходящей на дорогу, замерла какая-то женщина. Похоже, она тоже чего-то ждет.

И, наконец, между группой новых зданий и замковыми службами на стену с привычной ловкостью карабкается третья тень. Это мальчик лет пятнадцати. Вот он сел верхом на стене и собрался было снова спуститься вниз, но неожиданно прислушался, вытянув шею, к каким-то звукам.

— Нет, я ошибся. Это просто шум ветра, — прошептал он наконец, покачав головой.

С этими словами подросток легко соскользнул со стены во двор. Однако слух не подвел его. Сквозь шум непогоды донесся громкий резкий свист и крик ночной птицы.

Услышав этот двойной сигнал, мужчина во дворе и женщина у садовой калитки встрепенулись. Женщина подошла к молодому человеку в надвинутой на глаза огромной шляпе, какую носят

лимузенские крестьяне, а мужчина прыгнул в лодку, бесшумно заскользившую по глади пруда к противоположному берегу, где его нетерпеливо ждал всадник в темном плаще.

— А вот и вы наконец, господин доктор, — тихо проговорил человек в лодке. — Сегодня понадобятся ваши услуги. Но сначала нам надо поговорить. Лошадь вы можете привязать вон под тем навесом. Торопитесь, прошу вас.

Оставив лошадь в указанном месте, доктор поспешно сел в лодку, которая стрелой понеслась к замку.

Тем временем на другом берегу пруда происходил следующий разговор.

— Это вы, господин Октав? — таинственно осведомился светский голосок молоденькой девушки.

Поскольку молодой человек в крестьянском платье ничего не сказал в ответ, девушка продолжила говорить, крепко держа его за руку.

— У графини нет от меня никаких тайн, я же, со своей стороны, готова отдать за нее жизнь.

Скромно потупившись, она тихо добавила:

— Конечно же, я с радостью пожертвую жизнью и ради всякого, кого любит госпожа графиня.

Тут она почувствовала дрожь в руке, которую

все еще продолжала сжимать в своей.

— Ради всякого, кого она любит? — с трудом переспросил молодой человек.

— Она была очень печальна, — заметила девушка, тряхнув хорошенькой светловолосой головкой, — но, получив ваше письмо, госпожа графиня почти развеселилась. Мы должны беречь ее, ибо она так много страдала…

Садовая калитка, отворившись, снова захлопнулась и Октав пошел к дому вслед за своей очаровательной проводницей.

У входа в замок он, однако, попросил девушку остановиться.

— Послушай, Роза, — тихо проговорил он, — с того дня, как дом изгнал меня из Нуармона, прошло много времени и случилось немало событий. Прежде чем войти, я должен все узнать.

Сказав это, он указал на тусклый свет, пробивавшийся сквозь ставни второго этажа.

— Хорошо, господин Октав, следуйте за мной, — пробормотала девушка.

Вместо того, чтобы войти в дом, она свернула направо, направившись к центральному зданию. При этом никто из них не заметил, как за ними бесшумно скользнула чья-то тень.

— Я веду вас самым длинным и неудобным пу-

тем, — заметила Роза, — ведь если бы мы вошли в дом, нам пришлось бы пройти через комнату графини.

Кивнув головой в знак согласия, Октав исчез вслед за девушкой в темном отверстии всегда открытой двери для прислуги.

Таинственная тень осторожно последовала за ними.

Молодые люди вошли в маленькую комнату, освещенную тусклым светом незатейливой лампы.

Вся обстановка каморки состояла из деревянной кровати, простого стола и огромного сундука. На полочке в изголовьи кровати стоял сосуд со святой водой, украшенный ветвью самшита. Единственным украшением стола служил горшок с цветами.

— Госпожа спит, — тихо проговорила Роза, — и у нас есть еще немного времени.

Октав молча окинул взглядом этот приют чистоты и невинности. Заметив это, Роза слегка покраснела.

— Это моя комната, — смущенно заметила она.

Молодой человек тем временем снял широкополую шляпу и слабый свет лампы озарил его благородное лицо, обрамленное темными

волосами.

Внимательно посмотрев на него, Роза чуть заметно улыбнулась.

— Я была совсем маленькой, когда вы покинули Нуармон, но все же сразу узнала вас.

— И я узнал тебя с первого взгляда, Роза, — воскликнул Октав. — Я тоже не забыл тебя и, как видишь, полностью тебе доверяю, ибо собираюсь посвятить тебя в тайну, от которой зависят жизнь и честь.

Сказав это, он взял руку девушки и прижал ее к своему сердцу.

— Я свято храню все здешние тайны, — ответила Роза. — А теперь, сударь, послушайте, что произошло в доме вашего брата с тех пор, как вы уехали.

Тихонько прокравшись по лестнице, шпион тем временем притаился у двери в комнату, с любопытством подглядывая в замочную скважину, напротив которой в тот самый момент стоял с непокрытой головой Октав.

— Это он! — тихо вскрикнул шпион при виде молодого человека.

В это же самое время двое в лодке вели меж собою тихий разговор.

— Так значит сегодня вечером? — дрожа от

страха осведомился доктор.

— Да, сосчитайте сами. Прошло как раз девять месяцев, — ответил гребец, сделав утвердительный жест.

— Поганая работа, господин Шампион.

— Чепуха, доктор Туанон, ведь за нее хорошо заплатят.

— Особенно тот, другой… — без всякого энтузиазма пробормотал в ответ доктор.

Он не успел закончить. В воздухе раздался протяжный свист и лицо Шампиона озарилось торжеством.

— Тот другой! — повторил он. — Тот другой уже здесь!

ГЛАВА II
Четыре огонька

Четыре огонька, подобно четырем огненным глазам, освещают огромный фасад Нуармона.

Один из них — тусклый свет, пробивающийся через ставни. На него Октав указал своей спутнице, сказав:

— Сначала я должен все узнать, иначе не войду в дом.

Второй проникает через неплотно закрытые шторы маленькой комнатки, где мы оставили Розу и Октава. Третий горит в дальнем конце здания завода, бросая слабый свет на гладкую поверхность пруда. Четвертый освещает въезд во двор замка.

Расскажем сначала об этом месте, а затем, в ходе нашего рассказа, вернемся к событиям, происходящим при свете остальных трех огоньков.

В огромной комнате, похожей на бондарню, сидят двое — это старик и юноша, почти мальчик.

Просторное помещение кажется еще больше из-за того, что освещается лишь единственной сальной свечой, стоящей на каминной доске.

В очаге только что догорели два полена, а пол комнаты усеян недоделанными бочками, а также обручами и досками.

Старик лежит на набитом соломой тюфяке; от холода его частично защищают одетые одна на другую теплые одежды.

Время от времени больной приподымается на своем убогом ложе, протягивая длинную костлявую руку за чашкой, которую подает ему мальчик.

Лицо старика светлеет и он тихо говорит:

— Смерть близка, Жозеф. Скоро пробьет мой последний час.

— Не говорите так, папаша Биасон! Смерть…

— Слышишь? Нуаро воет на луну. На вершине Франдаля видели горящую свечу. Тем, кто еще любит Ранконов, не забыть этой ночи и через двадцать лет!

Затем, с лихорадочной поспешностью перейдя к другой теме, старик продолжил:

— Ранконы — настоящие аристократы, Жозеф, и это так же верно, как то, что мы с тобой оба христиане. В старые времена вряд ли можно было найти более храбрый и благородный род. Им принадлежали замки Нуармон, Акреваль и Ранкон, а также все леса и поля, холмы и долины в этой

округе. Графы де Ранкон были горды и отважны. Из уст в уста передавались легенды о сокровищах, сокрытых в подвалах их замков и сами сеньоры де Рожешуар называли себя их кузенами. И вправду, это был замечательный род! Потом настали тяжелые дни. Вся наша провинция была предана огню и мечу. Было это очень давно, даже отцы и деды не помнят того времени. Описаний тех событий не найти в исторических хрониках. Ранконы были преданы своему сеньору, сражавшемуся на стороне гугенотов, но счастье отвернулось от них. Нуармон был разграблен и наполовину разрушен. Ранкон, этот прекрасный замок, сравняли с землей; место, где он стоял, посыпали солью, а деревья в парке и в ближней роще уничтожили. С тех пор деревья выросли вновь, но замка Ранкон больше не существует и даже память о нем давно исчезла.

Тяжело вздохнув и немного помолчав, старик продолжал:

— Жозеф, смерть близка, я очень слаб. Ты должен узнать все. Близок тот миг, когда у Ранконов кроме тебя не останется ни одного друга на земле. За несколько лет до революции, они, бывшие некогда хозяевами этой провинции, превратились в бедных скромных дворян. Но несчастья не

сломили их дух. Старый граф Жан остался настоящим вельможей, хотя от его прежних владений почти ничего не осталось. Сыновья его, Франсуа и Гильом, были смелыми и благородными юношами; под их простой одеждой из грубой ткани бились отважные сердца и старик гордился сыновьями с полным основанием.

После краткого молчания старик продолжил рассказ:

— Франсуа был старшим. Крепкий, как молодой дуб, он во всем походил на отца. Младший, Гильом, красивый утонченной женственной красотой, пошел в мать.

— Ах, Жозеф, какое это было впечатляющее зрелище, когда старый граф сидел в огромном дубовом кресле меж своих сыновей, которые испытывали перед ним почтительный трепет, любя и почитая его, как какое-то божество.

И тем не менее, один из них, причем младший и любимый сын, схожий лицом со святым на старинной картине, нанес отцу смертельный удар.

Графиня Мари взяла на воспитание бедную сиротку, дочь одного из своих арендаторов, к которой стала относиться, как к собственному ребенку. Девушку звали Жанной и она была прелестна в свои неполные шестнадцать лет, так что

смотреть на это юное созданье без доброй улыбки было поистине невозможно.

Старый граф бывало говаривал, играя кудрями Жанны:

— Ну что же, дорогие дети, пора нам подыскивать мужа для этой девушки.

Слыша это, Жанна застенчиво краснела, а Гильом, кусая губы, молча склонял голову.

Гильом и Жанна любили друг друга.

Выросши вместе, они почти никогда не расставались, бродя вдвоем по рощам и лугам; Гильом не знал никого красивее Жанны, а Жанна не знала никого красивее Гильома.

Считая их любовь лишь братским чувством, старый граф Жан часто посмеивался над ними, не догадываясь об истинном положении вещей.

Но однажды решив проявить твердость, он понял, что время упущено.

В доме разыгралась ужасная сцена. Старик гневно приказывал, а сын, дрожа, молча стоял с опущенной головой. Рассерженный голос графа глухо доносился из-за толстых деревянных дверей, затем, наконец, послышался голос Гильома — сначала тихий, почтительный и дрожащий, а затем мужественный и громкий. Молодой лев пробудился от спячки, в нем взыграла горячая

кровь и чувства юноши неудержимым потоком выплеснулись наружу.

Что сказали друг другу отец и сын за тот час, что провели вместе, запершись в комнате? Никто, кроме них, не знает этого и никогда уже не узнает, ведь есть слова, которые нельзя произнести дважды.

Известно лишь, что Гильом вышел после этого разговора смертельно бледный, а граф в тот же вечер велел убрать со стола приборы сына и приемной дочери, заявив, что у него остался лишь один сын.

С того самого дня силы старика стали заметно истощаться и он совсем перестал ездить верхом. Вскоре он уже не выходил за пределы парка, затем за пределы своей комнаты, а через несколько месяцев слег в старинную кровать, украшенную фамильными гербами, откуда ему уже не суждено было подняться.

Папаша Биасон закашлялся, пытаясь справиться с охватившим его волнением, и Жозеф поспешно протянул старику чашку, содержимое которой тот с жадностью выпил.

— Силы мои быстро уходят, — печально заметил он, — но я должен довести свой рассказ до конца. Господь не отказал графу в последнем

утешении. За два года до этих событий Франсуа женился на прелестной девушке и теперь у кровати, где медленно угасала жизнь старого графа, играл очаровательный кудрявый ребенок. Но ни заботливость невестки, ни почтительная любовь старшего сына, ни игры внука не могли заменить старику отсутствующего сына, которого он сам проклял, навеки изгнав из своего замка.

Не в силах справиться с охватившим его волнением, Биасон громко зарыдал, но, успокоившись немного и взяв себя в руки огромным усилием воли, он снова заговорил.

— Когда бунтовщики обезглавили короля, Франсуа вместе с женой и маленьким сыном Жоржем нашли убежище в армии принца Конде. Много лет ничего не было слышно ни о нем, ни о его младшем брате Гильоме, но все же где-то на чужбине жило двое Ранконов — старший Жорж-Франсуа и младший Октав, родившийся уже в изгнании.

Тем временем в комнате Розы Октав сидел рядом с девушкой, ведя с ней оживленную беседу.

— Когда я впервые прибыл сюда, — говорил Октав, — ты, Роза, была еще слишком мала и, возможно, успела с тех пор все позабыть. В Нуармоне тогда царили радость и веселье. Мой брат Жорж

понял, что время классовых различий безвозвратно ушло в прошлое и в наш век дворянская семья может вновь завоевать высокое положение лишь благодаря уму и усиленной работе. Наше предприятие процветало и чугунолитейный завод Нуармон получил широкую известность, гораздо большую, чем вся прежняя слава замка Нуармон. Промышленный мир, сначала сторонившийся Жоржа де Ранкона, возможно, по причине его графского титула, повернулся лицом к молодому мужу Элен Ромье, дочери простого горожанина. Свадебные торжества были устроены прямо в ярко освещенных цехах. Молодой граф Жорж сиял от счастья, невеста была радостна и весела, лишь я один терзался муками в тот вечер.

Нежные глаза Розы с нежным участием смотрели на молодого человека, который тихо продолжал свой рассказ.

— Я приехал с твердым намерением разбранить брата за его мезальянс, ибо будучи тогда почти ребенком, исповедовал принципы, подвергшиеся впоследствии сильным изменениям.

Элен с первого же взгляда обезоружила меня, второго взгляда оказалось достаточно, чтобы я стал ее верным рабом. Поверишь ли, Роза, шесть месяцев, шесть долгих месяцев я испытывал

невыразимые муки, любя женщину, принадлежавшую другому, и этим другим был мой родной брат! Но даже в своем горе я находил какое-то горькое удовольствие и чем больше страдал, тем сильнее стремился к этому страданию. Вместо того, чтобы благоразумно удалиться, я остался в замке, ревниво следя за чужим счастьем, разрывавшим мне сердце.

Помолчав немного, Октав продолжил свою исповедь.

— Однажды — да будет навеки проклят тот день — мне показалось, что Элен отвечает мне взаимностью и страдания мои не остаются безответны. И тогда я — клянусь тебе в этом, Роза, — принял твердое решение. Попрощавшись с ничего не подозревавшим братом, я покинул замок и отправился странствовать по свету в поисках смерти, которая, однако, упорно избегала меня. Три месяца назад, в результате июльской революции, в Ванди вспыхнула гражданская война и я немедленно поспешил туда. Сражаясь за герцогиню Беррийскую, я двадцать раз рисковал жизнью. Мы были разбиты, но я остался жив. Сегодня я снова принял решение, как и в тот день, когда покинул брата, — никогда больше не видеть ее. Я только попрощаюсь с любимой, а затем…

— И что же затем? — взволнованно осведомилась Роза.

— Мы потерпели поражение, — тихо отозвался Октав, — за мою голову назначена награда, а дорога в Лимож находится под наблюдением полиции…

— В наши дни заговорщиков больше не казнят, — с улыбкой заметила Роза.

— Не казнят, но тех, кто оказывает вооруженное сопротивление могут застрелить на месте, — задумчиво произнес Октав.

Лицо Розы покрылось смертельной бледностью.

— А вы намерены сопротивляться? — в ужасе вскричала она.

— Да, ибо я хочу умереть, — просто ответил он.

Услышав это, девушка умоляюще сложила руки, в отчаянии глядя на Октава.

— Выслушайте меня, — воскликнула она в горестном порыве, — а потом можете дать себя убить, если хотите! Вашему брату Жоржу было все известно!

Октав в изумлении уставился на нее.

— Да, он знал, что вы любите госпожу графиню и что она, в свою очередь, отвечает на ваше чувство. Однако он всецело доверял вашему бла-

городству и ее благоразумию и порядочности. До самой смерти он ни единым словом не выдал этой тайны.

Всегда спокойный и доброжелательный на вид, он тем не менее испытывал муки ревности, которые тщательно стремился скрыть из присущего ему благородства. Госпожа моя, чувствуя молчаливое горе мужа и испытывая глубокую благодарность за проявляемое им благородство, удвоила к нему свое внимание, которое граф охотно принял за любовь, ибо в этом деле сам стремился к самообману более чем кто-либо. Госпоже Элен тем временем и самой стало казаться, что ей наконец-то удалось излечиться от тайной страсти, и в доме наконец снова воцарилось счастье.

Предприятие процветало, принося все больший доход. Тут-то графу Жоржу и пришла в голову мысль сделать управляющим дальнего родственника моей госпожи по имени Эркюль Шампион. С появлением этого человека в дом вошло несчастье.

— Эркюль Шампион! — поспешно воскликнул Октав. — Думаю, что здесь ты ошиблась! Именно ему я обязан своей жизнью. Совсем недавно Эркюль спас меня от преследователей, достав

этот костюм, который помог мне изменить внешность. Уверен, что в случае необходимости он снова будет готов прийти мне на помощь.

— Я ни в чем не обвиняю господина Шампиона, — ответила Роза. — Возможно, он, как вы и сказали, действительно преданный друг и родственник, но виноват он в этом или нет, а с его появлением в замок пришла беда и это не вызывает никакого сомнения.

— Почему ты так думаешь?

— По какой-то никому не ведомой причине дела вдруг сразу пошли хуже, причем никого, казалось, нельзя было обвинить в нерадивости и лени. С каждым днем граф Жорж становился все мрачнее и задумчивее. Заботы и постоянное плохое настроение плохо отразились на его здоровье. Всегда бледный и печальный, он за несколько месяцев постарел на много лет, и чем слабее становился граф, тем больше сил требовалось ему для приведения в порядок быстро ухудшающихся дел.

— Продолжай же, Роза, прошу тебя! — взволнованно проговорил Октав, когда девушка замолчала.

— Болезнь и неотступная печаль вскоре сделали свое обычное дело. Господин граф слег в

постель и с тех пор вся жизнь его превратилась в одну долгую борьбу со смертью. Ему так хотелось жить, чтобы воспитать и вырастить ребенка, которому теперь не суждено ничего узнать о своем отце, кроме надписи на надгробном камне. В день смерти он вызвал к себе жену. Мы с Жозефом находились тогда в прихожей.

— А кто такой этот Жозеф?

Услышав этот вопрос, девушка покраснела до корней волос.

— Это внук бедняжки Жаннисон, женщины жившей здесь по соседству, которая умерла вскоре после того, как пришла в наши края, — смущенно пояснила Роза. — Жозеф — тот человек, который всегда готов пожертвовать жизнью ради семейства де Ранкон. Итак, мы с Жозефом находились в передней, когда граф Жорж позвал нас к себе тем слабым голосом, который и сейчас стоит у меня в ушах: «Подойдите сюда, дети мои, и выслушайте то, что я скажу вашей госпоже. В вашей преданности я совершенно уверен, так же как и в том, что при необходимости вы засвидетельствуете мои слова».

Затем, обернувшись к рыдавшей жене, он продолжал:

— Элен, ты всегда была мне верной женой. Все,

чем я владел, теперь принадлежит тебе. Вот мое завещание, но к имеющимся в нем распоряжениям мне хотелось бы устно добавить одно условие, которое я не могу изложить в письменной форме. Ты еще молода, Элен. Мне никогда не суждено будет увидеть нашего ребенка, которого ты вскоре родишь, поэтому я хочу дать вам надежного защитника. Ты — моя единственная наследница, Элен, и ради тебя я намеренно ущемляю интересы своего брата Октава, ибо знаю, что только так я смогу преодолеть твою верность моей памяти. Элен, я хочу, чтобы ты вышла замуж за моего брата Октава. Вы слышали? — спросил он, оборачиваясь к нам. — Я требую выполнения этого условия.

Затем он услал нас из комнаты повелительным жестом.

Октав де Ранкон закрыл лицо руками, чтобы скрыть подступившие к глазам слезы.

Молча подождав несколько секунд, Роза застенчиво продолжала:

— Господин Октав, этот час настал. Сегодня вечером должен родиться ребенок вашего брата, которого он завещал вам. Это будет ваш ребенок…

* * *

Первый огонек еще горел.

В цеху, служившем ему обиталищем, старый Биасон слабеющим голосом продолжал свою исповедь:

— Враг Ранконов живет у них в доме и ест их хлеб, — тихо шептал он. — Сегодняшняя ночь — ночь его торжества и ни ты, ни я не сможем ему помешать, но благородный род не должен исчезнуть и я знаю тайну, которая поможет ему возродиться и снова подняться на недосягаемую высоту. Я сам пытался осуществить это, но не смог, ибо я слишком стар и немощен. Тайну эту, столь ярко запечатлевшуюся в моем мозгу, что даже приближающаяся смерть не в силах заставить меня забыть о ней, я уже пытался сообщить в свое время графу Жоржу, но тогда он лишь посмеялся надо мной, ведь все считают меня дураком. Лишь ты один всегда доверял мне, поэтому тебе будет принадлежать этот секрет, который спасет Ранконов и снова вернет им богатство и величие.

Помолчав, старик продолжал свой рассказ:

— Выслушай меня. История эта известна всем крестьянам в округе и любой из них может рассказать ее не хуже меня. Я часто слышал ее из

уст старого графа Жана, который, как и все, лишь смеялся над ней, но мне хорошо известен путь к сокровищам Ранконов, которые скрыты в одной из пещер, расположенных под тем местом, где некогда возвышался замок Ранкон. Эти подземные склепы и сводчатые переходы напоминают городские улицы и переулки, запутанная сеть которых раскинулась на большом пространстве, так что можно сто раз пройти мимо клада, но так и не обнаружить его.

Измученный старик замолчал, но немного передохнув, снова продолжил:

— Однажды, когда наметился явный упадок в делах Ранконов, и я начал подозревать возможность того ужасного события, которое должно произойти сегодня ночью, я попытался сосредоточиться и собраться с мыслями. Через восемь дней я пришел к правильному решению, тайно покинув замок. Целую неделю меня считали погибшим, безуспешно пытаясь разыскать папашу Биасона. Все это время я провел в пещерах Ранкона. Я искал, искал — и нашел!

Приподнявшись на своем убогом ложе, Биасон взволнованно воскликнул:

— Да, я нашел сокровище! Вот эти самые руки перебирали золото, золото Ранконов, упрятанное

в огромные сундуки. Вернувшись, я рассказал о своем открытии графу Жоржу, но он высмеял меня, заявив, что я просто спятил. Лишь ты один, Жозеф, поверил мне, и теперь лишь ты один узнаешь всю правду!

Не веря своим ушам, Жозеф внимательно слушал старика. Юноше казалось, что он грезит и видит какой-то странный и причудливый сон.

Нервно ухватив юношу за руку, Биасон пристально вгляделся Жозефу в лицо и слабым голосом проговорил:

— Ведь ты веришь мне и сделаешь все, что я скажу?

Помедлив секунду, Жозеф твердо ответил:

— Да, я вам верю и выполню все, что вы потребуете от меня.

— В таком случае, Ранконы спасены! — радостно воскликнул старик, хлопая в ладоши.

Восторг умирающего был столь велик, что выпрыгнув из кровати, он заплясал по комнате.

Жозеф, действительно было поверивший ему, невольно впал в сомнение при виде этого безумного поступка.

— Старик явно бредит и сокровище, которое должно спасти Ранконов, несомненно существует лишь в его больном воображении, — подумалось

ему в этот миг.

Старик тем временем опустился на колени в дальнем углу огромной комнаты и принялся ногтями разрывать мягкую землю.

— Папаша Биасон, вы же можете простудиться, ложитесь скорее в постель! — взволнованно вскричал Жозеф.

Обернувшись к нему с презрительной улыбкой, Биасон сердито воскликнул:

— Похоже ты тоже считаешь меня сумасшедшим и не хочешь выполнить моей просьбы?

— О нет, я сделаю все, что хотите, только ложитесь скорее в постель. Я готов выполнить все.

— Клянешься ли ты в этом?

— Клянусь, и да поможет мне Бог!

— Тогда Ранкон спасен! — радостно вскричал Биасон, торжествующе размахивая в воздухе перепачканным в земле свертком. — Да, даже если граф Октав попадет во вражескую ловушку, даже если графиня Элен и ее еще не родившийся ребенок станут жертвами этих негодяев, Ранкон все равно будет спасен!

На этот раз старик, похоже, действительно бредил. За исключением графа Октава и вдовы его брата Жоржа, в целом свете не существовало более ни одного Ранкона. Подумав об этом, Жозеф

невольно пожал плечами.

Заметив это, Биасон тем не менее остался спокоен.

— Теперь совершенно не важно, верит он мне или нет, ведь он поклялся выполнить мою просьбу, — подумалось ему.

Придя к этой мысли, старик молча вытащил из свертка тщательно запечатанный конверт и какую-то грязную бумажку с грубо нарисованным на ней планом.

На конверте стояло имя Жозефа и юноша невольно захотел разорвать его, но Биасон удержал его за руку.

— Поклянись мне, что сломаешь эту печать лишь после того, как найдешь сокровище! — воскликнул старик.

— В таком случае, я никогда не узнаю, что там написано, — промелькнуло в голове у Жозефа.

— Поклянись мне, — продолжал Биасон, — что до тех пор, пока в живых будет оставаться хотя бы один из Ранконов, ты посвятишь ему всю свою жизнь, весь свой ум и все свои силы. Не вскрывай этот конверт до тех пор, пока не увидишь Ранкона снова богатым, почитаемым и вернувшимся в дом предков, несмотря на все грозившие ему опасности!

Торжественность этой сцены невольно подействовала на Жозефа и он почувствовал, что доверие к старику снова вернулось к нему.

— Клянусь! — дрожащим от волнения голосом произнес он.

— Тогда посмотри на эту бумагу и выслушай все, что я тебе скажу.

— Но как же быть с этим конвертом? Что в нем? — спросил Жозеф, которому таинственное письмо буквально жгло пальцы.

— В нем содержатся твоя награда и мое оправдание, — тихо пробормотал Биасон.

* * *

Что же происходило в двух других освещенных комнатах замка Нуармон, пока Жозеф слушал старого бочара, а Октав беседовал с прелестной Розой?

В одной из комнат первого этажа за бутылкой вина сидели трое.

Двоих из этой компании нам уже довелось повстречать и, несмотря на темноту, скрывавшую тогда их лица, мы узнаем в них Эркюля Шампиона и доктора Туанона.

Третьим собеседником был Жан-Батист Матифо, торговый агент по профессии.

— Так что же, — сказал Шампион, вставая со стула и прислоняясь к камину, — вы можете сделать это или отказаться, решение остается за вами.

— Но двадцати тысяч явно недостаточно, дорогой Шампион, — отозвался Матифо своим тоненьким голоском. Туанон собрался было согласиться с ним, но жесткий взгляд Шампиона заставил его промолчать.

— В случае вашего несогласия, — спокойно заметил Шампион, — я смогу отправить на каторгу вас обоих.

Туанон при этих словах невольно вздрогнул, зато Матифо остался совершенно невозмутим.

— Вы же прекрасно знаете, дорогой друг, что в этом случае сами вскоре составите нам компанию, — небрежно проронил он.

Шампион в растерянности покусывал ногти.

— Давайте же сразу уладим это дело! — поспешно сказал он, видимо приняв какое-то решение. — Итак, каковы будут ваши требования?

— Вот такой разговор мне по вкусу, — добродушно ответил Матифо. — Зачем нам ссориться? Ведь мы пришли сюда затем, чтобы обсудить свои интересы. Послушай, Эркюль, ты умный парень и хороший друг, хотя иногда тебе вредит

собственная порывистость. Не обижайся на мою откровенность, мы просто хотим дать добрый совет старому другу. В делах необходимо проявлять разумную щедрость, а вот этого-то тебе как раз не хватает.

В знак примирения Шампион и Матифо обменялись рукопожатием. Успокоившийся Туанон, выпив бокал вина, с улыбкой посмотрел на собеседников.

— Дело оказалось не таким выгодным, как мы думали, — пробормотал Шампион, снова опускаясь на стул.

— Прости меня, Эркюль, но мне кажется, что ты просто не замечаешь его положительных сторон, — заметил Матифо. — Я, со своей стороны, считаю это дело прекрасным и весьма прибыльным.

— Но ведь с этим связаны определенные опасности, — отозвался Шампион.

— Для нас — да, но только не для тебя. Ты очень хитер, друг мой, и я всегда отдавал тебе должное в этом смысле. В случае неудачи на тебя не падет ни тени подозрения, в жертву будем принесены мы с доктором. Не подумай только, что я решил жаловаться! Ведь ты законный наследник и у тебя есть все права. Прежде чем поделить добы-

чу, ее надо сначала получить. Только когда дело дойдет до дележа, ради Бога, не торгуйся! Ведь мы же почти как братья, не так ли?

Растроганный собственными словами он замолчал, как бы не в силах говорить дальше.

Туанон под влиянием эмоций позволил слезе скатиться в свой бокал.

— Как братья! Как братья! — чуть иронично повторил Шампион.

— Во сколько оценивается сейчас завод? — осведомился Матифо.

— В четыреста тысяч франков.

— И это все?

— Да, поскольку мы намеренно запустили дела, чтобы хоть как-то объяснить довольно внезапную смерть графа Жоржа. Конечно, это весьма прискорбно, но если бы кто-нибудь попытался добраться до сути…

— То обнаружил бы, что смерть, вызванная горем, весьма сильно напоминает смерть в результате отравления, — закончил его мысль доктор.

— Конечно! Но бедняга Жорж умер из-за того, что дела на заводе стали идти все хуже и хуже, вот горе, причиненное убытками, и свело его в могилу! Надо признаться, что граф был довольно-

таки беззаботен, зато Шампион, лучший делец во всей провинции, через год или два сможет восстановить Нуармон в прежнем блеске и тогда-то он снова будет стоить добрых восемьсот тысяч франков.

Шампион в ответ на это лишь молча покачал головой.

Матифо, так и не дождавшись от него никаких слов, тем временем продолжал:

— Отсюда вплоть до самого Акреваля тянутся прекрасные леса, которые я успел рассмотреть по дороге. Я видел там дубы, которые не согласился бы продать министерству военно-морского флота даже за пятьсот тысяч франков. Кроме того, поместье Нуармон включает в себя луга, фермы и другие земельные участки. На сколько все это потянет по твоим расчетам, Шампион?

— Не больше чем на сто тысяч франков.

— Я с радостью купил бы все оптом за сто пятьдесят тысяч! Но нет, я просто пошутил, ибо никогда не соглашусь нажиться за счет друга. Итак, пусть будет двести пятьдесят тысяч франков.

Сказав это, Матифо обмакнул указательный палец в свой бокал и аккуратно вывел в углу стола сначала 800 000, а затем 250 000.

— А теперь рассмотрим вопрос о перечне цен-

ных бумаг.

Услышав эти слова, Шампион невольно застонал.

— А теперь рассмотрим вопрос о ценных бумагах, — настойчиво повторил Матифо. — Мы ничего не будем скрывать от Туанона, не так ли? Хоть он и не имеет к этому никакого отношения, но его присутствие здесь отнюдь не лишнее. В соответствии с контрактами, заключенными мною с чугунолитейным заводом Нуармон, за последние два года я приобрел товара на двести тысяч франков.

Широко раскрыв глаза от изумления, Туанон невольно задал себе наивный вопрос, откуда это Матифо мог достать такую огромную сумму?

— Перепродажа этого товара принесла мне прибыль в сто девяносто тысяч франков и было бы поистине странно, если бы такой практичный и методичный человек, как ты, не получил бы своих двадцати тысяч прибыли. Я совершенно уверен, что ты заработал гораздо больше, но не будем останавливаться на этом вопросе. Скажем лучше, двести тысяч франков за ценные бумаги. Итак, восемьсот тысяч плюс двести тысяч в сумме составляют миллион двести пятьдесят тысяч франков. Вот и весь подсчет.

Шампион рад был бы внести свои коррективы в эту бухгалтерию, но вынужден был промолчать, ибо цифры никогда не лгут.

Доктор, изумленный результатом подсчета, почувствовал, как на лбу у него выступают капли пота. Как бы желая запечатлеть у себя в памяти эту огромную сумму, он тихо прошептал:

— Миллион двести пятьдесят тысяч франков! Малыш, который родится сегодня ночью, должен был бы стать очень богатым человеком!

ГЛАВА III
Шампион, Матифо, Туанон и К

Разговор тем временем приобретал все более оживленный характер.

Побагровевшее лицо Шампиона свидетельствовало о том, что он один выпил полбутылки коньяка.

Слегка побледневший доктор Туанон, напротив, совершенно не притрагивался к стоявшему перед ним бокалу.

Матифо же предпочитал пить анисовую водку, и его хитрые глазки под нависшими мохнатыми бровями украдкой внимательно наблюдали за собеседниками.

Теперь настал удобный момент поближе познакомить читателя с этими тремя достойными личностями.

По заслугам и честь. Итак, начнем с хозяина комнаты.

Некоторые считают, что об устрице можно судить по ее раковине. Не стремясь в нашем романе к научным сравнениям, попытаемся, однако, сначала рассмотреть раковину Шампиона, дабы, по

возможности, попытаться составить о нем представление на основе окружающих его вещей.

При первом взгляде на комнату управляющего можно было принять ее за жилище сельского помещика.

Над камином висело с полдюжины охотничьих ружей, а на противоположной стене в изобилии красовались пороховницы, ягдаши и тому подобные предметы охотничьего снаряжения.

На письменном столе, однако, аккуратно лежали документы и бумаги, свидетельствующие о том, что Шампион отнюдь не принадлежал к числу людей, приносящих дело в жертву своим удовольствиям и развлечениям.

Все в этой комнате, напоминавшей одновременно рабочий кабинет и гостиную, стояло строго на своих местах, даже стулья были симметрично расставлены по стенам.

Эркюль Шампион обожал порядок, но любя во всем золотую середину, отнюдь не был склонен жертвовать своими удовольствиями ради дела, ибо являлся врагом всяких крайностей. «In medio stat virtus»(добродетель находится посредине) — сказал один древний мудрец, имея ввиду, что ни в чем не следует перегибать палку, даже если дело идет о добродетели.

И Шампиона действительно можно было назвать своего рода мудрецом. Будучи еще достаточно молодым человеком, он отдавал дань слабостям молодости и после утомительно долгой охоты любил распить бутылку вина и насладиться хорошей шуткой.

Однако за работой Шампион становился холоден и бесстрастен, за что его и называли настоящим дельцом. В такие часы ни бутылка лучшего вина, ни самый соблазнительный взгляд не могли принудить его сбавить цену хотя бы на самую малость.

Внешне это был крепкий тридцатилетний человек с хорошей фигурой и полными румяными щеками, обрамленными черными бакенбардами.

Улыбка его вовсе не была злой, а при желании он умел говорить весьма сердечно и убедительно.

На первый взгляд лицо Шампиона производило неплохое впечатление, но более внимательный наблюдатель заметил бы у него во взгляде злые искорки, которые несколько портили благоприятное впечатление от довольно приятной внешности управляющего.

На портрете легко изобразить нос, рот и лоб, но

гораздо труднее передать взгляд.

Короче говоря, Шампион играл роль великодушного, доброго и благородного человека, а как известно, такие негодяи относятся к числу самых опасных.

Тем не менее, Эркюль Шампион, подобно великим актерам, которые столь долго играют на сцене, что невольно начинают в чем-то уподобляться своим героям и в жизни, с течением времени приобрел некоторые черты того характера, который вначале лишь довольно успешно имитировал.

Являясь в глубине души трусом, он все же обладал некоторой долей энергичности, способной отчасти компенсировать отсутствие мужества.

Что касается характера доктора Туанона, то он прекрасно известен всем и каждому, ибо каждому приходилось встречать такую слабую натуру, одинаково, в зависимости от обстоятельств, склонную к добру и злу, страшащуюся последствий преступления и все же совершающую его не в силах противиться дурному влиянию. У таких людей нет ни больших пороков, ни больших добродетелей.

Люди обычно говорят о таких: «Это хороший человек!» Но, испытывая потребность в настоящем

друге, мы вряд ли постучимся к ним в дверь.

Доктору Туанону было сорок лет. Стараясь скрыть залысину на лбу, он зачесывал вперед длинные черные волосы.

Обладая франтовскими манерами, проявляя хороший вкус в одежде и в выборе лошадей, Туанон пользовался довольно большим успехом у женщин.

Торговый агент Жан-Батист Матифо, уроженец Перигора, был противником более серьезным, хотя и не обладал устрашающей внешностью.

Сухое смуглое лицо без всяких признаков растительности придавало ему вид преждевременно состарившегося человека, а чрезвычайно светлые волосы казались почти седыми.

Узкогрудый и сутулый, с тонкими руками и ногами, он плохо слышал и постоянно моргал подслеповатыми глазами. Высокий дрожащий голос, заикающаяся речь и неприятный перигорский акцент отнюдь не придавали ему привлекательности. Таков был портрет Матифо.

Как мы уже отметили, энергичность отчасти возмещала Шампиону отсутствие мужества. Ни в чем не опровергая заявления Матифо, он быстро воскликнул:

— Ты не ошибся и рассчитал все довольно вер-

но, но что же из этого?

— Ах, дорогой Шампион, я вовсе не ожидал этого от тебя! — плаксиво заявил Матифо. — Разве мы с тобой не старые школьные товарищи и не друзья детства? С нашей помощью (а без нас тебе все равно не обойтись) ты собираешься прикарманить миллион двести пятьдесят тысяч франков и предлагаешь за все услуги какие-то жалкие двадцать тысяч! Поистине, после этого я просто не знаю, кому еще можно доверять!

Воздев руки к потолку, доктор повторял, как загипнотизированный:

— Миллион двести пятьдесят тысяч франков! Миллион двести пятьдесят тысяч франков!

— Пошли отсюда, Туанон! Покажем этому неблагодарному, что еще не растеряли своего достоинства. Такая плата достойна лакеев! Посмотрим, чего ему удастся добиться без нас!

— Но чего же ты хочешь? — вскричал Шампион, совершенно теряя голову.

— Ничего! — с достоинством ответил Матифо.

— Скажи мне свои условия и мы их обсудим!

— Кажется, ты становишься благоразумным, — отозвался Матифо и, снова окунув палец в бокал, продолжил свои расчеты на столе. — Делим миллион двести пятьдесят тысяч на три и по-

лучаем четыреста шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят франков. Именно такая сумма причитается на долю каждого из нас. Но мы же не любим мелочиться, не так ли, Туанон? Мы не будем торговаться, подобно этому человеку, и удовлетворимся круглой суммой в четыреста тысяч франков на брата.

— Четыреста тысяч проклятий! — вскричал Эркюль, взбешенный спокойствием Матифо. — Если вы отказываетесь от двадцати тысяч, то тем хуже для вас. Двадцать тысяч — отличный куш!

— Мудрое замечание. Да, двадцать тысяч франков — прекрасный куш, но четыреста тысяч гораздо лучше.

— Если вы отказываетесь участвовать в этом деле, то лучше скажите сразу, — коротко бросил Шампион. — В конце концов, я справлюсь и без вашей помощи.

— В таком случае, — любезно заметил Матифо, — мы тоже займемся своим делом и сделаем своим сообщником некоего изгнанника, укрытого неподалеку.

Шампион в отчаянии склонил голову. Он был побежден, но все же не смог удержаться от крика, сравнимого лишь с душераздирающим рыданием матери, лишающейся своего ребенка.

— Эти негодяи хотят разорить меня! — громко завопил он.

— Мы хотим разорить тебя? — повторил Матифо, пожимая плечами. — И как ты можешь говорить такое! Мы лишь хотим обогатиться, но отнюдь не желаем разорять тебя.

Ты сам прекрасно понимаешь, что мы с доктором не настолько безумны, чтобы требовать от тебя немедленной уплаты этих денег наличными. Это было бы слишком глупо и дерзко. Как бы успешно мы ни провели это дело, у него все равно останется скверный оттенок, и мы поступили бы крайне неосторожно, если бы дали возможность кому-нибудь заподозрить нашу заинтересованность в тех событиях, которые должны произойти здесь этой ночью. Туанон, например, прибыл в замок в качестве врача, а я здесь для того, чтобы потребовать оплаты по опротестованному векселю. Нам вовсе не надо, чтобы кто-нибудь знал о том, что каждый из нас стремится получить треть наследства графини Элен де Ранкон. Поэтому тебе сейчас нечего бояться, что мы потребуем свою долю в ближайшем будущем.

— Но что же тогда вам нужно от меня сейчас? Спрашиваю вас об этом уже в третий раз!

— О, почти ничего, или, лучше сказать, сущая

безделица. Ты просто должен официально засвидетельствовать, что каждый из нас имеет долю в твоем предприятии в сумме четырехсот тысяч франков. Для доктора это отличный доход, ибо в другом месте ему никогда не получить таких денег, да и мы с тобой не останемся в накладе, — продолжал Матифо, подмигивая Шампиону, — с твоим умом и моим деловым талантом мы заработаем миллионы.

— Хорошо, пусть будет так, — со вздохом согласился Шампион, подумав про себя: «Мне во что бы то ни стало надо избавиться от этих кровопийц».

— Так ты подпишешь эти контракты? — спросил Матифо, вытаскивая из кармана два гербовых бланка. — Они уже юридически оформлены, надо лишь проставить дату. Подумай только, теперь ты являешься прямым наследником!

Шампион придвинулся к лампе, чтобы прочесть документы, и Матифо, глядя на него, подумал:

— Какой дурак! Он ведь даже не подозревает, что в нужный момент я обведу его вокруг пальца. Подписывай, старина! Таскай для меня каштаны из огня, но не надейся, что они достанутся тебе. На этом деле я заработаю миллион!

Туанон в этот миг не думал ни о чем. В глазах

его не отражалось ничего, кроме жадности, а губы сами собой продолжали тихонько шептать:

— Миллион двести пятьдесят тысяч франков!

ГЛАВА IV
Четвертый огонек

Теперь войдем в комнату, выходящую окнами в сад. Все окна обширного помещения, кроме одного, закрыты плотными шторами из дамаста; полог над кроватью сделан из того же материала.

В кровати лежит женщина, светловолосая головка которой покоится на подушке с кружевной отделкой.

Она спит и, видимо, видит какой-то приятный сон, ибо с ее улыбающихся губ одно за другим срываются два имени: Жорж и Октав. Эти имена, объединенные во сне, доказывают ее чистоту и невинность.

Говорит она, без всякого сомнения, с усопшим другом и говорит о том, кому грозит сейчас смертельная опасность, но по-видимому, надежда не оставляет ее, ибо губы молодой женщины продолжают улыбаться.

Да, на пунцовых губках графини Элен де Ранкон играет нежная легкая улыбка. Не станем же тревожить ее мирный сон, ибо давно уже глаза

ее не знали ничего, кроме слез.

Но когда-то все было иначе!

С тех пор прошло только пять лет, но как долог кажется этот срок Элен.

Когда-то она, резвое шаловливое дитя, беспечно играла в отцовском доме, но даже слепая любовь отца не смогла испортить характера этого доброго и милого ребенка. Хотя окружающие наперебой старались исполнить любой ее каприз и предугадать каждое желание, но сердце маленькой Элен оставалось по-прежнему чистым и открытым добру.

Рабочие на фабрике отца просто обожали ее, даже самые бедные и несчастные из них с удовольствием смотрели на дочь хозяина, любуясь ее красотой и грацией.

Шли годы. Однажды на фабрику приехал красивый молодой человек. Едва достигнув двадцатипятилетнего возраста, он уже обладал серьезностью и рассудительностью гораздо более зрелого человека.

Вечером, сидя за столом, Элен поняла из разговора отца с их гостем, что тот прибыл для изучения производства на фабрике господина Ромье.

Юности свойственно любопытство и Элен

невольно задалась вопросом, почему этот молодой человек столь серьезен и печален. В его присутствии она испытывала невольную робость, хотя бессознательно тянулась всем сердцем к графу Жоржу де Ранкону.

Вскоре ей удалось узнать его тайну.

В чужой стране остались могилы его родителей, умерших в эмиграции, этим и объяснялся печальный вид молодого графа.

Перед Жоржем, несмотря на молодость, стояла трудная задача — восстановить былой блеск знатного имени и семейное благосостояние. Вот почему он был так серьезен.

Доброе маленькое сердечко Элен наполнилось состраданием, вскоре перешедшим в любовь, но все же граф Жорж продолжал внушать ей какую-то робость. Чувство, испытываемое ею, было не похоже на обычную любовь шестнадцатилетней девушки, на ту любовь, от которой ширится грудь, загорается взгляд, а на губах играет счастливая улыбка.

Нет, думая о красавце Жорже, она испытывала печаль. Глаза ее невольно опускались вниз, а сердце сжималось, как от предчувствия какого-то несчастья.

Суровость молодого графа угнетала ее юный

дух и гасила пламя энтузиазма, в его присутствии она теряла свойственную ей шаловливую ребячливость. Она любила Жоржа так, как некоторые дети любят отца — в этом чувстве нежность сочеталась со страхом.

И все же, Элен была слишком молода, чтобы правильно разобраться в своих чувствах, которые быстро приняла за любовь.

Однажды, через полгода после приезда Жоржа, она вдруг почувствовала себя необычайно счастливой, ибо в тот день он впервые улыбнулся ей.

В то время в окрестностях как раз разразилась страшная эпидемия.

За день до того умер лучший работник господина Ромье, жена его собиралась последовать за мужем. Несчастные родители оставили после себя пятилетнюю дочь, которой грозила печальная участь круглой сироты. Элен постучалась в кабинет отца в тот самый момент, когда тот был занят разговором с Жоржем. Девушка при этом дрожала от страха, ибо господин Ромье раз и навсегда распорядился, чтобы его никто и никогда не смел отвлекать от дел.

Робко рассказав ему о несчастье, приключившемся с бедной семьей, Элен попросила разрешения взять на воспитание маленькую

сиротку Розу. Просьба эта казалась самой Элен столь смелой, что она даже не осмелилась поднять глаза, чтобы убедиться в том впечатлении, которое произвели на отца ее слова. Бросив наконец несмелый взгляд на господина Ромье, девушка к собственному изумлению заметила, что глаза у него наполнились слезами; на губах же Жоржа она увидела нежную мягкую улыбку.

Едва ли стоит говорить, что просьба ее была удовлетворена.

В тот день она случайно на какую-то минуту осталась наедине с Жоржем. Нежно взяв ее за руку, он тихо шепнул:

— Как вы добры, мадемуазель!

Глаза его, однако говорили:

— Как вы прелестны!

Тот день, когда Элен оставила отцовский дом, чтобы обрести семейный очаг в замке Нуармон, был для нее полон радости, смешанной с печалью, ибо она сама к тому времени осталась круглой сиротой.

Старый замок был торжественно разукрашен для приема новой хозяйки.

Элен буквально боготворила своего мужа; стоило тому нахмуриться, как она начинала дрожать от страха. Каждое его желание было законом для

молодой жены, которая с каждым днем все больше и больше убеждала себя в том, что именно такая любовь и является истинной и единственно возможной.

Затем в замок приехал Октав. Октав был столько же похож на своего брата, сколько веселье юности походит на суровость перенесшего жизненные бури немолодого человека.

Будучи ровесником Элен, Октав красотою нисколько не уступал Жоржу.

Никогда не знав ни отца, ни матери, он не испытывал сожаления о прошлом. Избрав для себя самую легкую дорогу в жизни, Октав предоставил брату идти тернистым путем.

Во сне Элен соединила имена Жоржа и Октава.

Что же осталось от всех, кого любила Элен? Отец ее умер, Жорж тоже был мертв, а за голову Октава была назначена награда. Сама она смутно предчувствовала какую-то опасность, грозившую ей и ребенку, которого она носила под сердцем.

Неожиданно сон ее, до сих пор тихий и мирный, сменился нервным подергиванием и глухими стонами.

Дверь в спальню бесшумно отворилась.

Вздрогнув от испуга, графиня села в постели и чуть слышным от волнения голосом спросила:

— Кто там?

— Это я, сударыня, — отозвалась своим нежным голоском Роза.

Вздохнув с облегчением, Элен вновь откинулась на белоснежную подушку.

— Ах, это ты, Роза, — произнесла она, — подойди ко мне, милое дитя. Сама не знаю почему, но мне как-то жутко оставаться одной в этой мрачной комнате. Садись сюда и не уходи больше.

— Но я не одна, — нерешительно заметила Роза.

— Не одна? — с этими словами Элен снова приподнялась и в ту же секунду радостно воскликнула:

— Октав?

Но молодой человек уже успел опуститься на колени у кровати, целуя протянутую ему тонкую белую руку.

С минуту оба они хранили молчание, затем Элен тихо спросила:

— Октав, Октав, неужели это действительно ты?

— Да, да, Элен, это действительно я.

Осторожно высвободив руку, которую нежно продолжал сжимать молодой человек, Элен наконец осведомилась:

— Почему ты снова здесь?

— Почему я снова здесь, Элен? Да потому что нам надо исполнить последнюю волю умирающего, потому что скоро должен родиться ребенок, которому я заменю отца!

— Которому ты заменишь отца? — переспросила графиня.

— Да, и я во что бы то ни стало оправдаю это доверие. О нет! — печально добавил он, — я уже не рассчитываю на то счастье, на которое так рассчитывал когда-то! Поверь, Элен, сюда меня привела не эгоистичная любовь. Нет, благородное поведение моего брата делает нашим долгом позабыть о ней, иначе с нашей стороны это было бы настоящим преступлением. Любовь моя умерла, Элен, умерла не живя, и я сам похоронил ее в сокровенных тайниках своего сердца. И все же нас ждет счастье, ибо мы оба будем жить для счастья невинного ребенка, которого завещал нам щедрый и благородный Жорж. Из этого ребенка мы воспитаем такого же благородного и великодушного мужчину, каким был его отец, или такую же чистую и прекрасную женщину, какой является ее мать. Это невинное сердечко станет приютом нашей любви. Ты станешь моей женой, ибо такова была воля Жоржа, но несмотря

на это ты останешься его вдовой, а я по-прежнему буду тебе только братом!

Пока Октав говорил, Элен успела усесться в кровати. Щеки ее покрылись румянцем, глаза сверкали, на устах играла неземная улыбка.

— Ты прав, дорогой Октав, — сказала она наконец, — да, ты именно таков, как я думала, именно таким я любила тебя и люблю до сих пор. Да, мы будем достойны твоего брата. Во имя его я принимаю твое предложение и если душа его смотрит сейчас на нас, в чем я не сомневаюсь ни минуты, если она слышит нас и читает в наших сердцах, то я уверена, что она не видит ничего, что не было бы достойно памяти Жоржа.

Рука Элен невольно скользнула в ладонь Октава и тот беспрепятственно запечатлел на ней почтительный поцелуй.

Он снова хотел заговорить, но графиня опередила его, прошептав:

— Молчи! Я так счастлива сейчас. Мне кажется, я вижу, как он смотрит на нас, благословляя наш союз. Дай же мне помолиться!

В течение нескольких минут в комнате слышался лишь тихий шепот молитвы.

Октав, продолжая стоять на коленях, по-прежнему сжимал руку Элен. Внезапно он ощутил

ее дрожь.

Во дворе послышался стук копыт, возвещавший официальное прибытие в замок доктора Туанона.

Через несколько минут в дверь тихо постучали.

— Кто там? — спросила Роза.

— Это я, Эркюль, — послышался голос Шампиона.

Октав сам отпер дверь.

— Вы здесь! — вскричал Шампион, — вот этого-то я и боялся. Скорее, скорее, нельзя терять ни минуты! Не знаю как им это удалось, но полицейские выследили вас и сейчас идут по вашему следу. Вам необходимо бежать как можно скорее.

Казалось, Эркюль был в полном отчаянии. Заламывая руки и рвя на себе волосы, он беспрестанно повторял:

— Какое несчастье! Какое несчастье!

— Успокойтесь, дорогой Эркюль, — с улыбкой заявил Октав. — Не стоит терять голову из-за таких пустяков. Слава Богу, я не в первый раз ускользаю от этих людей, которые, в конце концов, лишь выполняют свой долг. Герцогине Беррийской пришлось испытать гораздо больше

опасностей, прежде чем ее арестовали в Нанте, обнаружив ее убежище в тайнике за камином. Все что мне требуется — это хорошая лошадь и ничего больше.

Затем, обернувшись к насмерть перепуганной Элен, он добавил гораздо более серьезным тоном:

— С этого часа у меня появились новые обязанности. Провал нашего предприятия освобождает меня от всякой ответственности перед единомышленниками и завтра же я заявлю о своей покорности королю. Король не требует смерти смелых людей, не представляющих для него больше никакой опасности, поэтому успокойся, Элен. Я оставляю тебя под защитой нашего единственного и лучшего друга. Не пройдет и месяца, как я снова вернусь, чтобы никогда больше не покидать тебя.

— Тогда иди, Октав, я буду с нетерпением ждать тебя, — с глубоким вздохом проговорила Элен.

Несмотря на эти прощальные слова, она продолжала удерживать его, не в силах выпустить руку молодого человека. В глазах у нее стояли слезы и, несмотря на все заверения Октава, она невольно думала:

— Если он сейчас уйдет, то нам не суждено

будет свидеться вновь!

— Скорее, скорее! — вскричал Шампион, подбегая к окну. — Должно быть, полиция хорошо расставила караулы. Кажется, они скачут по дороге. Через несколько минут они будут здесь!

Вырвав у Элен руку, Октав не оглядываясь бросился в коридор. Быть может, у него не хватило бы сил, чтобы покинуть ее, если бы только он увидел протянутые к нему руки бедной покинутой женщины, если бы услышал тихий шепот ее бледных губ: «Я никогда больше не увижу его!»

Шампион последовал за графом, догнав его лишь во внутреннем дворе, где столпилось несколько человек.

Доктор Туанон давал указания конюхам, растиравшим ноги его лошади.

— Вот это правильно, — вскричал Шампион, — садитесь на это прекрасное животное, Октав, и скачите прочь, но не езжайте по главной дороге. У нас не хватило времени на то, чтобы обмотать тряпками копыта вашей лошади, поэтому их стук может выдать вас. Езжайте лучше через болото. Во-первых, это самый короткий путь, во-вторых, полицейские не осмелятся преследовать вас по топкой местности на своих тяжелых лошадях. На вашем месте я нашел бы временное убежище

на ферме Тромпадьер, там живут смелые люди, которые ни за что не выдадут вас властям. Оказавшись в безопасности, не вздумайте возвращаться сюда, друзья позаботятся о вас. Пришлите к нам завтра крестьянского мальчика, чтобы успокоить бедняжку Элен, а он потом сообщит вам здешние новости.

Говоря это, Шампион быстро седлал и взнуздывал коня.

Вскочив в седло, Октав протянул руку кузену для дружеского рукопожатия.

— Благодарю вас, Эркюль, — проговорил он, — вы настоящий друг и я спокоен, оставляя Элен под вашей защитой.

— Сейчас не до комплиментов и благодарностей, — ответил Шампион, — для этого у нас слишком мало времени. Я сделаю все, что смогу. Будьте осторожнее.

По его знаку конюх распахнул ворота замка и Октав галопом выехал со двора.

Туанон чувствовал себя, как во сне.

— Но как же моя лошадь? — вскричал он, наконец снова обретая дар речи. — Куда вы ее направили и кто мне ее вернет?

— Лошадь вам не вернут, — коротко ответил Эркюль, — но вам за нее хорошо заплатят. Вы ста-

ли бы очень богатым человеком, если бы смогли продавать каждый день хотя бы по одной лошади за такую цену!

После того, как конюх вновь тщательно запер ворота, Шампион громко добавил:

— Дорогой доктор, в моей комнате вас ждет горящий камин, а я тем временем подготовлю к вашему посещению нашу дорогую больную.

Пока во дворе происходил этот разговор, Матифо занимался в комнате Эркюля Шампиона делом, никак не гармонировавшим с его мирным и мягким характером. Сняв со стены прекрасное двуствольное ружье, он вынул оттуда дробь и, положив ее на лист бумаги, зарядил пулями оба ствола, после чего взвел курки. Стоявший рядом с Матифо человек, судя по одежде, заводской рабочий, с интересом наблюдал за его действиями.

Присмотревшись к незнакомцу повнимательнее, в нем можно было узнать того шпиона, о котором мы уже говорили.

Зарядив ружье, Матифо передал его рабочему со следующими словами:

— Так ты меня понял, Лимель? Тебя застали на месте преступления, мой мальчик, и думается, ты не колеблясь сделаешь выбор между каторгой и крупной суммой денег.

— Хорошо, — мрачно проворчал Лимель, — я не нуждаюсь в угрозах.

— Итак, он поскачет через болото! — коротко напомнил ему Матифо.

ГЛАВА V
Любовь и несчастье

Шампион, как и сказал доктору Туанону, снова направился в комнату Элен, ожидавшую его с лихорадочным нетерпением, так что ему пришлось дважды повторить ей, что Октав уехал и, возможно, уже находится вне опасности.

Лишь после этих уверений бедная женщина немного успокоилась.

Когда ровное дыхание Элен показало, что она наконец уснула, Шампион знаком приказав Розе выйти из комнаты, подвел ее к дверям.

— Поспите несколько часов, дитя мое, — сказал он ей, — ведь вы сейчас, должно быть, просто валитесь с ног от усталости. Скоро вы снова понадобитесь своей госпоже и тогда мы опять позовем вас, а пока я побуду с ней вместо вас.

Роза хотела возразить, но он просто вытолкал ее в коридор.

В девушке пробудились какие-то смутные подозрения и, не осмеливаясь вновь войти в комнату, она решила остаться за дверью. Подождав несколько минут, но так ничего не услышав,

она посмеялась над своими необоснованными страхами и, пройдя в свою комнату, бросилась на кровать.

Перед тем она провела три бессонные ночи у постели своей госпожи, но несмотря на всю преданность Розы, природа наконец взяла свое и, положив красивую головку на мягкую подушку, девушка сразу уснула.

Эркюль, впервые за весь этот ужасный день почувствовавший некоторое беспокойство, уселся в большое кресло-качалку у камина и, глядя на горящие поленья, впал в глубокую задумчивость. Трижды вставал он, подходил к кровати и трижды возвращался к камину, не осмеливаясь отдернуть полог.

Все, что ему пришлось преодолеть до сих пор, оказалось лишь прелюдией. Предстоящий разговор, возможно, поможет ему избавиться от опасных сообщников преступления в лице доктора и Матифо.

И все же он испытывал некоторый страх, думая об этом разговоре, невольно опасаясь честного взгляда Элен и негодования, с которым она выслушает его слова. Его страшили ее слезы и отчаяние.

И все же он решился вызвать эти слезы и это

отчаяние.

— Это необходимо! — уже полчаса он без устали повторял себе эти слова, но так и не осмеливался приступить наконец к делу.

В конце концов твердыми шагами приблизившись к кровати, он резким движением распахнул полог.

Элен спала.

Рука Шампиона опустилась и, стоя в изголовьи кровати, он мрачно огляделся вокруг. Что было в странном взгляде этого человека, устремленном на спящую женщину — любовь или ненависть? Трудно сказать, но, возможно, там было и то и другое.

Слегка пошевельнувшись, Элен медленно открыла глаза и, увидев горящий взор склонившегося над ней человека, невольно испустила слабый крик.

Однако тотчас узнав Шампиона, она снова заулыбалась.

— А, это ты, Эркюль, — тихо произнесла она.

— Элен, — прошептал он ей в ответ, — выслушай меня внимательно и хорошо обдумай свое решение, ибо от него зависит наша судьба.

— Что ты хочешь этим сказать? — вскричала на этот раз действительно испуганная молодая

женщина. — Неужели Октав…

— Я собираюсь говорить с тобой не об Октаве, — коротко ответил Шампион, — разговор идет о тебе и обо мне.

— О тебе? Обо мне?

— Зачем ходить вокруг да около? — вскричал Шампион. — Я люблю тебя, Элин!

— Ты любишь меня? Ты?

Побледнев от ужаса, она отпрянула от кузена, выставив перед собой руки, как бы для защиты от нападения.

— Я люблю тебя! — повторил Шампион, и затем спокойно добавил, — я пришел, чтобы обсудить с тобой условия нашей свадьбы.

— Нашей свадьбы!

Должно быть, Шампион просто сошел с ума. Графиня чуть не рассмеялась. У ее родственника, скорее всего, началась нервная горячка, — подумалось ей, — и он просто бредит.

К счастью, доктор Туанон находится в замке!

Все эти мысли молнией мелькнули в голове Элен, но, вспомнив, что находится наедине с сумасшедшим, она снова задрожала от страха и успокаивающе прошептала:

— Посмотрим, дорогой Эркюль, посмотрим, у нас еще будет время поговорить об этом.

Поняв ход ее мыслей, Шампион расхохотался. Подвинув кресло к кровати, он спокойно уселся в нем.

— Теперь ты знаешь предмет нашего разговора, — продолжал он, — и, надеюсь, тебе ясны причины, заставившие меня решиться на этот шаг. Только не надо смотреть на меня такими глазами! Уверяю тебя, я вовсе не сошел с ума и нахожусь в полном рассудке. Повторяю снова, я люблю тебя, Элен! До сегодняшнего дня страсть моя была робкой и тайной, ибо между нами стоял Жорж и мне приходилось молчать, теперь же он мертв и я наконец могу откровенно говорить с тобой.

Элен хотела было ответить ему, но знаком попросив ее помолчать, Шампион продолжал свою речь:

— Я хочу, чтобы ты поняла Элен, что помимо вопроса о любви, брак наш был бы самым благоразумным решением, ведь ты единственная наследница своего мужа, не так ли?

Графиня скривила губы в презрительную усмешку. Ей показалось, что теперь она наконец поняла истинную причину странного поведения этого человека.

Шампион заметил эту улыбку, но, по-видимо-

му, оставил ее без внимания.

— Наследство вовсе не так велико, как ты полагаешь, Элен, — продолжал он, — и тебе грозит скорое и неминуемое разорение, если только во главе завода не встанет способный и энергичный человек, а я единственный, кто способен на это.

— Таким образом, ты предлагаешь мне выгодную сделку, но зачем же в таком случае рассказывать о какой-то робкой любви? Ты делаешь это из вежливости или просто по причине своей ограниченности?

Даже у такого человека, как Эркюль Шампион, как правило, остается хоть какое-то достоинство и некоторые слова, определенным образом сказанные женщиной, могут задеть этих людей за живое.

Эркюль изо всех сил впился ногтями в подлокотники кресла, но в лице его не дрогнул ни один мускул и он твердым голосом продолжал:

— Перестанем говорить о моей любви, будем считать ее просто…

— Просто жадностью? — презрительно прервала его Элен.

— Да, жадностью, — согласился Шампион. — Итак, мною движет лишь жадность. Богатство графа де Ранкона соблазняет меня и я должен

завладеть им во что бы то ни стало, именно поэтому ты и должна выйти за меня замуж. Да, ты должна сделать это!

Разгорячившись во время разговора, Эркюль, казалось, опьянялся звуками собственного голоса.

— Да, — продолжал он, — ты слишком плохо меня знаешь, если полагаешь, что твое сопротивление сможет остановить меня. Мы договорились не упоминать больше о любви, Элен, но мне придется снова вернуться к этому вопросу. Ты должна узнать, что мне пришлось вынести для того, чтобы завоевать тебя, лишь тогда ты сможешь понять, на что я способен.

Ты, может быть, помнишь, как я впервые пришел сюда, смиренно моля о пристанище. Тогда я еще был бедняком, плохо одетым, неуклюжим и смешным. Должен признаться, что все отнеслись ко мне хорошо и я был немедленно зачислен в число… твоих слуг.

Кто заставил тебя согласиться на это? Никто. Возможно, ты даже слишком хорошо отнеслась ко мне. Я получил право сидеть за твоим столом, хотя и на самом скромном месте, и есть ваши объедки. Ты позволила мне наблюдать за ростом твоего богатства в качестве голодного наблюда-

теля. Красавец Октав снисходил до того, чтобы шутить со мной, а благородный герой Жорж был настолько добр, что переложил на мои слабые плечи весь груз своих дел.

Развеу меня были причины для недовольства? Напротив, я многим обязан тебе и, работая день и ночь для твоего обогащения, должен быть благодарен за объедки с твоего стола.

Но, к сожалению, все это не могло удовлетворить меня, ведь у меня хороший аппетит и я принадлежу к той категории людей, которые не могут довольствоваться малым. Войдя впервые в твой дом, я сразу же сказал себе: «Нуармон должен стать моей собственностью!» Я говорю это и теперь, готовый осуществить свой план.

Слушая эту циничную исповедь, молодая вдова, дрожа от ужаса, спрятала лицо в шелковое покрывало.

— Такова была моя цель, — помолчав продолжал Шампион, — а к победе меня привели следующие средства: я не мог и мечтать захватить завод в процветающем состоянии, это было бы мне не по силам, но если сам я не мог подняться до нужной высоты, то мог все же ухудшить состояние дел в надежде со временем осуществить свою мечту.

Как только план был составлен, я принялся за его выполнение. Какую огромную работу мне нужно было проделать для этого! Прежде всего мне предстояло завоевать расположение Жоржа, а потом и его доверие. Позже, когда в результате его болезни все управление перешло в мои руки, я пустился во всевозможные махинации, но делал все тайно, не оставляя письменных свидетельств, чтобы ни в чем не скомпрометировать себя. Разве ты хоть раз видела меня без улыбки?

Спасением для меня было собственное ничтожество. План был составлен таким образом, чтобы никто не мог ни в чем меня обвинить или заподозрить. В любом случае я всегда мог ответить: в этом деле у меня нет никакой заинтересованности.

Предприятие мое осуществлялось вполне успешно. Жорж умер, даже не подозревая во мне причины всех своих неудач, и сейчас чугунолитейный завод Нуармон находится на грани банкротства и может быть спасен лишь тем, кто причинил ему весь этот вред.

Шампион вел свой рассказ очень спокойно, наслаждаясь реваншем за длительное молчание и получая огромное удовольствие от сознания беспомощности и ужаса графини. Ее слабость

вызывала у него лишь злорадство.

Понаблюдав некоторое время за Элен, он продолжал свой откровенный рассказ:

— Однако покупная цена завода, хоть и значительно уменьшившаяся, все же мне не по карману. Даже если бы у меня и нашлись эти деньги, то подобное приобретение неминуемо навлекло бы на меня подозрение, бросив тень на мои поступки. Поэтому Нуармоном я могу завладеть, лишь став его законным наследником, а для этого мне необходимо жениться на тебе. Искусственно вызванный упадок предприятия имел лишь одну цель — чтобы однажды, когда ты овдовеешь, я смог заставить тебя стать своей женой. Выбор теперь за тобой!

— Я уже сделала выбор, — тихо ответила графиня.

Однако Шампион, казалось, не расслышал этих слов и, не обращая на них внимания, снова заговорил:

— Теперь дело в том, чтобы одновременно удовлетворить и мое честолюбие и мою любовь. Ведь ты сомневаешься в ней Элен, не так ли? Клянусь тебе, она истинна и наполняет мое сердце, хотя, судя по тому, что я только что сказал тебе, любовь моя скорее напоминает ненависть.

О, ты могла бы удостовериться в этом, если бы только захотела! Были минуты, когда ты могла одним своим взглядом спасти нас обоих, ибо если бы я был уверен, что мое горе заставляет тебя страдать, что ты не презираешь меня, я никогда бы не задумал этот ужасный план, который должен осуществиться сегодня ночью. Но ты была слишком горда! Ты даже не замечала моих страданий.

Разве простые люди, вроде меня, могут испытывать любовь? В твоих глазах я был полным ничтожеством. Что представляет из себя какой-то Шампион? И я поклялся, что когда-нибудь покажу тебе, на что способен этот самый Шампион.

Я никогда не ревновал тебя к графу Жоржу, ведь ты никогда не любила его, но ты любила его брата и это доставляло мне невыразимые страдания. Ты даже не знаешь, сколько раз я следил за тобой в саду и в гостиной, когда ты была уверена, что тебя никто не видит. Сначала я действительно работал на твоего мужа, но вскоре работать на другого стало для меня просто невыносимо. Я негодовал на судьбу и теперь я наконец победил ее!

— Если ты действительно любил меня, Эркюль, — мягко перебила его графиня, — и если любишь меня до сих пор, то почему причиня-

ешь мне такие страдания? Мне известны муки безнадежной любви, ибо я и сама в полной мере испытала их. Хоть ты и причинил мне много зла, но я прощу тебе все. Стань же снова тем, кем всегда должен был бы быть — моим другом. Если нельзя загладить ущерб, причиненный тобою, то я примирюсь с этим, но если есть какие-либо другие средства, то давай воспользуемся ими.

Элен замолчала. Поскольку Шампион ничего не ответил ей, то она заговорила вновь:

— Эркюль, ты гонишься за двумя химерами и химеры эти — любовь и богатство. Я не могу дать тебе любви, ибо сердце мое мертво, но богатство ты еще можешь получить, если это хоть отчасти может утешить тебя. Если бы ты сейчас не завел со мной этот разговор, то избавил бы нас от многих проблем, ибо я хотела поручить тебе все управление Нуармоном, уступив в твою пользу половину всех доходов. И если ты не против, — добавила она, помолчав несколько секунд и протягивая ему маленькую белую руку, — то намерение мое не изменилось.

— Как! — вскричал Эркюль, — так значит ты согласна?

Гордо посмотрев на него, Элен твердо проговорила:

— Вы меня неправильно поняли, господин Шампион. Супруг мой умер и его вдова никогда не согласится взять себе имя мошенника и вора. Из тебя вышел бы неплохой комедиант, тебе удалось тронуть меня и я уже готова была забыть и простить все, о чем только что услышала, но ты оказался гораздо злее, чем я предполагала. Уходи! Графиня де Ранкон скорее примирится с нищетой и голодом, чем согласится и дальше терпеть тебя под своей крышей.

С минуту Шампион стоял в полной растерянности, униженный и совершенно уничтоженный словами своей кузины. На лбу его выступили капли пота, дважды он пытался заговорить, но язык не повиновался ему.

Наконец он глухо пробормотал:

— Еще два года назад твоей жалости было бы вполне достаточно, чтобы навеки превратить меня в твоего раба, Элен, но сегодня слишком поздно. Я стал плохим человеком и мне нет пути назад. Любовь — вот мое несчастье. Я так много выстрадал, что должен отомстить за свои муки. Элен, ты должна стать моей женой — либо по доброй воле, либо по принуждению.

— Никогда!

— Ты должна стать моей, ибо я слишком далеко

зашел, чтобы остановиться на полдороге.

— Ты настоящее чудовище!

— Так значит, тебе суждено стать женой чудовища! Только что я предлагал тебе сделать выбор между нищетой и богатством, а теперь говорю тебе: выбирай между уважением и бесчестьем.

— Бесчестьем было бы продолжать выслушивать твои угрозы.

— Нет, — спокойно ответил Шампион, — в данном случае бесчестье для тебя означает каторгу или гильотину.

— Гильотина! Каторга! Похоже, я брежу…

— А разве отравителям не отрубают голову, разве их не посылают на каторгу? Не пройдет и месяца, как тебе, если я только этого захочу, будет предъявлено обвинение в отравлении твоего мужа, графа де Ранкона!

ГЛАВА VI
Что иногда можно увидеть сквозь ставни

Жозеф, стоя на коленях у постели старого Биасона, читает отходные молитвы по молитвеннику, подаренному ему Розой. На сердце у бедного мальчика тяжело, в глазах стоят слезы. С потерей Биасона он утратит одного из немногих, кто питал к нему хоть какую-то привязанность.

После смерти старой Жанниссон, устроившей его на службу к графу Жоржу, кто относился к нему, как к родному сыну? Старик был гораздо умнее, чем о нем думали, и научил Жозефа чтению, письму и многому другому.

Думая обо всем этом, Жозеф продолжал читать отходные молитвы. Неожиданно дверь тихонько отворилась и в комнату заглянуло хорошенькое личико Розы.

Бедняжка была очень испугана и вся дрожала от возбуждения.

— Ах, Боже мой! — вскричала она, опускаясь на колоду, где раньше сидел Жозеф, — что происходит сегодня ночью в Нуармоне?

Со двора по-прежнему доносился унылый вой Нуаро.

— Ради Бога, Роза, что с тобой? — спросил Жозеф, поспешно закрывая молитвенник.

— Мне страшно, Жозеф! Над нами нависла какая-то опасность, послушай только, как воет Нуаро!

— Говорят, собаки всегда воют, когда чуют в доме покойника, — заметил Жозеф, показывая взглядом на постель умирающего.

— Папаша Биасон прожил долгую жизнь, — прошептала Роза, — а вот бедная графиня так молода, красива и добра! Знаешь, я видела дурной сон. Лежа одетой в своей постели, я внезапно услышала крик, казалось, доносившийся из спальни графини. Быстро вскочив с кровати, я побежала к ней в комнату и хотела войти, но дверь была заперта изнутри, хотя я точно помнила, что оставила ее открытой. Прислушавшись, я уловила шепот двух голосов, один из которых принадлежал графине, а другой — господину Шампиону. Графиня, казалось, о чем-то просила, а ее кузен разговаривал с ней повелительным тоном. Испугавшись, я прибежала сюда.

— Если мы залезем на садовую ограду, то сможем заглянуть в комнату, — задумчиво про-

бормотал Жозеф.

— Ты прав, Жозеф, — воскликнула обрадованная Роза, — скорее бежим туда! Нельзя терять ни минуты. Посмотрим, что происходит в комнате, а в случае необходимости сломаем дверь.

Они устремились к выходу, но на пороге взгляд Жозефа упал на примитивное ложе умирающего.

Роза сразу же поняла все и, став на колени там, где стоял Жозеф, открыла молитвенник на том месте, где он остановился, и продолжила чтение.

— Я пошел! — крикнул ей Жозеф, поспешно выбегая из комнаты.

В спальне графини между ней и Шампионом все еще продолжался разговор.

Страшная угроза, которая, по замыслу Эркюля, должна была напугать Элен, не достигла цели. Разве можно было обвинить ее в смерти собственного мужа? Подумав об этом, она пожала плечами и рассмеялась.

— Шампион, ты просто сошел с ума, — презрительно заметила графиня.

— Вовсе нет, моя прелестная госпожа! Смейтесь, сколько вам будет угодно! Бомба подложена, стоит мне дать знак, как она тут же взорвется. Конечно, я не так глуп, чтобы самому поджечь

фитиль, напротив, дорогая Элен, я стану изо всех сил оправдывать тебя, я стану плакать, я приду в ярость, я начну защищать тебя. Но доказательств будет так много, что ты неминуемо получишь самый суровый приговор.

— Доказательства! — негодующе вскричала Элен. — Какие доказательства? Доказательства того, что я отравила Жоржа? Кажется, кто-то из нас сошел с ума!

— Мы оба в здравом уме, — отозвался Шампион, — и тебе прекрасно известно, что одного твоего слова будет достаточно, чтобы все снова стало на свои места. Из такой ловушки тебе все равно не выбраться, голубка моя! Попробуй рассказать кому-нибудь о нашем разговоре! Да тебе не поверит ни одна живая душа. Однако я буду последним, кто отвернется от тебя, хорошенько подумай об этом!

— Да, ты будешь лицемерить до самого конца, но теперь я хорошо изучила тебя и нисколько в этом не сомневаюсь. Но как же доказательства? В чем они заключаются?

— Одно из них заключается в том, что граф де Ранкон был отравлен. Установить этот факт будет совсем не трудно, ибо это чистая правда.

— Так значит его отравил ты?

— Это уж придется решать суду. Кто мог получить выгоду от этого преступления? Только ты, прямая наследница своего мужа, чья смерть позволяет тебе соединиться с любовником. А что выигрывает от этой смерти Эркюль Шампион? Да ровным счетом ничего. Он просто теряет свое место, вот и все.

— Но ведь все знают о моей преданности покойному мужу…

— А что подумают люди об этой преданности, когда узнают, что уже через день после смерти графа Жоржа его неблагодарный брат, пренебрегая опасностью быть изгнанным из страны, вернулся сюда, чтобы подтвердить свои преступные клятвы? Лишь ты одна ухаживала за своим мужем во время его долгой болезни. Никто кроме тебя и всецело преданной тебе Розы не приближался к постели графа. И вот этот человек отравлен. Врачи легко смогут доказать это. Яд будет обнаружен везде — в сахаре, которым ты подслащала его чай, в потайных отделениях твоего бюро, даже в складках твоей одежды. Хочешь узнать, откуда этот яд? Я могу рассказать тебе.

Элен в ужасе смотрела на негодяя, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты выкрала яд из дома аптекаря, где перевя-

зывала рану одному из рабочих по имени Франсуа Лимель, которому в тот день раздробило молотом палец. Этот человек видел, как ты отсыпала в коробочку половину упаковки белого порошка. Коробочку и упаковку также обнаружат. Разве это не доказательства? Может быть, тебе этого мало? Тогда вот другое доказательство. Через несколько месяцев я захотел уволить Франсуа Лимеля, но по твоей просьбе оставил его на заводе. Ты защищала его, ибо он обещал тебе, что никому не расскажет об этом белом порошке.

— Все это жалкая ложь, — простонала Элен.

— Он поклянется в этом. Ты хотела доказательств? Ну что ж, ты их получила. Твое преступление неминуемо будет доказано! И всякий, кто захочет заступиться за тебя, а я буду в их числе, лишь повредит тебе. Факты подтасованы таким образом, что всякий, кто захочет защитить тебя, невольно станет твоим худшим врагом.

Помолчав немного, Шампион продолжал:

— Например, Роза предана тебе и убеждена в твоей невиновности, не так ли? Итак, что же она сделает и что скажет? Станет ли она отрицать любовную связь, существующую между тобой и Октавом? Да, она сделает это, но так неуклюже, что ложь ее сразу же станет очевидной.

— Но как же доктор! — вскричала Элен. — Доктор, лечивший Жоржа во время всей его болезни? Ведь он прекрасно знает, что я не отравляла мужа.

— Ты совершенно права, а я было совсем забыл о докторе. Да, он, конечно знает, что ты не отравила Жоржа, ибо врач знает все, и он, конечно, попытается оправдать тебя, причем пойдет даже дальше меня: он вообще станет отрицать сам факт отравления и тогда просвещенные коллеги из Парижа просто обвинят его в профессиональном невежестве. Вот какую выгоду ты получишь от свидетельства твоего доктора.

Чаша страданий графини переполнилась. Не в силах оказывать дальнейшее сопротивление, она откинулась на подушки, разразившись горькими рыданиями.

Несколько минут Эркюль Шампион молча наблюдал за этим потоком слез, которые, казалось, наконец тронули его.

— Теперь ты знаешь, Элен, каким страшным оружием я обладаю, — ласково проговорил он, — надо ли говорить, что в случае необходимости я постараюсь воспользоваться им как можно лучше?

Элен робко смотрела на него, как бы не по-

нимая обращенных к ней слов. Ободренный ее молчанием, он продолжал:

— Теперь ты видишь всю глубину разверзшейся перед тобою пропасти и знаешь, какие опасности подстерегают тебя в случае, если ты будешь противиться моим планам. В твоих же интересах бросить эту неравную борьбу и прекратить бесполезное сопротивление.

С этими словами он приблизился к графине и попытался поцеловать ей руку. В ужасе отпрянув от Шампиона, она твердо проговорила:

— Довольно! Заверши же свою трусливую работу! Убив мужа, ты можешь обесчестить его вдову и добиться ее казни, но оставь при себе притворную жалость и лицемерные жалобы! Для тебя у меня не найдется других слов, кроме как вор, грабитель и убийца!

Шампион попытался принудить ее к молчанию, но графиня лишь тихо повторяла:

— Убийца! Убийца!

Совершенно не узнавая Элен, он в ярости хотел наброситься на нее, но тут голос графини ослабел, глаза расширились от удивления и она с огромным облегчением протянула руки к окну.

— О, нас наконец увидели! Наш разговор услышан! Я спасена, — чуть слышно прошептала она

и без чувств упала на подушки.

Услышав эти слова, Шампион быстро обернулся и подбежал к окну.

Ему показалось, что из окна за ним следили чьи-то горящие глаза. Рывком распахнув окно, он выглянул наружу, но не увидел и не услышал ничего подозрительного, кроме монотонного стука дождя, да отдаленного шума затихающей бури.

Закрыв окно, он медленно подошел к кровати графини.

— Ты сама этого захотела, Элен, — мрачно пробормотал он.

Увидев, что окно захлопнулось, Жозеф осторожно выбрался из кустов самшита, где ему удалось спрятаться от Эркюля.

Юноша был очень бледен, ибо видел лишь испуганный жест графини и слышал только ее последнее слово: «Убийца!»

Но, будучи храбрым от природы, он не растерялся и, внимательно оглядевшись по сторонам, снова вскарабкался на стену, готовый по первому крику о помощи прыгнуть в комнату.

Заглянув в окно, он увидел в спальне лишь одну графиню, Эркюля Шампиона там не было.

Жозеф отличался не только храбростью, но и сообразительностью. Он сразу понял, что Шам-

пион вышел из комнаты, скорее всего для того, чтобы постараться разглядеть снаружи то, что ему не удалось увидеть из окна.

Если ему удастся схватить Жозефа, то он пропал. Из дома до него уже доносились осторожные шаги управляющего и в голове у юноши быстро возник план действий. Дотронувшись до окна, он решил в случае необходимости разбить его.

По счастливой случайности Шампион в спешке забыл запереть окно и оно сразу распахнулось от легкого толчка. Встав на узкий каменный карниз, Жозеф быстро прыгнул в комнату.

Затворив окно, он стал вглядываться в темноту. Вскоре дверь дома осторожно отворилась и из нее вышли два человека, один из которых нес маленький потайной фонарь.

Это были Шампион и Матифо.

По-видимому, они шли по каким-то следам, оставшимся на песке, но поиски их не увенчались успехом, ибо вскоре они удалились в направлении пруда и тусклый свет их фонаря исчез за углом заводского корпуса.

Жозеф на цыпочках направился к выходу через всю комнату. Он уже было собрался ухватиться за ручку двери, но внезапно раздавшийся протяжный стон заставил его остановиться.

Приподнявшись в постели, Элен тихим голосом звала на помощь.

— Не бойтесь, сударыня, — мягко произнес юноша, — это я, Жозеф.

— Это ты! — радостно воскликнула графиня, — само Небо послало мне тебя; спаси же меня, спаси нас обоих! Поспеши к Октаву, скажи ему, что для нас приготовили постыдную западню. Ему больше не надо прятаться, пусть он открыто вернется сюда и встанет на защиту жены и ребенка!

— Если мы останемся живы, сударыня, то завтра же господин Октав будет с вами, — твердо заявил Жозеф.

— О, ты очень храбрый мальчик! Но торопись! Быть может, уже и так слишком поздно! Наши враги — настоящие чудовища, они способны буквально на все. Они отравили моего бедного Жоржа, а теперь хотят обвинить меня в этом убийстве. Поспеши, Жозеф, и да поможет тебе Господь!

С этими словами графиня протянула мальчику руку. Тот хотел поцеловать ее, но Элен тут же отдернула ее, проговорив:

— Бедняжка! Возможно, сегодня ночью тебе придется пожертвовать жизнью ради нас. Возможно, я никогда больше не увижу Октава.

Передай же ему по крайней мере этот символ моей любви, — и, заключив юношу в объятия, она нежно поцеловала его в лоб.

ГЛАВА VII
Нуармонские болота

Через несколько минут Жозеф, надев высокие резиновые сапоги, рассказал Розе обо всем, что ему удалось увидеть и услышать.

Биасон тем временем находился на пороге смерти. Внезапно в тиши комнаты раздался его голос, певший печальную балладу. Роза и Жозеф, прислушиваясь, подняли светловолосые головы.

— Старик грезит перед смертью, — заметил Жозеф.

— Говорят, что слова умирающего предсказывают будущее, — вздрогнув ответила Роза.

Голос замолчал.

— Внимательно наблюдай за всем, Роза, — произнес Жозеф, — теперь ты единственная во всем замке, на кого может положиться графиня. Кто знает, что предпримут ее враги за то время, что уйдет у меня на поиски господина Октава?

Тонкие ноги Биасона судорожно задергались под старым одеялом.

— Ранкон умирает! Ранкон мертв! — громко простонал он.

С этими словами он резко приподнялся на своем убогом ложе, дико вращая выкатившимися из орбит глазами, которые вслед за этим внезапно остановились, и старик, вытянувшись, снова опустился на набитый соломой матрас.

Со двора донесся еще более печальный и зловещий вой Нуаро.

Роза, дрожа от ужаса, схватила Жозефа за руку.

— Со стариком все кончено, — тихо прошептала она.

— Еще нет, но долго он не протянет, — отозвался Жозеф. — Бедняга Биасон! Он так меня любил.

Смахнув набежавшую слезу, он печально добавил:

— Знаешь ли Роза, в жизни человека бывают часы, по значению равные целым годам. Когда умрет этот человек, у Ранконов останется лишь два друга — ты да я. Вчера я был еще ребенком, но сегодня стал мужчиной. Пусть мы слабы, дорогая Роза, а враги сильны и могущественны, но чутье подсказывает мне, что нам удастся спасти господина Октава и графиню.

С этими словами Жозеф, склонившись над Биасоном, нежно поцеловал его в лоб.

Окинув юношу неподвижным взглядом, старик безуспешно пытался что-то сказать, но губы его

шевелились, не произнося ни звука.

Наконец ему удалось указать слабой рукой на подушку, где покоилась его голова.

Жозеф приподнял ее и старик чуть заметно кивнул, выражая свое одобрение. Из-под подушки юноша вытащил потертый кошелек, в котором оказалось двенадцать золотых монет, и положил его на постель, но глаза умирающего так сердито сверкнули, что Жозеф снова поспешно убрал кошелек.

— Что мне с ним делать, папаша Биасон? — растерянно спросил он.

Старик безуспешно попытался ответить, но не смог произнести ни слова.

— Это для него? — тихо осведомилась Роза.

— Да, да, да, — трижды кивнул головою старик.

Поскольку Жозеф все же медлил взять себе кошелек, Биасон издал такой повелительный стон, что юноша вынужден был подчиниться.

Старик по-прежнему сжимал руку Жозефа, и Роза заметила, что умирающий хочет сказать что-то еще, но язык никак не повинуется ему.

— Вам нужно что-нибудь еще, папаша Биасон? — спросила она наконец.

— Да, — молча кивнул он.

— Вы хотите распорядиться о заупокойных

мессах?

Умирающий снова кивнул, а затем покачал головой, как бы желая сказать что это еще не все.

На этот раз о его желании догадался Жозеф.

— Вы имеете в виду сокровища? — быстро спросил он.

Старик утвердительно кивнул.

— Я займусь этим через несколько дней, — попытался успокоить его Жозеф.

— Нет, нет, нет, — энергично замотал головой Биасон.

— Значит, я должен сделать это как можно скорее? Завтра? Может быть, уже сегодня?

Взгляд умирающего, казалось, говорил:

— Если ты не сделаешь это сегодня же, то я навеки прокляну тебя!

Догадавшись о значении этого взгляда, Жозеф проговорил, указывая на висевшее на стене распятие:

— Как только мне удастся найти господина Октава, я тотчас вернусь в Ранкон, чтобы выполнить вашу волю; это так же верно, как то, что я христианин.

Услышав эти слова, Биасон выпустил руку юноши, как бы желая сказать:

— Пора приниматься за дело, сын мой!

Бесшумно выйдя во двор и скользнув вдоль ограды, Жозеф поспешно направился к тому месту, где он обычно перелезал через стену.

Шампион и Матифо тоже не теряли времени даром.

Обнаружив в саду следы, они пришли к мнению, что кому-то удалось подслушать Шампиона.

Неизвестный никак не мог скрыться через сад. Уйти он мог либо через двор, либо проскользнув по берегу пруда. Первый способ был маловероятен, поскольку все двери и ворота были тщательно заперты. Что касается второго пути, то лодка была по-прежнему привязана к причалу и за ней вел наблюдение доктор Туанон.

Шпион, следовательно, продолжал прятаться где-то в замке — либо в каком-нибудь сарае, либо во флигеле для прислуги.

— Наш шпион, — решительно заметил Матифо, — без всякого сомнения живет в замке и днем мы без труда сможем разоблачить его. Если бы это был чужой человек, то он сразу же попытался бы выбраться отсюда и в таком случае мы бы его, конечно, заметили.

Сказав это, он тщательно запер все двери и калитки между двором и садом.

Шампион стал на страже у садовой калитки, а

доктор Туанон занял наблюдательный пост у лодки. Матифо взял на себя наблюдение за двором.

Пока принимались все эти меры, Жозеф и Роза принимали участие в сцене, разыгравшейся у смертного одра Биасона.

Когда юноша вышел из комнаты, Матифо уже занял свой пост и, конечно же, видел, как тот вскарабкался на стену и быстро исчез за ней.

— Мальчик этот очень шустер, — подумал Матифо, — и я конечно не смогу последовать за ним тем же путем, но нам следует узнать, куда он собрался и что замышляет.

Торопливо подбежав к калитке, он отвязал Нуаро и взял пса с собой в надежде напасть с его помощью на правильный след.

Когда Матифо оказался наконец с другой стороны стены, то там уже никого не было, но как только Нуаро обнюхал следы, оставленные мальчиком на мягкой влажной земле, так тут же завилял хвостом, весело прыгая вокруг.

— Ага! — радостно пробормотал Матифо, — похоже, что тот, кого мы выслеживаем, — твой старый приятель, дружище Нуаро.

Решив положиться на собачье чутье, он ощупал в карманах два заряженных пистолета.

Охота за человеком началась. Выбравшись со

двора, Жозеф что есть сил помчался кратчайшей дорогой в Лимож, перепрыгивая через канавы и перелезая через встречавшиеся ему на пути заборы.

Ночь была очень темна, но Жозеф слишком хорошо знал местность, чтобы заблудиться даже в такой кромешной темноте.

При воспоминании о пророческих словах Биасона в душу ему закрался лихорадочный страх. Казалось, он все еще слышит его голос. Время от времени Жозеф останавливался, чтобы утереть пот со лба.

— Лишь бы мне только не опоздать! — задыхаясь бормотал он, со страхом думая о словах маленькой Розы: «Умирающие предсказывают будущее».

И с новыми силами Жозеф возобновлял свой бег по полям и лугам. Наконец он вздохнул с облегчением: за последним забором пролегала проселочная дорога, а за ней простирались Нуармонские болота.

Перед тем, как перелезть через забор, он прислушался и быстро наклонил голову.

С дороги доносился стук копыт и слышалось позвякивание сабель. Это были полицейские, их было только двое: инспектор и рядовой.

— Да, — проговорил инспектор, — ему удалось скрыться от нас и, по правде говоря, я только рад этому. Шевалье де Ранкон — храбрый молодой человек и я бы охотно предоставил его поимку кому-нибудь другому.

— Думаю, что для него самого было бы лучше сдаться полиции, — отозвался второй полицейский. — С него бы просто потребовали обещания не участвовать больше в антиправительственных заговорах, а потом отпустили на свободу. Что же касается болота, то оно, возможно, окажется менее великодушным, чем господин королевский прокурор.

— Да, — отозвался инспектор, — в такую ночь там может произойти все что угодно.

Полицейские пришпорили лошадей, сабли звякнули громче, и вскоре стук копыт замер вдали.

— Да, — подумал Жозеф, — папаша Биасон оказался прав. Господин Октав действительно решил пробраться через болота.

Отважный юноша собрался было последовать той же дорогой, как вдруг в темноте к нему метнулась чья-то черная тень и он невольно отпрянул, почувствовав, что щеку его лизнул горячий язык.

— Нуаро! — в изумлении пробормотал он и, положив на спину собаки руку, подумал: «Он сорвался с привязи. Может быть, так даже лучше, ведь ночью он сможет оказать мне большую помощь и гораздо лучше меня найдет дорогу через болото».

Нуаро неожиданно протяжно завыл.

— Успокойся, старина, — ласково шепнул ему Жозеф, — похоже, сегодня ночью даже у заборов есть уши.

В эту минуту совсем рядом с ними раздался чей-то осторожный голос:

— Сюда, Нуаро, сюда! Куда могла запропаститься эта проклятая собака?

— Ага! — подумал Жозеф, поглаживая голову пса, — они за мной охотятся!

— Ко мне, ко мне! — вновь послышался голос Матифо.

— Спокойно, Нуаро! — тихо произнес Жозеф, — нам необходимо скрыться и сделать это надо как можно тише.

Бесшумно проскользнув по мокрой траве, мальчик и собака прокрались к кустам на обочине широкой проселочной дороги, за которой раскинулись бескрайние болота.

Пересечь незаметно эту дорогу было практи-

чески невозможно. Жозеф решил не тратить времени зря.

— Вперед, Нуаро, вперед, добрый пес, — тихо прошептал он, — стоит нам оказаться на болоте, как мы тотчас избавимся от преследования!

С этими словами он молнией метнулся через дорогу и в ту же секунду оказался на краю болота. Матифо, стоявший посреди дороги и видевший, как мимо него стремительно промелькнули две тени, хотел было последовать за ними, но, ступив на зыбкую почву, вынужден был остановиться.

Вытащив пистолет, он прицелился в мальчика, но тут до его ушей донесся отдаленный стук копыт.

Встревоженный Матифо снова спрятал пистолет в карман. Полицейские были еще слишком близко, чтобы не услышать звука выстрела, который наверняка заставил бы их воротиться.

Жозеф, решивший было позвать полицейских на помощь, вскоре убедился, что Матифо не осмеливается преследовать его по болоту. Оказавшись вне пределов досягаемости выстрела, мальчик остановился, приступив к подготовке к опасному путешествию. Срезав ножом большую ветку дерева, он сделал из нее длинный шест. Затем, нарезав большое количество камыша,

прикрепил его к коленям.

Нуаро спокойно сидел рядом, внимательно наблюдая за всеми приготовлениями юноши.

После их завершения пес быстро вскочил и бросился вперед, как бы желая служить проводником своему спутнику.

Прежде чем последовать за собакой, Жозеф оглянулся на дорогу. Матифо нигде не было видно. Дезертирство Нуаро выдало ему имя таинственного незнакомца, на преследование которого он потратил так много времени и сил. Лазутчиком мог быть только Жозеф. Нисколько не сомневаясь в том, что мальчику все известно, Матифо пришел к выводу, что тот предпринял ночную вылазку на болота лишь с целью сообщить Октаву об опасности, нависшей над графиней Элен.

Если Октав узнает об этом, то все планы Матифо рухнут сами собой и он погибнет вместе со своими сообщниками.

Поэтому любой ценой необходимо уничтожить Октава, а вместе с ним и Жозефа.

Приняв такое решение, Матифо заторопился прочь со всей скоростью, на которую были способны его короткие ноги.

Рассчитав, что из-за трудности передвижения по болоту, он, несмотря на выбор кружного пути,

сможет прийти на место по крайней мере на час раньше Жозефа и минут на десять раньше графа Октава, Матифо немного успокоился.

Если вовремя предупредить Франсуа Лимеля о необходимости устранить две жертвы вместо одной, то победа им гарантирована.

Тем временем Жозеф, пробираясь через болото, печально покачивал головой, тихо повторяя:

— Умирающие предсказывают будущее!

ГЛАВА VIII
Нуаро воет в последний раз

Нуармонские болота занимают всю площадь треугольной долины, окруженной поросшими лесом холмами.

Возможно, некогда это пространство являлось дном огромного озера, но сейчас это была лишь бесплодная равнина, поросшая редкой травою сероватого цвета. В ненастную погоду, особенно после долгих ноябрьских и мартовских дождей, любая попытка пересечь болото была почти безнадежной затеей.

Вязкая почва тотчас проваливалась под ногами, оставляя за собой глубокие следы, тут же заполнявшиеся чистой водой.

Требовался поистине животный инстинкт, чтобы найти безопасный путь в этих столь безобидных на вид пространствах, ибо животные умеют избегать подобных опасностей гораздо лучше людей. Поистине достойна удивления та легкость, с которой лошади в этой округе скачут и резвятся по зыбкой поверхности прерии, таящей смертельную опасность для неосторожного

путника. Нуаро бежал впереди своего хозяина спокойно и уверенно, как если бы вместо болотной жижи они шли по твердой и ровной дороге. Лишь иногда делал он неожиданный скачок в сторону, предупреждая тем самым Жозефа о грозящей ему опасности, и каждый раз при этом юноша тихо бормотал:

— Спасибо, Нуаро, ты снова спас мне жизнь.

Через эту-то опасную равнину и пришлось пробираться шевалье де Ранкону, который, к тому же, в отличие от Жозефа, был довольно плохо знаком с местностью. К тому моменту, как мальчик ступил на болото, шевалье с огромным трудом едва удалось преодолеть лишь треть пути.

Он тоже решил довериться инстинкту своей лошади. Раз пять или шесть ему казалось, что вдалеке кто-то зовет его по имени, но голос был чуть слышен и Октав решил, что ему это показалось. Да и кто мог разыскивать его в столь поздний час и в таком странном месте?

Это был голос Жозефа. Если бы Октав прислушался к нему, то был бы спасен.

Небо тем временем прояснилось. Еще несколько минут выдержки и терпения, и Октав будет вне опасности. Он без конца повторял это своей лошади, как будто она была способна понять его.

Жозеф же, напротив, прекрасно понимал всю близость опасности. Наконец на расстоянии пятисот шагов от себя он заметил темный силуэт всадника и закричал изо всех сил.

На этот раз Октав услышал его и остановился, прислушиваясь, но в ту же секунду блеснул свет, раздался гром выстрела и всадник упал вместе с лошадью.

Несмотря на все свое благоразумие, Жозеф ринулся к месту происшествия вместе с Нуаро.

Ему удалось увидеть лишь какую-то бесформенную массу, все глубже и глубже уходящую в трясину. Юноша попытался подойти поближе, но вынужден был остановиться, ибо перед ним лежал очень топкий участок, идти по которому дальше было просто невозможно. Эта остановка спасла ему жизнь.

Стоя на краю болота, Матифо указал на мальчика Франсуа Лимелю, который тут же прицелился в Жозефа, но увидев, что тот находится вне досягаемости выстрела, вынужден был опустить ружье.

Отважный Нуаро ринулся к месту происшествия. Будучи гораздо легче и подвижнее своего хозяина, он быстро добрался до черной трясины, в которой тонул шевалье де Ранкон, и, ухва-

тившись за край плавающего в болотной жиже плаща, стал вытягивать молодого человека из зловеще чавкающей топи.

— Стреляй в собаку! — вскричал Матифо.

Последовал второй выстрел и Нуаро, смертельно раненый, выпустил плащ и в последний раз издал протяжный вой.

В это время графиня Элен, наконец разрешившаяся от бремени, прижала к груди свою маленькую дочурку.

Из памяти несчастной матери почти изгладилась ужасная сцена, имевшая место в этой спальне лишь несколько часов назад.

Роза сообщила ей о бегстве Жозефа, поклявшегося привести с собой Октава, в присутствии которого графиня могла бы чувствовать себя в безопасности.

Вскоре в спальне появился ненавистный ей Шампион, но теперь Элен настолько успокоилась, что вовсе перестала испытывать страх перед своим страшным противником.

Шампион был очень бледен и выглядел мрачным и печальным.

Подойдя к кровати графини, он знаком приказал Розе выйти из комнаты. Девушка в замешательстве поднялась с места, но графиня

попросила ее остаться и Роза, сделав несколько шагов, осталась стоять в амбразуре окна.

— Выслушай меня, Элен, — тихо произнес Шампион, — я решил в последний раз пожалеть тебя и в последний раз предлагаю тебе спасение.

Элен презрительно улыбнулась.

— Господин Шампион, мне, право, жаль вас и я прошу вас отказаться от всех ваших подлых планов. Поверьте, это будет в ваших же собственных интересах. Скоро здесь появится тот, кто сумеет меня защитить, и тогда против вас будет выдвинуто ужасное обвинение, которое неминуемо положит конец всем вашим козням.

Услышав эти слова, Шампион побледнел еще больше; его и так уже преследовала навязчивая мысль, которая почти переросла в уверенность, когда Элен упомянула о таинственном мстителе и защитнике.

Шампион опасался, что Октав, вместо того, чтобы покинуть замок, сумел подслушать под окном весь их разговор.

Внезапно Роза тихо вскрикнула от испуга.

— Слышите, сударыня? — дрожа спросила она у своей госпожи.

Где-то вдалеке один за другим раздались два выстрела.

При этих звуках лицо Шампиона осветилось улыбкой. Вздохнув с огромным облегчением, он торжествующе воскликнул, обращаясь к графине:

— Октав де Ранкон мертв!

В этот самый миг Нуаро завыл в последний раз, а в бочарне старый Биасон испустил дух. Последними словами Биасона были:

— Ранкон мертв!

Занялось утро, залив все вокруг ласковым золотисто-розоватым светом. Над болотом поднялся густой туман, но даже сквозь его плотную завесу неподвижно стоящий Жозеф мог различить очертания фигур Матифо и Лимеля, которые, в свою очередь, не теряли юношу из виду.

Жозеф стоял так до тех пор, пока в том месте, где исчез со своим конем шевалье де Ранкон, полностью не затихло колебание зыбкой почвы. Лишь тогда мальчик подумал о собственном спасении. Ситуация, в которой он оказался, была крайне опасной и Жозеф ни секунды не сомневался, что убийцы во что бы то ни стало постараются избавиться от единственного свидетеля своего преступления.

Теперь же, при свете дня, скрыться от них было особенно трудно. Идея вернуться в Нуармон даже

не приходила ему в голову. Помимо того, что путь туда был слишком долог, в замке он неминуемо попадет в руки своих врагов.

Существовал лишь один-единственный способ избежать смертельной опасности — попытаться вскарабкаться на крутые вершины Тромпадьера. Однако для этого прежде надо было пробраться по самой опасной части топкой равнины, где находилось глубокое болото.

План Матифо и Лимеля был очень прост. Негодяи ни минуты не сомневались, что жертва рано или поздно сама попадет им в руки.

Выйти из болота можно было лишь в том месте, где проходила проселочная дорога, и поэтому, каким бы путем не пытался Жозеф выбраться на твердую землю, он неминуемо должен был встретиться со своими врагами.

Однако ни Матифо, ни Лимель не подумали о другом, весьма опасном маршруте, который выбрал отважный юноша.

Не теряя ни минуты, он приготовился к осуществлению своего дерзкого плана. К сожалению, первый же шаг показал ему всю трудность задуманного предприятия и если бы не быстрота реакции, то мальчик тут же погиб бы в коварной трясине.

Лимель и Матифо насмешливо наблюдали за ним.

— Оставим его в покое, — с улыбкой заметил Лимель, — это избавит нас от лишних проблем. Вот увидите, господин Матифо, мальчишка и так утонет в болоте, нам незачем беспокоиться.

Внезапно, к великому удивлению преступников, Жозеф направился в северном направлении, постепенно исчезая в тумане.

— Куда это он собрался? — растерянно пробормотал Матифо.

В изобретательной голове Жозефа быстро возник новый план.

Уже много лет на границе болот и Акревальского пруда в густых зарослях камыша гнила брошенная кем-то за ненадобностью старая большая лодка.

Вспомнив о ней, Жозеф решил попытаться оторвать от нее несколько досок, чтобы с их помощью выбраться из ловушки.

Вскоре Матифо увидел, что юноша возвращается, держа в каждой руке по длинной доске. Выбрав наиболее безопасное место, Жозеф положил на зыбкую поверхность одну из досок и осторожно двинулся по этому импровизированному мостику, сжимая в руке вторую доску. Дойдя до конца

первой доски, он положил перед собой вторую, и, подняв первую, двинулся дальше.

С помощью таких нехитрых приспособлений он неминуемо должен был вскоре оказаться на твердой земле.

Пробормотав грубое ругательство, Лимель побежал вокруг Акревальского пруда в надежде перехватить Жозефа при выходе из болота. Дорога кружным путем заняла бы у него не более двадцати минут, и он мог рассчитывать поспеть вовремя, чтобы не дать уйти своей жертве.

— Ты прав, дружище, — крикнул ему Матифо, — беги скорее! Если убьешь мальчишку, то обеспечишь себя на всю жизнь!

— Не бойтесь, мне дорога собственная жизнь, — на ходу бросил ему Лимель.

Перебросив через плечо ружье, Матифо спокойно направился в Нуармон.

Жозеф, тем временем, уже карабкался по крутым склонам Тромпадьера. Выбравшись на плоскогорье, он свернул влево и побежал через лес на ферму, которая должна была послужить убежищем графу Октаву.

Сын фермера, ровесник Жозефа, одолжил ему сухую одежду, переодевшись в которую, юноша не теряя ни минуты продолжил свой путь.

— Чем же теперь, после убийства Октава, сможет помочь он своей госпоже? — думал отважный юноша.

— Не остается ничего иного, как только рассказать обо всем властям. Странно, зачем этому Матифо, слывшему порядочным человеком, могла понадобиться смерть Октава?

В этот момент взошло наконец солнце, и Жозеф вспомнил о торжественной клятве, данной им Биасону.

Под ногами у него лежала подернутая туманом долина, бескрайняя, как море. Из-за горизонта медленно всходил раскаленный шар солнца и Жозеф печально подумал, что глубоко внизу, в черных недрах болотной трясины покоится труп несчастного Октава.

Поспешно повернув в сторону, большими решительными шагами он двинулся дальше.

ГЛАВА IX
Подземелья Нуармона

Жозеф упорно шагал по гладкой проселочной дороге.

— Вперед, Жозеф, вперед! Необходимо найти сокровище! Необходимо наказать подлых убийц! Отплати графине за ее поцелуй! Вперед! — так думал юноша, идя все дальше и дальше, оставляя за собой холмы и долины, спускаясь в овраги и перепрыгивая через ручьи.

Прохладный свежий воздух способствует пробуждению аппетита. Было уже одиннадцать часов, а Жозеф, проведший полную опасностей бессонную ночь, еще не завтракал. Найдя в кармане одолженной куртки кусок черного хлеба, он, закусывая на ходу, с новыми силами продолжал свой путь.

Однако человеку недостаточно одной только еды, ему необходимо и питье. Проглотив последнюю крошку хлеба, Жозеф заметил справа от дороги группу раскидистых зеленых деревьев. Решив, что вода должна быть где-то неподалеку, он спустился в маленькую долину, где действитель-

но вскоре обнаружил весело журчащий ручеек. Утолив жажду, он снова вернулся на дорогу, но не успел пройти и сотни шагов, как услышал чей-то оклик.

— Привет, молодой человек!

Оглянувшись, Жозеф заметил работника с фермы, стоявшего, опершись на лопату.

— Что вам угодно, сударь? — вежливо осведомился юноша.

— Мне от тебя ничего не надо, я хотел просто сказать, что тебя разыскивает твой товарищ. Он спросил у меня, не видел ли я проходящего мимо парнишки. Я ответил, что нет, и он повернул обратно.

— Я знаю, кто это был, — отозвался Жозеф, — это был крупный и сильный рыжеволосый человек с бородой.

— Да, да, он выглядел в точности как Иуда Искариот.

— Ну что же, если он вернется еще раз, скажите ему, что я пошел дальше. Он скоро нагонит меня.

— В таком случае ему придется поторопиться, ведь ты, парень, бежишь не хуже гончей! — крикнул крестьянин поспешно удалявшемуся Жозефу.

Добежав до первого же поворота дороги, маль-

чик стремительно бросился в поле — приходилось быть очень осторожным, ведь Лимель напал на его след.

К пяти часам, усталый и измученный голодом, он добрался до Монбрюна. Зайдя в первый попавшийся трактир, он съел тарелку супа и кусок свинины, запив все это бутылкой вина.

В одной из лавчонок он приобрел также фунт сальных свечей, пару коробков спичек и буханку черного хлеба, ибо не знал, что ждет его впереди. После этого он плотно поужинал и ближе к ночи, распрощавшись с трактирщиком, снова отправился в путь.

Свернув налево, он вскоре услышал шум Фардоньеры. Перейдя речку вброд, он углубился в лес и вскоре очутился у входа в подземные пещеры. Прежде чем войти в них, он огляделся вокруг и внимательно прислушался. До него не доносилось ни звука, в окружающей темноте ничего не было видно. Убедившись в беспочвенности своих страхов и решив, что Лимель либо сбился со следа, либо прекратил преследование, Жозеф решительно шагнул в зияющий провал. Нагнувшись под низким сводом, он прошел расстояние около пятидесяти футов и, свернув за угол, зажег одну из своих свечей.

От того места, где он стоял, отходило несколько подземных галерей. Жозеф наугад двинулся по одной из них, ибо хорошо знал, что все они ведут в так называемый «неф», который каждое лето посещали сотни восторженных туристов.

Отважному юноше казалось, что он находится в центре безграничного темного пространства. Наконец в мерцающем пламени свечи он смог разглядеть перед собой неясные контуры гигантских каменных колонн, по-видимому, естественного происхождения.

Жозеф очутился в знаменитом «нефе». В самом центре огромного пространства, напоминавшего интерьер собора, виднелся громадный монолит.

Далекий от желания выяснить причину возникновения этого странного явления подземного мира, Жозеф укрепил свечу в одном из углублений гигантской глыбы и, достав из кармана план, нарисованный папашей Биасоном, принялся внимательно изучать его.

В центре плана был изображен «неф», или, вернее, монолит, у подножия которого стоял Жозеф.

Одна из сторон глыбы была обозначена буквой Р, а противоположная ей — буквой А. В точке А сходилось несколько подземных коридоров и, чтобы пометить нужное направление, Биасон

обозначил каждый поворот буквами Н, К, О, Н. В нижней части плана какое-то место было помечено маленьким кружком.

Постаравшись хорошенько запомнить все эти обозначения, Жозеф снова спрятал бумагу в карман куртки и, держа в вытянутой руке свечу, двинулся вокруг монолита, по форме напоминавшего кафедру проповедника.

Надо было видеть, с какой радостью заметил он огромную букву Р, выведенную на камне куском угля!

Ведь эта буква была для него очевидным доказательством существования сокровища, в котором он до сих пор сильно сомневался.

Забыв в этот миг торжества всю свою усталость, он быстро направился в дальний конец «нефа», чтобы аналогичным образом обследовать там стены.

Там его тоже ожидал успех. Буква А находилась в точности на том же месте, что и на плане.

К несчастью, от этого места в разные стороны отходило четыре галереи. Из них надо было выбрать лишь одну.

ГЛАВА X
Сокровища

Буквы Р и А находились на концах воображаемой линии.

Поэтому, вернувшись назад, Жозеф прикрепил горящую свечу под изображением буквы Р так, что теперь мог издалека видеть это место, затем, держа в руке вторую зажженную свечу, снова прошел туда, откуда начинались галереи, и теперь без колебания двинулся по указанной ему таким образом дороге.

Выбранная им галерея отличалась огромными размерами и шла под землей почти в горизонтальном направлении.

Через четверть часа он очутился перед третьим знаком. На этот раз на стене была нарисована буква Н. Значит, Жозеф был на верном пути.

Сделав резкий поворот, коридор пошел под уклон, одновременно сужаясь все больше и больше. Тут и там на пути лежали огромные кучи камней, почти загораживавшие проход. В таких случаях Жозефу приходилось карабкаться по их скользкой и гладкой поверхности, решительно

преодолевая неожиданные препятствия. Туннель тем временем стал настолько узок и низок, что юноше в конце концов пришлось продолжать свой путь на четвереньках. Ему даже пришлось выбросить часть своего свечного запаса. Из кармана его прямо в грязь вывалился кусок хлеба, но храбрый юноша даже не подумал наклониться за ним.

Вскоре он добрался до нового коридора, обозначенного буквой К. Жозеф оставил зажженную свечу и в этом месте.

Окончательно уверовав с этого момента в успех, усталый мальчик присел немного отдохнуть на одном из камней.

Неожиданно им овладело какое-то странное состояние. Это был не сон и даже не дрема. Он как бы грезил наяву и его не оставляло чувство, что он блуждает по какой-то неведомой сказочной стране. Временами до него доносился какой-то глухой звук, подхваченный эхом подземных пещер.

Огромным усилием воли стряхнув с себя это оцепенение, Жозеф продолжал путь.

В конце очередного прохода под большой буквой О виднелись уходящие вверх ступени винтовой лестницы, подъем по которой пред-

ставлял большую опасность, ибо многие ступени обвалились, а оставшиеся на месте шатались под ногами.

Поднявшись по лестнице, юноша очутился в узком коридоре, в конце которого имелась низкая дверца, украшенная фамильным гербом Ранконов.

Над этим гербом Биасон начертил углем последнюю букву. Это была буква Н. Вместе с предыдущими она образовывала слово «Р-А-Н-К-О-Н». Достигнув наконец успеха после стольких испытаний, Жозеф почувствовал внезапный упадок сил. Бледный и утомленный стоял он на пороге двери, за которой находились сокровища, о которых ему рассказывал Биасон.

А что, если кто-то уже успел побывать здесь до него? Что, если все его труды окажутся напрасны? Еще один шаг и все станет ясно. Для того, чтобы сделать этот шаг, самый легкий из всех, Жозефу потребовалось больше всего времени.

К своему страху юноша внезапно обнаружил, что для того, чтобы войти в сокровищницу, ему придется перешагнуть через целую кучу человеческих костей, перемешанных с обломками заржавленных шпаг, кинжалов и аркебуз.

Какая трагедия разыгралась некогда в этом

таинственном месте?

Возможно, во время одной из осад замка последние защитники Ранкона нашли себе здесь прибежище в ожидании атаки, которой так и не последовало! Возможно, они сами заперлись здесь, предпочтя такую смерть отправке на галеры за государственную измену.

Держа свечу в вытянутой руке, Жозеф постарался как можно лучше рассмотреть при ее тусклом свете внутренность помещения.

Это была круглая камера, единственным выходом из которой, по-видимому, служила та дверь, через порог которой медлил переступить Жозеф.

Однако вся его нерешительность улетучилась при виде неясных очертаний нескольких сундуков, в которых, несомненно, и хранились сокровища.

Перепрыгнув через груду человеческих останков, Жозеф запустил дрожащие руки в золото Ранконов, до краев наполнявшее три сундука.

Четвертый сундук был наполнен драгоценностями. Там сверкали и переливались бриллианты, сапфиры, рубины и изумруды; тускло блестели жемчуга и старинные изделия из золота и серебра.

Теперь Жозеф понял, почему героические за-

щитники замка согласились претерпеть ужасные муки голодной смерти, но не выдали врагам новой веры вверенных им сокровищ.

Опустившись на колени, Жозеф пламенно вознес Господу благодарственную молитву. Затем, торжественно подняв правую руку, он прочувствованно произнес:

— Вы храбро сражались за дом Ранконов и принесенная вами жертва не напрасна. Можете спокойно смотреть, как я заберу отсюда эти деньги и драгоценности. Из-за отсутствия вот этих самых сокровищ род Ранконов пришел в упадок, теперь они помогут ему возродиться вновь!

Произнеся эти слова, Жозеф поспешно оглянулся. На этот раз слух действительно не подвел его. За дверью послышались чьи-то шаги и тяжелое дыханье.

Жозеф поспешно поднял лежавшую на полу около одного из сундуков старинную тяжелую шпагу с массивным эфесом, ибо кто кроме врага мог выследить его в этом месте в столь поздний час?

Ожидание его длилось недолго, ибо в ту же минуту в дверном проеме показалось бледное лицо Лимеля. Увидев, что готовый к отпору Жозеф стоит со шпагой в руке, негодяй поспешно отскочил

обратно в коридор.

Вскоре юноша заметил, что из-за двери на него направлен луч сигнального фонаря. Жозеф быстро отступил в сторону, но луч упорно следовал за каждым его движением. Внезапно мальчик увидел, что в коридоре блеснуло что-то еще. Сразу узнав в этом предмете дуло нацеленного на него пистолета, Жозеф мужественно шагнул вперед со шпагой в руке.

В пещере раздался оглушительный звук выстрела, раскаты которого громким эхом отдались в лабиринте подземных галерей. Послышался страшный шум, земля задрожала и какая-то неодолимая сила швырнула Жозефа на пол.

Свет сразу погас и вокруг воцарился непроницаемый мрак. Ощупав себя, юноша понял, что пуля прошла мимо и он не ранен. Добравшись на коленях до стены, он пополз вдоль нее, стараясь убедить себя в том, что сундуки с золотом и драгоценностями пострадали не больше, чем он сам, но, оказавшись на том месте, где раньше находилась дверь, он наткнулся лишь на груду камней и обломков.

— Я пропал! — с содроганием сказал себе Жозеф. — Лестница рухнула от страшного удара и теперь я заживо погребен среди сокровищ!

ГЛАВА XI
Ночь

Пришедший в отчаяние Жозеф целый час пролежал без движения на полу подземелья.

— Зачем продолжать дальше эту бессмысленную борьбу? — печально думал юноша. — Я заживо похоронен в сокровищнице и отсюда мне уже никогда не выбраться, ведь даже гораздо более сильные и мужественные люди нашли здесь свою смерть. Так пусть же смерть придет и ко мне!

Но смерть не приходила и измученный мальчик забылся тяжелым сном без сновидений. Сколько времени провел он в подземелье? Час или целые сутки? Жозеф так и не узнал этого. Пробудившись ото сна, он убедился, что все вокруг по-прежнему было погружено в непроницаемый мрак.

Отдых придал ему новые силы и жажду жизни. Необходимо было во что бы то ни стало выбраться из этой ловушки.

Однако выполнить это решение было нелегко. Пошарив рукой по полу, ему удалось наконец

наткнуться на свечу, но она оказалась мокрой и грязной. Отчаянно работая руками, ногами и ногтями, он оторвал несколько планок от сундуков, соорудив из них некое подобие костра.

Отсыревшее дерево горело плохо и костер не столько горел, сколько тлел, однако, все же давал хоть немного света.

Теперь перед Жозефом стояла задача расчистить завал у двери. Для такой работы и более сильному человеку потребовалось бы несколько дней, но юноша не унывая принялся за дело.

Используя в качестве рычага большую дубовую доску от сундука, он начал откатывать в сторону большие камни. Хотя этот титанический труд занял несколько часов, юноша не чувствовал усталости, мучаясь лишь от голода и жажды.

К счастью, у него при себе еще оставалась маленькая бутылка коньяку и, отпивая из нее время от времени по нескольку капель, он мог хоть как-то поддержать свои силы.

Главным препятствием на пути к свободе служила упавшая сверху огромная каменная глыба, мешавшая Жозефу выбраться из сокровищницы.

Над этим камнем юноше пришлось потрудиться несколько часов, прежде чем гигантский обломок покачнулся и с громким шумом выка-

тился наружу.

Теперь юноша был уверен в своем спасении. Опустившись на колени, он тихо пробормотал благодарственную молитву.

Уже целых тридцать шесть часов во рту у него не было ничего кроме нескольких капель коньяку. Залпом опорожнив бутылку до дна, он вытащил из костра горящую головню, чтобы при ее свете ознакомиться с разрушениями, вызванными пистолетным выстрелом.

Разрушения эти были просто ужасны. Лестница была почти полностью разрушена, от нее остались лишь перила, а искореженные каменные ступени беспорядочной грудой валялись внизу.

Юноше предстояло спуститься по несуществующей больше лестнице, но он не отступил и на этот раз.

Привязав к телу несколько обломков доски, чтобы в случае необходимости снова добыть огонь, он выхватил из костра первую попавшуюся головешку и отважно принялся за осуществление своего опасного плана.

Однако вопреки его ожиданиям, спуск оказался вовсе не таким уж трудным, зато внизу его ожидало новое разочарование. Проход был завален точно так же, как и выход из сокровищницы.

Приняв решение углубиться в незнакомые ходы, Жозеф выбрал первую попавшуюся галерею, а в остальном всецело положился на Провидение.

Вскоре он оказался в запутанном лабиринте подземных коридоров, разбегавшихся в разных направлениях и иногда скрещивавшихся между собой.

Наконец он очутился в каком-то огромном, казавшемся поистине безграничном пространстве, где царили мрак и полная тишина.

Подумав сперва, что счастье наконец улыбнулось ему и он снова попал в «неф», Жозеф вскоре испытал страшное разочарование, ибо ему так и не удалось обнаружить гигантского монолита, откуда началось его путешествие. Снова войдя наугад в один из проходов, он вскоре наткнулся на оставленную им ранее отметку и понял, что просто кружит по подземному лабиринту.

Швырнув в порыве отчаяния свой факел об стену, он упал на землю с громким криком:

— Мне придется умереть здесь!

Ответом ему было лишь эхо огромного подземелья, показавшееся ему голосом из потустороннего мира.

Юношу мучил голод, но жажда терзала его еще больше. Язык его прилип к небу, потрескавшиеся

губы горели; за каплю воды он готов был пожертвовать вечным спасением.

Жозеф продолжал лежать, вытянувшись на земле во весь рост и ощущая щекой влажную почву. Теперь он уже не рассчитывал выбраться на свободу, а лишь молил Бога поскорее послать ему смерть. Вскоре он снова впал в сонное оцепенение, но на этот раз его преследовали сновидения и, подобно погибающим от жажды путникам в пустыне, он грезил об озерах, журчащих ручьях, водопадах и голубых реках. Шум и плеск воды постоянно преследовали его. Открыв глаза, он подполз ближе к тому месту, откуда, казалось, доносились эти звуки и при этом они, как ни странно, усилились.

Это был не сон, это была реальность! Рядом с ним действительно журчал подземный источник, и Жозеф, которого надежда снова вернула к жизни, невольно подумал:

— Вот напьюсь и тогда смогу спокойно умереть!

Да, это действительно была чистая проточная вода и с какой радостью окунул он в нее усталые руки и горящий лоб! Он пил и ему казалось, что никогда в жизни он не пробовал ничего вкуснее этой подземной воды, на которую никогда не

падал луч солнца и которую не пил еще ни один человек до него. Жозеф принадлежал к числу тех мужественных и деятельных натур, дух которых поднимается даже от самой слабой надежды, и он в очередной раз твердо сказал себе:

— Я не хочу умирать!

Снова встав на ноги, юноша продолжил свои блуждания в поисках выхода. Пройдя несколько шагов, он остановился и повернул назад. Дорога шла вверх, но после некоторого размышления он решил, что ему лучше пойти вниз по течению ручья, ибо так он сможет добраться до того места, где он пробивается на поверхность земли. И действительно, полоска воды становилась все шире и шире.

Еще через четверть часа пути тихое журчание воды превратилось в громкий раскатистый рев, наполнявший собою огромные своды подземных пещер.

Неожиданно впереди блеснул слабый луч света, еще несколько шагов и Жозеф уже смог различать вокруг неясные очертания предметов.

Подземная галерея стала сужаться, свет становился все ярче и наконец вдалеке показался голубой клочок неба!

Под ногами Жозефа зияла пропасть, на дне ко-

торой с оглушительным шумом ревел и клокотал бурный поток, вверху сияло голубое отверстие. Внизу была смерть — вверху жизнь и надежда.

Там, наверху, светило солнце, пели птицы и ветер шелестел кронами деревьев, там было царство жизни.

Внизу рокотал черный поток, там царили ужас и смерть.

Отчаянно цепляясь руками и ногами за каждый уступ, Жозеф начал карабкаться по скалистой стене. Вскоре ему удалось добраться до небольшой площадки, где он смог немного передохнуть и собраться с силами.

В расщелинах скалы росли дикие травы. Нарвав их, Жозеф принялся жадно поглощать эту скудную пищу, которая, тем не менее, помогла ему хоть как-то восстановить силы. Подкрепившись и немного передохнув, юноша с неутомимой энергией продолжал карабкаться вверх.

Глаза его измеряли расстояние с математической точностью, пальцы приобрели крепость железа, а руки — цепкость клещей, стальные мускулы, казалось, не знали усталости.

Голубое пятно вверху, постепенно увеличиваясь в размерах, становилось все ближе; по мере усиления яркости дневного света шум воды ста-

новился все тише и тише.

Жозефу оставалось теперь преодолеть не более двадцати футов.

Неожиданно где-то над его головой запел мужской голос. Это был дровосек, который, напевая, наносил мощные удары топором по стволу дерева.

— Сюда, сюда! — громко закричал Жозеф, но так и не получил ответа на свой призыв. Голос продолжал петь и тяжелые равномерные удары не прекращались.

— На помощь! На помощь! — снова в отчаянии крикнул юноша, но и на этот раз все его усилия оказались бесплодны.

— Я пропал, он меня не слышит! — молнией пронеслось у него в голове.

Внезапно голос замолк. Еще один сильный удар, затем страшный треск и огромная зеленая масса срубленного дерева преградила Жозефу путь к свободе, заслонив собой небо и дневной свет, при этом ветви срубленного дуба чуть не сбросили бедного юношу обратно в пропасть.

Однако это новое препятствие, как ни странно, невольно сослужило ему добрую службу.

В порыве отчаяния ему удалось схватиться за самую длинную ветвь, которая выдержала его

вес, несмотря на то, что была довольно тонка. С трудом добравшись до более толстой ветви, Жозеф наконец добрался до края пропасти.

Дровосек, опершись на длинную рукоять топора, печально смотрел на свою работу, невольно жалея погубленный им могучий и красивый дуб.

Внезапно увидев, как из недр земли выпрыгнуло какое-то бледное скелетообразное существо, он невольно пришел в ужас и чуть не убежал прочь, но представшее его взору страшное привидение, сделав несколько неуверенных шагов, бессильно рухнуло на землю.

Придя в себя, Жозеф увидел доброе лицо склонившегося над ним молодого человека, который с жалостью смотрел на несчастного юношу.

Перед этим дровосек позаботился уложить юношу на мягкий мох и брызнул ему в лицо водой, чтобы тот очнулся от глубокого обморока.

— Благодарю вас, — тихо прошептал Жозеф. — Где я?

— Где же еще, как не в Браконском лесу? — отозвался незнакомец.

— Мне хочется есть! — простонал Жозеф.

— Это не удивительно! Подожди немного, сейчас я дам тебе перекусить.

С этими словами молодой человек побежал

за мешком, из которого поспешно вынул кусок ржаного хлеба и несколько орехов.

С жадностью посмотрев на эту скромную еду, Жозеф тут же проглотил ее.

Поев и выпив воды, он захотел встать, но так и не смог подняться с земли, снова лишившись чувств. Перенесенные испытания сломили даже его железный организм.

ГЛАВА XII
Интересный уголовный процесс

Вся Франция проявляла живой интерес к скандальному уголовному процессу, проходившему в Лиможе.

Графиня де Кверан-Ранкон, урожденная Ромье, обвинялась в отравлении собственного мужа.

По словам самой вдовы, граф Жорж был лучшим из мужей. Что же в таком случае заставило несчастную женщину совершить столь тяжкое преступление?

Был пущен слух, что между покойным и его младшим братом существовало тайное соперничество, ибо оба они были страстно влюблены в госпожу де Ранкон. Единственным препятствием на пути шевалье де Ранкона было существование графа Жоржа.

Сама обвиняемая призналась в любви к брату своего мужа, хотя продолжала упорно отрицать причастность к убийству.

Невиновность графини Элен отстаивало несколько человек, из числа которых первой была ее камеристка Роза. Вторым был почтенный

Эркюль Шампион, дальний родственник обвиняемой, несколько лет проживший у нее в доме и категорически настаивавший на ее полной непричастности к преступлению.

Несмотря на это, вскрытие трупа графа де Ранкона, проведенное несколькими парижскими врачами, убедительно доказало присутствие большого количества яда в организме покойного.

Обвинение было сформулировано с предельной ясностью. В нем говорилось о счастливой жизни молодой пары до прибытия в замок шевалье Октава, пробудившего роковую страсть в сердце юной графини.

«С того самого дня, — говорилось в обвинительном акте, — граф де Ранкон впал в уныние и совсем отошел от дел, предоставив все управление чугунолитейным заводом родственнику своей жены, Эркюлю Шампиону, который всецело посвятил себя интересам графской четы.

Порочная страсть всегда оканчивается катастрофой. Без всяких видимых причин шевалье Октав де Ранкон вступил в политический заговор и после его отъезда из замка супружеская чета вновь зажила счастливо и спокойно. Граф де Ранкон великодушно простил супругу. Но, вместо

того, чтобы проявить покорность, эта женщина воспользовалась великодушием мужа, чтобы избавиться от связывающих ее брачных уз.

Не прошло и нескольких дней, как она приступила к осуществлению своего чудовищного плана. Через несколько месяцев граф Жорж де Ранкон умер от яда.

Перед смертью он пожелал в последний раз говорить со своей неверной женой и, по имеющимся сведениям, обязал ее выйти замуж за Октава.

Разговор этот, однако, нельзя считать доказанным фактом, кроме того, даже если он и имел место в действительности, то и тогда из этого нельзя с уверенностью сделать вывод, что граф, по-прежнему любивший жену, знал о ее преступном сговоре с шевалье де Ранконом.

Даже если бы он и догадывался о покушении на свою жизнь, то, как и подобает христианину, скорее всего простил бы виновных. При этом совершенно очевидно, что он никогда даже не помышлял об устроении брака своей преступной жены с ее сообщником.

Истина же заключается в том, что граф считал, что умирает от болезни, усугубленной не покидавшей его меланхолией, в то время как в

действительности он скончался от длительного воздействия яда.

В таком случае возникает вопрос: был ли действительно отравлен граф де Ранкон?

Проведенное вскрытие не оставляет в этом никаких сомнений.

Кто же давал яд жертве?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно рассмотреть следующие факты.

Однажды управляющий Эркюль Шампион уволил с завода рабочего по имени Франсуа Лимель, который до этого неоднократно хвастался своим влиянием на предприятии одному из знакомых, работавшему там вместе с ним. Лимель уверял при этом, что никто никогда не осмелится выгнать его за ворота. И действительно, графиня тут же заступилась за него и он остался работать на заводе.

Вышеупомянутого Лимеля несколько раз посылали в имеющуюся в Арго аптеку для покупки мышьяка, якобы необходимого для борьбы с крысами, которых в Нуармоне в действительности почти не было.

Так кто же мог быть заинтересован в смерти графа де Ранкона, помимо его вдовы, являвшейся также его единственной наследницей, которая

со смертью мужа обретала долгожданную свободу?»

Умеренный тон, в котором был составлен этот документ, лишь усиливал производимое им сильное впечатление.

Потрясенная Элен молча выслушала чтение обвинительного акта. Признавая справедливость изложенных в нем фактов, она тем не менее категорически отрицала свое участие в преступлении, одно упоминание о котором заставляло ее содрогаться от ужаса.

Выслушав обвинительный акт до конца, она заявила, что истинным убийцей является Эркюль Шампион, ибо это именно он отравил графа Жоржа. Кроме того, он коварно заманил Октава в Нуармонские болота, где тот и нашел свою смерть. Шампион не прервал ее речь ни единым словом, казалось, слушая свою родственницу с каким-то болезненным изумлением, и ничего не сказал в ответ даже после того, как она, кончив говорить, утомленно опустилась на скамью.

— Ваша честь, — проговорил он наконец, когда судья предоставил ему слово, — придя сюда с тем, чтобы заявить о невиновности моей несчастной родственницы, я был совершенно не подготовлен к тому, чтобы услышать в свой адрес обвинения

в этом ужасном преступлении, которое совершил кто-то из нас двоих. Но я настолько уверен в своей невиновности, что готов сразу же ответить на обвинение.

Расследование, проведения которого потребовал господин Эркюль Шампион, доказало его полную непричастность к убийству.

Элен же сильно повредила себе, выступив с обвинениями в адрес Шампиона.

В решающий момент ее, возможно бы, оправдали, но после этой сцены участь ее была решена, от несчастной отвернулись даже те, кто раньше был склонен к ее оправданию.

Суд присяжных вынес решение: виновна со смягчающими вину обстоятельствами и вдовствующая графиня Элен де Кверан-Ранкон, урожденная Ромье, была приговорена к пожизненному заключению с привлечением к тяжелому физическому труду.

Она с изумлением выслушала вердикт, не проронив ни слезинки, не закричав от отчаяния и не упав в обморок. Неподвижная и холодная, как изваянная из мрамора статуя, она всем своим видом как бы говорила в этот момент:

— Все кончено!

Адвокат графини напрасно умолял ее подать

апелляцию. На все его уговоры она упорно отвечала, что и так уже достаточно опорочила и запятнала то имя, которое имеет честь носить, чтобы причинить ему еще больший ущерб новым скандалом.

Однако в результате вмешательства некоторых влиятельных лиц, с мнением которых нельзя было не считаться, приговор Элен смягчили, заменив его пожизненным заключением в тюрьме, без привлечения осужденной к принудительным работам. Розе было разрешено остаться вместе со своей госпожой для оказания ей услуг.

Вслед за уголовным процессом последовало гражданское судебное разбирательство, которое должно было решить судьбу Бланш де Ранкон, бедного ребенка, лишившегося матери, общение с которой могло дурно повлиять на невинную душу младенца.

В этом деле Эркюль Шампион снова выказал себя джентльменом, проявив свойственное ему благородство. Не выказав ни малейшей обиды за то, что Элен обвинила его в преступлении, он посвятил все свое время защите интересов ее дочери.

Проявив утонченную деликатность, он отклонил предложение стать опекуном Бланш

и порекомендовал на это ответственное место господина Матифо.

Благодаря самоотверженному труду Шампиона ему вскоре удалось вернуть Нуармону былое процветание, а затем, по настоятельной просьбе господина Матифо, президента компании и опекуна Бланш, он согласился вновь стать управляющим завода.

Так закончилось это дело, столь долго волновавшее умы общественности.

Что касается Элен, то поведение ее в тюрьме нисколько не изменилось. Она оставалась такой же, как и в день вынесения приговора — никаких слез, никаких улыбок.

Единственным утешением ее жизни были лишь посещения тюремного капеллана, да общество преданной Розы.

Иногда какая-нибудь монахиня спрашивала его:

— Скажите, господин аббат, считаете ли вы заключенную виновной?

— Кто знает? — печально отвечал свято уважавший тайну исповеди священник. — В любом случае, теперь это настоящая святая.

В свое время бедная Элен пролила слишком много слез, и теперь глаза ее были сухи, но она

по-прежнему не могла забыть о своих несчастьях, мысль о которых неотступно преследовала ее днем и ночью, не покидая даже во время сна. Постепенно под гнетом этих невыносимых страданий лицо ее приобрело какое-то каменное выражение и остальные заключенные, встречаясь с ней иногда в коридорах, невольно обращали внимание на мертвенный неподвижный взгляд юной графини.

— Ее, должно быть, мучат угрызения совести, — тихо шептались меж собою они.

ГЛАВА XIII
Клеман

Дровосек Клеман жил в полуразвалившейся сторожке на опушке леса, в на редкость уединенном и глухом месте.

Даже мох здесь имел какой-то сероватый оттенок, а листва казалась почти черной; мрачную тишину нарушал лишь монотонный стук дятла, а вместо веселого птичьего щебетанья раздавалось зловещее карканье ворон.

Весельчак Клеман жил в этом унылом навевающем тоску месте в полном одиночестве, но истинным его обиталищем был лес, а не обветшалая хижина лесника. В лесу он проводил целые дни с раннего утра и до позднего вечера. Привыкнув почти с самого детства к одиночеству, он вовсе не страдал от отсутствия людей, умея дружить с деревьями и скалами, с белками и кроликами, причем среди этой дикой природы ему никогда не было скучно.

Понимая язык ветра и деревьев, он даже в полной темноте мог по шелесту листвы отличить дуб от вяза, а ясень от липы.

Клеман любил также рассказывать чудесные истории о муравьях, жуках и других насекомых, копошившихся в лесной траве.

Всему этому его научила сама природа. Например, единственным учителем музыки молодого человека был соловей, но несмотря на это все девушки с искренним восхищением дружно уверяли, что в искусстве пения Клеману нет равных.

Он сам сочинял мелодии песен, сам слагал стихи и сам исполнял свои произведения, зачастую являясь не только автором и исполнителем, но и единственным слушателем.

Пел же Клеман все, что приходило ему в голову, а рифма и ритм приходили сами собой.

Все это было прекрасно известно пастушкам и девушкам с ближних ферм.

Заслышав на опушке знакомый стук топора, они поспешно бежали в лес и, спрятавшись в кустах, наслаждались чудесным пением Клемана. Иногда красавец дровосек замечал непрошенных слушательниц, но от этого пел только еще лучше и звонче.

Однако в последнее время концерты эти совсем прекратились, и девушки недоуменно спрашивали друг у друга: «Что случилось с Клеманом? Его

совсем не слышно, а ведь до зимы еще далеко и соловей поет по-прежнему».

Дровосек теперь почти не выходил из дому, с поистине материнской нежностью ухаживая за своим новым другом Жозефом, три месяца пролежавшем в жару.

Наконец Жозеф настолько поправился, что полное его выздоровление стало лишь вопросом времени.

Лежа на большой кровати, мальчик часами смотрел на своего покровителя, занимавшегося изготовлением стульев и другой мебели.

Во время болезни Жозеф начисто позабыл о своих приключениях, но теперь память наконец вернулась к нему и, приподнявшись на постели, он решительным жестом сбросил с себя одеяло.

Увидев это, Клеман поспешно вскочил с места и подбежал к своему пациенту.

— Что случилось, малыш? Зачем ты вскочил с постели? Потерпи еще несколько дней, тебе еще рано вставать. Давай-ка я снова укрою тебя, мой мальчик. Последние месяцы ты постоянно бредил какими-то сокровищами и говорил только о золоте и драгоценных камнях. Можно было подумать, что король по сравнению с тобой лишь жалкий нищий. Послушайся моего совета,

малыш, и поскорее выбрось из головы все эти бредни, иначе лихорадка опять вернется к тебе.

— Нет, нет, мой добрый Клеман, — твердо ответил ему Жозеф, — болезнь окончательно отступила и теперь мне нечего ее бояться. Я снова здоров, Клеман, и нахожусь в здравом уме. Клянусь, что если ты согласишься мне помочь, то вскоре станешь самым богатым человеком в округе.

— Я что-то плохо понимаю тебя, Жозеф. Что ты имеешь в виду?

— Разве тебе никогда не доводилось слышать о сокровищах, скрытых в пещерах Ранкона? — серьезно осведомился юноша.

— Да, конечно! — воскликнул Клеман, — но я был не так глуп, чтобы поверить всем этим россказням! Помню, старик Петаш захотел однажды отправиться на поиски этого клада, но чуть не умер там с голоду.

— Ну что ж, мне повезло гораздо больше, ведь я нашел эти сокровища! — скромно отозвался Жозеф.

Поймав недоверчивый взгляд Клемана, Жозеф горячо продолжал свой рассказ.

— Сокровища действительно существуют. Одних золотых слитков там столько, что ими можно

было бы забить эту комнату до самого потолка. Они лежат в огромных сундуках, а в других хранятся драгоценности и серебро. Вот только для того, чтобы завладеть кладом, нам потребуются ловкость и мужество, ведь попасть туда можно лишь через то отверстие, откуда я вылез при нашей первой встрече.

— Но не будет ли это грабежом с нашей стороны? — растерянно пробормотал Клеман.

— Вовсе нет, — поспешно проговорил Жозеф, снова приподымаясь на постели, — наоборот, мы сделаем доброе и благородное дело. Я говорю с тобой вполне откровенно, ведь ты спас меня от смерти и я тебе полностью доверяю. Дело в том, что отправляясь за сокровищами, мы будем действовать не в своих интересах.

После этого он, как смог, рассказал другу историю Элен де Ранкон, упомянув при этом об убийстве Октава и о последней воле папаши Биасона.

Клеман слушал его очень внимательно, а когда Жозеф стал описывать ужасы подземных пещер и препятствия, которые ему пришлось преодолеть, Клеман с восторгом воскликнул:

— И ты вынес все это, малыш? Ты действительно сделал это?

— Да, я все это сделал, но без твоей помощи все мои усилия пропадут даром!

— Но этого не случится! — вскричал Клеман, — я не покину тебя, мой мальчик, и мы спасем твою прелестную и отважную графиню! Если мы с тобой не выберемся из этой дыры живыми и здоровыми, то значит сам Господь хочет, чтобы сокровища навеки остались под землей.

Обменявшись рукопожатием, молодые люди принялись обсуждать план своего опасного предприятия.

Прежде всего им понадобились прочные веревки и канаты.

Добрый дровосек печально посмотрел на недоделанную корзину, плетением которой он занимался до начала разговора с Жозефом.

— Пенька стоит слишком дорого, — с сожалением заметил он, — можно плести корзины долгие месяцы, но все равно не заработать нужных нам средств, да и лекарства твои тоже стоили денег, а аптекарь дает в кредит не больше булочника.

Протянув руку к своей одежде, аккуратно сложенной на стуле, Жозеф взял пояс и вынул оттуда золотые монеты, подаренные ему папашей Биасоном.

— Надеюсь, нам хватит этих денег, — с гордо-

стью проговорил он.

С того самого дня все разговоры в сторожке дровосека велись только о предстоящей экспедиции в подземелья Ранкона. Вскоре Жозеф окончательно выздоровел и окреп.

Как только он смог выходить из дому, друзья направились к месту, чтобы обсудить последние приготовления к своему опасному предприятию.

Сваленный Клеманом дуб лежал на том же месте и положение дерева позволяло легко привязать к его стволу канат, необходимый для спуска в подземные гроты. Проблема спуска была таким образом решена, но как они смогут выбраться обратно с огромным грузом сокровищ?

— Сначала спустимся в подземелье, а там будет видно, — высказал свое мнение Клеман, успевший тем временем закупить веревки, канаты, киркомотыги и другие необходимые вещи.

Однажды ночью он ушел из сторожки и вернулся только на следующее утро.

На все расспросы Жозефа он лишь таинственно улыбался и хранил молчание.

— Оставь меня в покое, малыш, — наконец заметил он. — Думай-ка лучше о себе и поскорее набирайся сил. В свое время я посвящу тебя в составленный мною план.

Через несколько дней Клеман, занятый какой-то работой, неожиданно сказал, отложив в сторону молоток:

— Теперь, наконец, все готово и, если ты чувствуешь в себе достаточно сил, то мы можем сегодня же отправиться в путь.

Проговорив это, он взвалил себе на спину только что сколоченный деревянный ящик, легкий, но чрезвычайно прочный. По бокам ящика находились ручки, предназначенные для его переноски.

Жозеф поспешно собрался и через полчаса они уже шли по тропинке, ведущей их к таинственной цели.

На поляне все осталось без изменений и дуб по-прежнему почти целиком закрывал отверстие в подземные пещеры.

Усевшись на ствол дерева и помогая себе руками, Клеман быстро добрался до того места, где начиналась первая ветвь, а было это почти в самом центре бездонного провала.

Внезапно, сделав какое-то быстрое движение, Клеман исчез из виду.

Сначала Жозеф было подумал, что другу его пришел конец, но затем сообразил, что если бы с Клеманом случилось несчастье, то тот закричал

бы, зовя его на помощь. Повторив действия дровосека, юноша вскоре очутился на том самом месте, где только что исчез Клеман, и тут же понял, что произошло на самом деле.

В том месте, где начинались первые ветви дуба, к стволу его был накрепко привязан канат с узлами, значительно облегчавший спуск на нижнюю площадку скалы.

Клеман уже стоял на ней, знаками приглашая Жозефа последовать за собой.

Тут только по-настоящему стала видна проделанная Клеманом гигантская работа, к тому же выполненная им ночью и без всякой посторонней помощи.

Площадка была расширена за счет выдолбленной в скале ниши и превращена в своего рода склад различной провизии.

Через пропасть было подобно мостику перекинуто толстое бревно, с обоих концов закрепленное массивными железными крючьями.

— И ты все это сделал? — вскричал Жозеф, невольно приходя в восторг от увиденного.

Ничего не ответив на этот вопрос, Клеман поднялся на две ступеньки сделанной им веревочной лестницы.

— Подожди, сейчас я спущу сюда ящик, — весе-

ло воскликнул он.

Этой ночью несколько крестьянских девушек, возвращавшихся с ярмарки в Лароше, услышали в соседнем лесу печальную песню.

— Это поет Клеман, — шепнули они, останавливаясь, чтобы послушать, но вскоре песня замолкла и тишину теперь нарушал лишь шелест листвы.

Так в этой округе в последний раз было услышано пение Клемана.

ГЛАВА XIV
Королевский прокурор

Сейчас только пять часов утра, только что рассвело и первые лучи солнца проникли сквозь закрытые ставни.

За письменным столом, запаленным бумагами, в задумчивости сидит какой-то человек. Время от времени он подымается и начинает расхаживать по комнате, потом снова садится и лихорадочно перелистывает лежащие перед ним бумаги.

Хозяину дома, королевскому прокурору Мори-Дюкенелю, едва исполнилось пятьдесят лет, но усердный труд и служебные заботы уже успели отметить морщинами его высокий лоб.

Мори-Дюкенель все еще не женат, и когда друзья начинают подшучивать над ним, убеждая почтенного чиновника вступить в брак, пока еще не поздно, тот в ответ лишь улыбаясь покачивает головой.

Как и все старые холостяки, этот человек относил себя к числу скептиков, но в основе его скептицизма лежала глубокая горечь.

Ему слишком часто и близко приходилось

сталкиваться с преступлением в самых различных формах, чтобы не считать его своеобразной болезнью.

— Бешеных собак необходимо обезвреживать раз и навсегда, — говорил он обычно тем, кто обсуждал в его присутствии вопросы, связанные с применением смертной казни, — но при этом не следует допускать излишней жестокости, — неизменно добавлял королевский прокурор.

Однако несмотря на всю свою опытность, ему еще никогда не приходилось встречаться с таким запутанным делом, как процесс графини де Кверан-Ранкон.

Находя притянутыми за уши многие из изложенных в обвинительном акте фактов, он сомневался в справедливости вынесенного приговора. Вот почему сейчас, через полгода после осуждения Элен де Ранкон, мы застаем его за внимательным изучением материалов этого необычного дела.

Дверь кабинета медленно отворилась и на пороге появился ступавший на цыпочках Лорен, с охапкой поленьев под мышкой. Это был слуга королевского прокурора. Не высказав ни малейшего удивления при виде своего хозяина, занятого работой в столь ранний час, Лорен при-

нялся разжигать огонь в камине.

Треск горящих поленьев отвлек Мори-Дюкенеля от документов, заставив его обернуться.

— А, это ты, Лорен! Ко мне еще никто не приходил? — поспешно спросил он.

— Никто, господин королевский прокурор.

— Я как раз ожидаю одного посетителя. Сможешь ли ты сразу узнать того молодого человека, которого я принял на днях?

— Он еще очень молод, невелик ростом и не носит ни бороды, ни усов?

— Да, я имел в виду именно его. Как только он придет, сразу же приведи его в мой кабинет.

— Слушаюсь, господин королевский прокурор.

В этот момент раздался стук в дверь.

— Это, должно быть, он, — вскричал господин Мори-Дюкенель, поспешно поднимаясь с места. — Проследи, чтобы никто не помешал нам, ты понял, Лорен? Войдите, — громко добавил королевский прокурор.

В вошедшем читатель вряд ли сразу узнал бы Жозефа.

За несколько месяцев, прошедших с начала нашего рассказа, мальчик превратился в мужчину.

На Жозефе по-прежнему был костюм лимузенского крестьянина. Откинув со лба прядь светлых

волос и держа в руке широкополую шляпу, он смело приблизился к королевскому прокурору. Открытое честное лицо юноши произвело на того, как и в прошлый раз, самое благоприятное впечатление.

— А вот и вы наконец! — приветливо промолвил господин Мори-Дюкенель. — Я с нетерпеньем ждал вашего прихода. Сообщенные вами позавчера новости совсем лишили меня покоя. Подумать только! С моей помощью ни в чем не повинной был вынесен суровый приговор…

— Не только невинной, но и святой! — печально заметил Жозеф.

Нервно схватив со стола один из документов, королевский прокурор взволнованно воскликнул:

— Все уверены в справедливости приговора, а тем временем несчастная безвинно страдает в тюрьме, жалуясь на людское правосудие! Но ты не пытаешься обмануть меня? — спросил он, внезапно оборачиваясь к Жозефу и внимательно вглядываясь в его лицо.

— Нет, господин королевский прокурор, я говорю чистую правду.

— Да, да, — заметил Мори-Дюкенель, как бы рассуждая сам с собой, — человек с таким голосом

и взглядом просто не может лгать.

Помолчав немного, он снова обратился к Жозефу:

— Возможно, я позабыл кое-какие подробности твоего рассказа, поэтому повтори мне его еще раз. Я велел принести сюда эти бумаги, чтобы сравнить твои слова с заявлениями свидетелей. Говори не торопясь и постарайся ничего не забыть.

— Я ничего не забуду, господин королевский прокурор, — уверенно заявил Жозеф и начал свой рассказ, скрупулезно описывая все подробности таинственной драмы, не опуская при этом даже второстепенных обстоятельств. Ужасная история подлости и убийства прослеживалась день за днем, час за часом.

В огромной комнате слышался лишь звонкий голос Жозефа да шелест бумаг; временами рассказ юноши прерывался взволнованными восклицаниями королевского прокурора.

Жозеф говорил очень долго, и когда он наконец замолчал, пристально взглянув на Мори-Дюкенеля, то увидел, что на лбу у того выступили крупные капли пота.

Пройдясь несколько раз по комнате, королевский прокурор остановился перед юношей,

внимательно наблюдая за выражением его лица.

— Так кого же вы обвиняете? — осведомился он наконец.

— Я обвиняю Эркюля Шампиона, Матифо, доктора Туанона и рабочего Лимеля, — твердо ответил Жозеф. — Эркюль Шампион отравил своего благодетеля, графа Жоржа, и способствовал обвинению графини Элеи де Ранкон в смерти ее мужа, а доктор Туанон явился его сообщником в обоих этих преступлениях. Что же касается Матифо и Лимеля, то они виновны в убийстве на болотах несчастного графа Октава.

— Но где же ваши доказательства, сударь? — воскликнул взволнованный прокурор.

С минуту оба они напряженно молчали.

— Между нами говоря, — заметил наконец Мори-Дюкенель, — лично мне таких доказательств не требуется, я верю вам на слово, но вряд ли вашего заявления будет достаточно для суда присяжных. Отказавшись от апелляции, графиня де Ранкон сама сделала невозможным пересмотр вынесенного ей приговора. Общественное мнение настроено против графини, и я нисколько не сомневаюсь, что, попытавшись добиться ее оправдания, мы лишь ухудшим ее положение, ибо несчастной может быть вынесен еще более

суровый приговор. Итак, что же я могу предпринять в сложившейся ситуации?

Поспешно схватив руку королевского прокурора, Жозеф горячо поцеловал ее, тронутый человечностью служителя правосудия.

— Поступайте как знаете, господин Мори-Дюкенель, — растроганно произнес он, — я сказал вам правду, только правду и ничего кроме правды. Поступив так, я лишь исполнил свой долг. Теперь судьба госпожи графини в ваших руках, и я уверен, что ей никогда не найти более благородного человека, чем вы, ваша честь.

— Да, да, мой друг, — вскричал королевский прокурор, — я тоже готов выполнить свой долг.

Для бедной узницы наконец настал счастливый день — Жозефу разрешили посетить ее в тюрьме, что принесло ей огромное утешение.

Не видя его во время судебного процесса, графиня решила, что он, должно быть, погиб, пытаясь спасти ее несчастного Октава. Потом ей даже пришла в голову еще более мрачная мысль:

— Он тоже предал меня! Он тоже перешел на сторону моих врагов.

Но Жозеф не умер и не стал предателем. Стоя на коленях перед своей госпожой, как перед невинной мученицей, и орошая ее руки слезами,

он сообщил ей, что делает все возможное для ее оправдания и освобождения. В четыре часа Жозеф покинул тюрьму, пообещав графине навещать ее каждый день до тех пор, пока его усилия и усилия королевского прокурора не увенчаются полным успехом.

Вечером с визитом к Элен явился сам господин Мори-Дюкенель, теперь полностью убежденный в невиновности графини де Ранкон. Посещение имело неофициальный характер, королевский прокурор явился в качестве друга и защитника несчастной женщины.

По причинам, которые он уже изложил Жозефу, оправдание графини в ходе открытого судебного заседания не представлялось возможным.

Элен отказалась от обжалования приговора и теперь для повторного возбуждения дела необходимо было преследовать в судебном порядке действительных виновников преступления, но иных доказательств их вины, помимо заявлений Жозефа, Розы и самой графини, не было. Поэтому, можно было предвидеть, что Шампион и его сообщники будут оправданы и ситуация, по существу, останется без всяких изменений.

Печальное молчание графини выдавало охватившее ее чувство безнадежности, с которым

она слушала королевского прокурора, полностью соглашаясь с его выводами. Голова несчастной поникла, по исхудалым щекам катились крупные слезы. Теперь она ясно видела всю беспочвенность надежд, пробудившихся было в ней после посещения Жозефа и превращения ее грозного обвинителя в преданного ей друга. Тогда она невольно говорила себе:

— Господь справедлив, судьба наконец устала преследовать меня и теперь незаслуженное наказание превратится в славное мученичество!

Однако все это оказалось пустой мечтой. Участие, проявленное к ней королевским прокурором, принесло ей не большее облегчение, чем вынесенный им ранее обвинительный приговор.

— Да свершится воля Божия! — прошептала она наконец, усилием воли сдерживая слезы. — Отбывая пожизненное заключение в этой позорной могиле, я буду по крайней мере утешаться сознанием того, что такой честный человек, как вы, верит в мою невиновность. Благодарю вас за то, что вы решились навестить меня здесь. Вы причинили мне много зла, но сделали это неосознанно, находясь в полной уверенности, что выполняете свой священный долг. Если вам для

успокоения совести необходимо мое прощение, то я даю его вам от всей души. Я даю вам даже гораздо больше, награждая уважением женщины, на которую незаслуженно возведено позорное обвинение, но которая тем не менее стоит перед вами столь же чистая, как в то время, когда все уважали ее, завидуя ее счастью.

С этими словами она протянула Мори-Дюкенелю изящную белую руку, которую тот почтительно поднес к губам.

— Почему вы хотите лишить нас обоих мужества? — спросил он, продолжая удерживать руку графини, — ведь не все еще потеряно, поверьте!

— Что вы хотите этим сказать, сударь? — вскричала Элен, — умоляю вас, объяснитесь яснее.

— Да, графиня, — продолжал королевский прокурор, — я намерен вызволить вас из беды и я сделаю это, но мне необходимо ваше содействие.

— Что же я должна сделать?

— Вам надо всего лишь подписать этот документ.

— Я сейчас же последую вашему совету, господин Мори-Дюкенель, — поспешно проговорила Элен, дрожащей рукой выхватывая протянутую ей бумагу.

Ознакомившись с ее содержанием, она тем не

менее тут же положила ее на стол.

— Прошение о помиловании! — с горечью прошептала она.

— Подписать его, значит признать свою вину, а ведь я требую справедливости, а не милосердия. О, как вы могли дать мне такой совет?

— И я готов повторить его снова, — взволнованно воскликнул юрист. — Ведь это прошение — простая формальность, клянусь вам. Вы выйдете из этой камеры с безупречной репутацией, очистившись от всяких подозрений. Потребуйте восстановления своего доброго имени и просьба ваша будет удовлетворена, только не лишайте меня вашего доверия. Подпишите эту бумагу и верните ее мне, поручив защищать ваши интересы. Я должен во что бы то ни стало загладить свою невольную вину перед вами.

Он долго еще говорил с Элен в том же духе, пытаясь заставить ее изменить свое решение. Наконец, обернув к нему бледное лицо, графиня тихо заговорила:

— Поклянитесь мне честью, сударь, что подписав этот документ, я не повредю своим интересам.

— Клянусь вам в этом, графиня, — взволнованно произнес Мори-Дюкенель.

— Хорошо, я согласна, — решительно ответила Элен, поспешно ставя свою подпись на прошении.

Королевский прокурор тут же заботливо спрятал его во внутренний карман своего сюртука.

— В этом деле я рискую всем, графиня, — торжественно проговорил он, — ради вашего спасения я ставлю на карту свою репутацию, должность и состояние. Клянусь, что добьюсь для вас не помилования, а полного оправдания!

С этими словами он поспешно вышел из камеры. Не заходя домой, он сразу же направился на почтовую станцию, где его уже ждал готовый к отъезду экипаж.

Что касается Элен, то она по-прежнему влачила жалкое существование в тюрьме, хотя теперь у нее появилась слабая надежда на счастливый поворот в судьбе.

Кроме того, ее ежедневно навещал Жозеф, неустанно убеждая свою госпожу не терять надежды на королевского прокурора.

— Он обязательно сдержит свое слово, госпожа графиня, — уверенно повторял юноша снова и снова.

— Если уж Жозеф говорит так, то его слова обязательно сбудутся, — неизменно добавляла в

таких случаях Роза.

Слушая эти горячие уверения, Элен с улыбкой гладила светлые волосы сидящих у ее ног детей и тогда в ее сердце невольно пробуждался слабый луч надежды.

ГЛАВА XV
Оправдание

Отсутствие королевского прокурора длилось около недели — для Элен, Жозефа и Розы это была целая вечность сомнений и нетерпеливых ожиданий. И вот наконец он вернулся.

Роза и Жозеф находились в камере у своей госпожи, когда внезапно вошедший тюремщик сообщил узнице, что ее сейчас навестит господин Мори-Дюкенель.

Итак, через минуту ее судьба решится.

В коридоре послышались поспешные шаги, дверь отворилась и на пороге камеры появился королевский прокурор, лицо его так и сияло восторгом. Увидев это, Элен без сил откинулась на спинку кресла.

— Я спасена, — мелькнуло у нее в голове.

Роза и Жозеф направились к двери, но королевский прокурор знаком попросил их остаться.

— Дорогая графиня, — радостно воскликнул он, обращаясь к Элен, — предпринятые мною шаги принесли ожидаемый успех.

В порыве восторженной признательности Элен

рухнула перед ним на колени и рыдая вскричала:

— Благодарю вас, друг мой! Да благословит вас Господь за проявленное великодушие!

— Еще одну минуту, графиня, — проговорил королевский прокурор, бережно поднимая Элен и вновь усаживая ее на стул. — Вот ваше помилование, подписанное королем. Я обещал вам торжественное восстановление вашего доброго имени и сегодня сообщаю вам об успехе.

Последовала короткая пауза.

Поскольку Элен продолжала хранить молчание, королевский прокурор заговорил снова.

— Еще совсем недавно вы были свободны, богаты и пользовались всеобщим уважением. И все это вы потеряли благодаря мне, графиня. Великодушие короля позволило мне вернуть вам свободу, что касается богатства и доброго имени, то позвольте мне предложить вам взамен их свое собственное состояние и имя.

И поскольку Элен продолжала робко смотреть на него, не понимая сказанных им слов, то господин Мори-Дюкенель тихо добавил:

— Согласны ли вы принять мое имя, сударыня? Оно не так знатно, как ваше теперешнее, но принадлежит честному и порядочному человеку.

— О, да! — воскликнула Элен, — это действительно имя человека доброго и благородного, но ведь я обещала своему мужу и его брату никогда не менять фамилии де Ранкон! Кроме того, ваша жертва не восстановит моего доброго имени. Как знать, что скажут люди? Оказанную вами услугу могут приписать жалким целям, от которых мы с вами были бесконечно далеки.

Помолчав несколько секунд, Элен продолжала:

— Теперь я жалею, что вы пошли на это, господин королевский прокурор. Случилось именно то, чего я так боялась. Двери моей тюрьмы отпирает не правосудие, а лишь милосердие короля, даровавшего мне помилование. Бог мне свидетель, что я скорее готова умереть в этих стенах с сознанием своей невиновности, чем выйти на свободу с убеждением, что, обратившись с просьбою о помиловании, я тем самым как бы призналась королю в своей вине.

Господин Мори-Дюкенель был в полном отчаянии, чувствуя себя совершенно уничтоженным словами графини де Ранкон.

— Да, графиня, — произнес он наконец после долгого молчания, — готов признать, что я действовал довольно неблагоразумно, но это был единственный шанс спасти вас. Кроме того, мне

не пришлось вымаливать вам прощения, наоборот, я говорил с гордо поднятой головой и мне удалось быстро убедить его величество и господина министра. Они считают это актом правосудия, а не милосердия, поверьте мне.

— И все же я ни минуты не думаю колебать вашу решимость, деликатную причину которой хорошо понимаю. Поэтому позвольте сообщить вам другое предложение, санкционированное вашими влиятельными покровителями.

Тут только королевский прокурор вспомнил, что в камере, помимо него и графини, находились еще Роза и Жозеф. Осознав это, он невольно оглянулся на них. Отлично поняв значение этого взгляда, Жозеф схватил Розу за руку и выбежал вместе с нею за дверь.

Разговор Элен с прокурором занял очень много времени, но никто так и не узнал его содержания.

Жозефу удалось расслышать лишь последние слова, сказанные Элен при расставании с Мори-Дюкенелем, с которым ей никогда больше не суждено было увидеться.

— Господин королевский прокурор, — с глубокой благодарностью заявила она перед самым его уходом, — я никогда не смогла бы принять от

вас эту жертву, если бы дело шло лишь об одном человеке. Но поскольку вы были готовы вернуть матери ее честное имя, то несомненно разрешите ей обратиться к вам с просьбой позаботиться о ее дочери. Уверенность в этом значительно упростит мою задачу, это единственное утешение, которое вы еще в силах дать мне.

— О, что я слышу? — в испуге вскричал Жозеф.

— Да, — печально ответил королевский прокурор, — эта благородная дама отказалась воспользоваться помилованием, которое я ей принес. Указ еще не опубликован и я уничтожил его.

С этого дня Элен снова стала печальна.

Не прошло и недели после посещения королевского прокурора, как она серьезно заболела. Тюремный врач заявил, что у графини де Ранкон открылась чахотка. Для спасения несчастной были испробованы все средства. По распоряжению господина Мори-Дюкенеля из Парижа вызвали доктора Озама, знаменитого столичного врача, который вскоре вынужден был признать, что на выздоровление Элен почти нет надежды.

— Если бы вы хотели жить, сударыня, то мне, возможно, удалось бы спасти вас, — заметил прославленный врач.

В ответ больная лишь покачала головой, как

бы желая сказать: «Зачем мне жить, господин доктор?»

Во всем городе говорили лишь о «праведной преступнице».

— Она умирает, как мученица, — говорили одни.

— Да, но как она жила? — возражали другие.

Что касается господина Мори-Дюкенеля, то им внезапно овладела какая-то странная меланхолия и на следующий год он умер от неведомой болезни, причем врачи не смогли найти удовлетворительного объяснения внезапной кончине столь сильного и энергичного человека.

Однажды утром тюремную церковь открыли для посетителей, ибо весь город захотел присутствовать на похоронах графини Элен де Ранкон.

Королевский прокурор, бледный и печальный, тоже был на этой церемонии.

Присутствующие с особым интересом наблюдали за Эркюлем Шампионом и его другом Матифо, которые в глубоком трауре стояли у самого гроба.

Внимание публики было также приковано к маленькому ребенку в черном, которого держала на руках нянька.

— Это ее дочь! — шептались в толпе, — бедная

крошка осталась круглой сиротой.

Из всех собравшихся в церкви истинное горе испытывали лишь Жозеф и Роза, тихо плакавшие в тени колонны. Соседи, удивленные столь глубоким проявлением чувств, спрашивали друг у друга, кто это такие. Хорошо информированные лица (где они только не встречаются?) быстро узнали хорошенькую Розу, Жозеф же не был известен почти никому из присутствующих.

Лишь эти преданные слуги проводили на кладбище гроб с телом покойной. Впрочем, они были не совсем одни. Доктор Озам тоже выразил желание проводить в последний путь свою пациентку. Вернувшись с кладбища, он подозвал к себе плачущую Розу и шепнул ей на ухо несколько слов.

Возможно, к тому времени девушка уже успела выплакать все слезы, возможно, причина заключалась в чем-то другом, но как бы то ни было, после этого разговора Роза сразу же прекратила рыдания.

Через неделю после похорон в газетах появилось сообщение о помиловании Элен де Ранкон, вдовы графа де Ранкона, но милость короля пришла слишком поздно.

* * *

Через два дня после погребения несчастной графини у ворот лучшей гостиницы в маленьком городке Амбозок остановилась почтовая карета, в которой сидело двое.

Один из пассажиров был еще молод, но задумчивое выражение лица и редкие светлые волосы позволяли предположить в нем молодого ученого, отдающего науке все свои силы. Рядом с ним сидел юноша, почти мальчик.

Пассажирами этими были доктор Озам и Жозеф.

Пока помощники конюха меняли лошадей в упряжке, доктор схватил Жозефа за руку и тихо прошептал ему на ухо:

— Не теряй надежды, мой мальчик.

Подозвав к себе хозяина гостиницы, доктор тихо поговорил с ним о чем-то пару минут, после чего хозяин поспешно удалился.

Через несколько минут в карету запрягли свежих лошадей и кучер занял свое место.

В ту же минуту из дома медленно вышли две женщины, одна из которых была под густой вуалью, и, войдя в карету, заняли места напротив доктора и Жозефа.

Сердце юноши сжалось от волнения, ибо в одной из женщин он узнал Розу.

Кто же была ее спутница в длинном вдовьем покрывале?

Растерянный Жозеф не осмеливался обратиться с этим вопросом к своему спутнику. Таинственная незнакомка под вуалью неожиданно открыла Евангелие, которое держала в руках, и громко прочитала следующие строки:

«…сказавши эти слова, Иисус Христос воззвал громким голосом: «Лазарь! иди вон».

И вышел умерший из пещеры…»

Кучер щелкнул кнутом, зазвенели бубенцы, и лошади пустились крупной рысью.

Из кареты доносился радостный смех, звуки которого мешались с плачем и вздохами.

НИЩЕТА БОГАЧЕЙ

ГЛАВА I
Цвет голубой и белый

Яркое весеннее солнце заливало веселым светом огромный обсаженный липами внутренний двор женского монастыря в городе Б…

Небольшие группки воспитанниц по пять-шесть человек в каждой играли и радостно распевали на свежем воздухе, подобно вырвавшимся на свободу маленьким пташкам, а серьезные монахини разного возраста перебирали четки, степенно прохаживаясь в тени деревьев.

В стороне от других, в дальнем тенистом уголке двора сидели на каменной скамье под сенью покрытого зеленью несмотря на раннюю весну индийского каштана две совсем еще юные девушки.

На одной из них была свешивающаяся на грудь голубая лента, обозначавшая, что ее владелица является воспитанницей старшей группы; вторая же девушка, почти одного возраста с подругой, была украшена лишь белой лентой, означавшей принадлежность к средней группе.

Первая, с голубой лентой на шее, была пре-

лестным созданием, не старше семнадцати лет, безошибочными признаками породистости которой служили руки и ноги самой аристократической формы, а также грациозная фигура и изящество всех ее движений. Девушка, по-видимому, была богата, на что указывало одетое на ней в тот день изысканное шелковое платье.

Другая девушка, весьма миловидная брюнетка, по красоте, пожалуй, ни в чем не уступала подруге, разве что была чуть менее утонченна и элегантна. На ней было простое форменное шерстяное платье, а следы от булавок на ее изящных пальчиках указывали на то, что шитье и вязание служили ей средствами к существованию, а не простым времяпрепровождением.

И действительно, Урсуле Дюран приходилось платить за жилье и воспитание в монастыре, помогая сестрам по хозяйству, в то время как мадемуазель Киприенна де Пьюзо, была гордостью монастыря, являясь самой знатной и богатой из его воспитанниц.

Тем не менее юная аристократка и скромная мещанка получали от своей беседы огромное удовольствие, ибо были неразлучными и самыми близкими подругами. Главной причиной их тесной дружбы было правило, согласно которому

все воспитанницы женского монастыря в Б… обычно жили в нем лишь до пятнадцатилетнего возраста.

Лишь Киприенна и Урсула, возможно, по небрежности родных или по какой-то другой причине, остались в обители дольше положенного возраста, когда богатые семьи обычно забирали своих дочерей домой, чтобы дать им более блестящее светское образование, на что добрые сестры просто не были способны.

Что касается Киприенны, то в этом отношении, хоть она и осталась жить в монастыре, ничего не было упущено, ибо к ней из города регулярно приходили учителя с целью восполнить пробелы в программе монастырского воспитания.

Урсула же, без сомнения, просто принадлежала к бедной семье, не имеющей возможности позволить себе роскоши платить за более разностороннее образование.

Таким образом, Киприенна и Урсула, будучи самыми старшими из воспитанниц, стали близкими подругами.

Из всей своей семьи Урсула знала лишь одну замужнюю кузину по имени Селина Морель.

Эта красивая молодая женщина, по-видимому, очень любила Урсулу, ибо при каждом

посещении монастыря с ее стороны следовали бесконечные слезы, объятия и поцелуи.

Госпожа Морель оплатила лишь первые годы обучения своей родственницы, заранее выразив желание, чтобы в будущем Урсула по мере сил старалась обеспечивать себя сама.

Наставнице, без сомнения, была известна тайна госпожи Морель, ибо она часто повторяла Урсуле:

— Почаще молись за свою кузину, дитя мое, ты должна очень любить и почитать ее.

Киприенна, в отличие от подруги, хорошо знала своих родителей, но, возможно, лишь больше страдала от этого. Почему же эти родители, столь богатые и знатные, по праву принадлежащие к высшим кругам парижского общества, решились так далеко и надолго удалить от себя собственную дочь?

Почему же ей, как и Урсуле, пришлось в течение десяти лет проводить все каникулы в сырых дворах и в больших скучных садах обители? Разве родители не любили ее? К несчастью, бедняжка Киприенна, читая сухие и холодные письма матери, могла ответить на этот вопрос лишь утвердительно.

В жизни Урсулы по крайней мере была какая-то

тайна. Киприенна же, семейное положение которой было вполне определенно, могла найти лишь одно объяснение молчаливому пренебрежению со стороны родителей — к ней испытывали либо равнодушие, либо ненависть.

Отец навещал ее лишь трижды в год, и эти короткие встречи всегда проходили в приемной монастыря. Он спрашивал ее, счастлива ли она, не испытывает ли в чем-нибудь нужды, а затем целовал в лоб, протягивая ей туго набитый кошелек.

На этом свидание заканчивалось.

Часто, услышав как за отцом захлопывается дверь, Киприенна в отчаянии говорила себе: «Лучше бы он совсем не приезжал!»

Однако однажды — было это около года назад — Киприенна все же испытала счастье.

В тот день она получила от матери обычное холодное и короткое письмо, в котором та просила ее быть прилежной и передать привет настоятельнице.

Внизу письма, под самой подписью, Киприенна заметила круглое пятнышко, которое приняла за след слезы своей матери.

Значит мать плакала, когда писала ей это холодное письмо, значит она ее все-так любила!

С какой нежностью целовала бедная девушка это пятнышко и как радовалась, когда Урсула придала ему то же значение, что и она! С того дня подруги стали говорить лишь о матери Киприенны и ни о чем больше.

В тот час, когда мы заглянули во двор монастыря, на каменной скамье разговоров почти не велось, зато девушки много плакали, ибо утром Киприенна получила очередное письмо от отца, в котором тот извещал ее о своем скором приезде.

По словам отца, Киприенне пришла пора покинуть монастырь, вернуться в семью и начать выезжать в свет.

Но что же станет с нею после разлуки с лучшей и единственной подругой?

Обладая мужественным сердцем, Урсула первой перестала плакать и постаралась улыбнуться.

— Зачем печалиться, ведь ты едешь к своей матери! — весело сказала она.

— Да, — со вздохом отозвалась Киприенна, — но зато я теряю тебя.

— Но ведь ты будешь бывать на балах и концертах, много веселиться и вскоре забудешь свою бедную Урсулу.

— О, никогда, никогда! Клянусь тебе в этом!

— Ты богата, знатна и прекрасна, как ангел. Как бы я хотела видеть тебя в твоем первом бальном платье!

Девушки надолго умолкли.

— Ах, Киприенна, — продолжала Урсула, — я так тебя люблю, что мне кажется, что у нас с тобой одна душа на двоих. Вся твоя забота будет состоять лишь в том, чтобы быть красивой и очаровывать всех вокруг, я же всего лишь бедная девушка без имени и состояния.

Перемена тем временем закончилась, зазвонил колокольчик и девушки рука об руку направились в классную комнату.

По пути им встретилась одна из монахинь, попросившая их пройти к матери-настоятельнице.

— Мы должны пойти туда обе? — удивленно переспросила Урсула.

— Да, обе, — отозвалась монахиня.

Мать-настоятельница ждала их в маленькой часовне, служившей ей в качестве приемной.

— Дорогие дети мои, — ласково заговорила она, увидев вошедших девушек, — я хочу поговорить с вами обеими, ибо для каждой из вас у меня найдется что сказать. Ты, Киприенна, получила письмо от отца, а я получила письмо от твоей кузины, Урсула. Ты тоже должна покинуть наш

монастырь. Не забывайте же о своей дружбе, дети мои, и если кому-нибудь из вас потребуется защита, то ищите ее друг у друга. Киприенна, я вверяю твоим заботам Урсулу; Урсула, я вверяю тебе Киприенну. А теперь, дети, обнимите меня, нам надо попрощаться.

Девушки с волнением обняли добрую женщину, которую им, возможно, уже никогда не суждено будет больше увидеть.

При расставании Киприенна подарила Урсуле прекрасный альбом в белом переплете, на котором золотом было вытеснено слово «Дружба».

Урсула истратила чуть не все свои сбережения на такой же подарок для Киприенны, — только альбом ее был в голубом переплете.

— Итак, — шутливо заметила она, — мы по-прежнему останемся белой и голубой.

На следующий день в приемной было пролито немало слез. Господин де Пьюзо присутствовал при расставании подруг.

Киприенна уже сидела в карете, когда Урсула, выпустив ее наконец из объятий и поцеловав в последний раз, спрыгнула с подножки на землю. Дверца с шумом захлопнулась и карета стала быстро удаляться от здания монастыря.

Урсула должна была выехать тем же вечером

в дилижансе в обществе приехавшей за ней полной дамы с грубыми вульгарными манерами, которая никогда раньше не бывала в монастыре, хоть и назвалась теткой Урсулы.

Улыбаясь, она сообщила племяннице, что та будет жить у нее в доме.

— Мы не богаты, дорогое дитя, — весело заявила она, — но у нас добрые сердца. Я добрая женщина и мой Жоссе тоже человек очень добродушный. Жоссе — это мой муж и, следовательно, твой дядя. Госпожа Морель поручила тебя нашей заботе и, будь уверена, ты окажешься в хороших руках.

Всю дорогу разговор продолжался в том же духе. Через три-четыре часа Урсула вполне освоилась с болтовней своей тетушки, во время которой девушка предпочитала больше помалкивать, размышляя о планах в отношении своего будущего, которые могли возникнуть у госпожи Морель.

Вскоре Урсула узнала, что ей придется самой зарабатывать себе на жизнь и почувствовала невольное облегчение при мысли, что ничем не будет обязана чете Жоссе.

Оказалось, что госпожа Морель заранее позаботилась о месте для Урсулы — девушка должна была работать у госпожи Розель, владевшей одним из крупнейших в Париже магазинов по

продаже льняного товара. Через три четверти часа дилижанс остановился у ворот одного из домов на Пляс Нотр-Дам де Виктуар, и тут Урсула, оглушенная громким городским шумом, поняла выходя из экипажа, что два любящих друг друга существа, живущих в одном огромном городе, могут быть так же далеки друг от друга, как если бы их разделяли сотни миль.

Войдя вместе с госпожой Жоссе во двор дома, Урсула увидела стоящего там остроносого человечка, который, казалось, ждал кого-то.

Завидев его, госпожа Жоссе, которая тоже, по-видимому, разыскивала кого-то, вертя головой по сторонам, устремилась вперед, таща с собой Урсулу.

— Вот и он, пойдем же скорее! — возбужденно затараторила почтенная дама.

Через несколько секунд она уже сжимала маленького человечка в объятиях, радостно восклицая:

— Здравствуй, старина, здравствуй, мой мальчик! Я привезла к тебе твою племянницу Урсулу!

Вежливо поклонившись Урсуле, «мальчик» обернулся к жене и холодно произнес:

— Доброе утро, дорогая Бабетта.

ГЛАВА II
Бал у графини Монте-Кристо

Зимой 18… года графиня Монте-Кристо была настоящей королевой сезона в Париже, причем интерес к ее особе еще больше подогревал тот факт, что никто не знал, откуда она родом и из каких мест приехала в столицу. Лишь одно не подлежало никакому сомнению — это была дама из высшего общества, о чем свидетельствовали ее прекрасные манеры и аристократическая внешность.

У каждого из претендующих на право знать все — а таких людей очень много в том довольно узком кругу, который обычно называют «весь Париж» — была готова своя легенда о происхождении и жизни графини Монте-Кристо.

Одни говорили, что это молдаванская княгиня, путешествующая по Европе подобно шведской королеве Христине.

Другие уверяли, что она приехала в Париж прямо из Константинополя, где была замужем за султаном.

Третьи утверждали, что это близкая подруга

знаменитой леди Эстер Стенхоуп, о которой в то время говорила вся Европа.

Как бы то ни было и какой бы из этих версий ни оказали предпочтение наши читатели, в любом случае ясно было одно: в тот год королевой парижского общества была звезда первой величины по имени графиня Монте-Кристо.

Ее особняк на Елисейских полях был одним из лучших в столице, а лошади и экипажи графини вызывали восхищение у всех, кому доводилось их видеть.

Никто не мог в точности назвать стоимость ее бриллиантов, но было совершенно очевидно, что она составляла целое состояние.

Все слуги графини были наняты ею в Париже, поэтому никто из них ничего не знал и ничего не мог сообщить о прошлом своей госпожи.

Лишь один человек, возможно, мог кое-что рассказать о таинственной графине, но он упорно молчал.

Человек этот, по-видимому, близкий друг госпожи Монте-Кристо, называл себя виконтом де ла Крус и испанским креолом, причем его смуглая кожа придавала убедительность такому утверждению.

Дамы находили его весьма красивым, хотя и

несколько суровым на вид. Мужчины страстно домогались дружбы виконта, несмотря на то, что испытывали перед этим человеком какой-то безотчетный страх.

Жизнь его, помимо загадочных отношений с графиней Монте-Кристо, не представляла из себя никакой тайны.

Виконт сам охотно признавал, что имеет доход в сорок тысяч франков, являясь владельцем особняка на углу Шоссе д'Антэн. Он был холост и не любил говорить о своем возрасте.

Злые языки утверждали, что сеньор де ла Крус красит волосы. Насколько было известно, у этого человека имелась лишь одна слабость, отчасти оправданная некоторыми романтическими обстоятельствами.

Слабость эта звалась Аврелией и жила на первом этаже особняка на Шоссе д'Антэн. В Париже об Аврелии рассказывали настоящие чудеса.

Каждому человеку из общества случалось видеть эту прелестную женщину, обязанную своими первыми успехами в свете некоторым сходством с графиней Монте-Кристо.

В тот вечер, о котором мы говорим, в доме графини устраивался бал и большой прием, приглашения на который были разосланы всем

звездам аристократического, дипломатического и финансового мира Парижа.

Дамы в бальных платьях, увешанные орденами седовласые кавалеры, молодые офицеры в золотых эполетах и юные девицы в украшенных цветами нарядах выходили из экипажей, нескончаемой вереницей подъезжавших к двери особняка.

Графиня Монте-Кристо принимала гостей в огромной парадной гостиной. Одних она приветствовала легким наклонением головы, других улыбкой, а третьим говорила несколько слов, от которых тот, к кому они были обращены, чувствовал себя счастливым, а находящиеся вокруг испытывали жгучую зависть к счастливцу.

Когда доложили о прибытии графа де Пьюзо, многие заметили, что графиня встала и сделала шаг к двери.

Граф де Пьюзо под руку с женой направился к хозяйке дома, которая устремилась им навстречу.

— Как мило с вашей стороны, что вы согласились навестить меня, — любезно проговорила она, — а я уже боялась, что вы не приедете и тем самым лишите нас удовольствия познакомиться с этим милым ребенком.

Говоря это, она указала на покрасневшую Киприенну, подходившую под руку с полковником Фрицем, близким другом ее отца.

— Бедняжка! — заметила с гордой и радостной улыбкой мать девушки, — она еще очень застенчива, ведь это ее первый выход в свет после приезда из монастыря.

— Той, у кого такие глаза, нечего бояться, — радушно проговорила графиня Монте-Кристо. — Посмотрите же на нас, дорогое дитя, и подтвердите, что мы не внушаем вам никакого страха.

Застенчиво подняв глаза, Киприенна прочитала в красивом лице графини такой участливый интерес, такую сердечную откровенность, что невольно почувствовала к ней сильную симпатию.

— Ведь вы не боитесь меня, не так ли? — повторила графиня.

— О, нет, сударыня, — прошептала Киприенна.

— Ну что ж, тогда давайте станем друзьями. Проведите со мной этот вечер, чтобы я смогла получше познакомить вас с тем миром, в котором вам предстоит жить. — И обернувшись к полковнику, она продолжала, — извините, полковник, что похищаю у вас вашу очаровательную спутницу, но вам придется примириться с этим.

Барон де Матифо, по-видимому, ищет кого-то и я ни сколько не удивлюсь, если окажется, что он разыскивает именно вас.

Последние слова были сказаны с такой странной иронией, что удивленный полковник внимательно посмотрел на графиню, которая ответила на его взгляд самой дружеской улыбкой. Низко поклонившись, полковник затерялся в толпе, а граф де Пьюзо вскоре последовал за своим другом.

Графу Лоредану де Пьюзо было не более сорока лет и, несмотря на свой маленький рост, он считался одним из самых элегантных мужчин своего времени.

Став миллионером и пэром Франции в двадцать шесть лет благодаря женитьбе на мадемуазель де Бомон-Симез, он давно уже имел в жизни все, что хотел.

И все же однажды этот энергичный молодой человек неожиданно для всех превратился в седого разочарованного старичка, у которого от всей его юности остался лишь один дендизм, а внезапно развившийся скептицизм превратился в настоящую манию.

Догнав полковника Фрица в толпе гостей, граф торопливо отвел его в угол гостиной.

— Какие новости, полковник? — нетерпеливо осведомился господин де Пьюзо.

— Он создает трудности, — ответил Фриц.

— Неужели он не хочет сдержать слово? — бледнея спросил Лоредан.

— Дело вовсе не в этом, — коротко бросил полковник, — просто он боится, что это вы не сдержите своего слова.

Граф встретил это оскорбительное замечание совершенно спокойно и на лице его не дрогнул ни один мускул. Он лишь побледнел еще сильнее.

— Да, да, — заметил он, — все эти финансисты одинаковы, но господин Матифо заплатит мне за свои сомнения.

— И весьма дорого, — с улыбкой закончил его мысль полковник.

— Но все же, — продолжал после небольшой паузы Лоредан, — мне совершенно необходимо раздобыть сегодня же вечером эти сто тысяч франков. Она их настойчиво требует.

— И вы их получите, только дайте мне поймать на крючок эту старую лису. Заранее говорю вам, что терпения ему хватит не надолго, ведь ваша дочь живет дома уже целый месяц, а вы еще не сказали ей ни слова…

— Но я обязательно поговорю с ней, — нетерпе-

ливо прервал его граф де Пьюзо.

— Несомненно, — быстро согласился с ним Фриц, — но вот только когда это случится? Медля с этим столь долго, вы совершаете ошибку. Я, конечно, прекрасно понимаю, что ваш древний герб плохо сочетается с кассовой книгой банкира, но тут все равно ничего не поделаешь. Кроме того, мезальянсы сейчас в моде. Матифо принадлежит к аристократии денежного мешка и стоит добрых тридцать миллионов, кроме того, и это имеет еще большее значение, он — один из тех, кого газеты называют человеком с сильным характером. Брак этот неизбежно принесет вам популярность, так что вы легко сможете стать министром.

— Все это прекрасно, — ответил Лоредан, — и я уже давно взвесил все преимущества и недостатки этого союза. С его помощью я сделаю свою дочь, которая сейчас всего лишь дочь разорившегося дворянина, миллионершей и многие назовут меня за это любящим отцом, но посмотрите сначала на нее, а потом на него!

Задумчиво помолчав несколько минут, он резко воскликнул:

— Но что из того? Сейчас это не главное. Достаньте мне сто тысяч франков, теперь для меня

это важнее всего!

И не дожидаясь ответа своего друга, он устремился к проходящей мимо даме.

Тем временем графиня Монте-Кристо, продолжая разговаривать с графиней де Пьюзо и Киприенной, не теряла из виду Лоредана и полковника Фрица, причем временами на губах ее появлялась презрительная усмешка.

Когда Лоредан и Фриц наконец расстались, она слегка пожала плечами и бросила печальный взгляд на Киприенну.

Пока в доме графини происходили все эти незаметные для постороннего наблюдателя события, взгляды двух мужчин, неподвижно стоящих в разных углах гостиной, были прикованы к Киприенне.

Первый из них нам уже известен. Это виконт де ла Крус.

Другой же, о ком нам придется сказать несколько слов, был барон Матифо.

Много лет назад мы уже имели возможность видеть это бледное лицо, почти не изменившееся за прошедшее с тех пор время. Теперь мы видим те же светлые волосы, те же блестящие глазки, которые, однако, вместо прежних очков в стальной оправе вооружены сейчас золотым лорнетом.

И все же человек этот очень изменился. Гений его давно расправил крылья и все вокруг него дышит успехом.

Барон Матифо стал теперь не только самым богатым парижским банкиром, не только основателем пятнадцати или двадцати банков и строителем нескольких каналов, но и, как сказал полковник Фриц, «человеком с сильным характером».

Теперь он считается не просто миллионером, но и своего рода вторым Франклином, доброй душой и человеком с большим сердцем.

Вся его жизнь — это неустанная работа над собой, самопожертвование и исполнение долга. Репутация его безупречна, никакая клевета не может коснуться этого замечательного человека, живущего четно и открыто.

Один мудрец высказывал желание, чтобы все люди жили в прозрачных стеклянных домах, и Матифо осуществил эту мечту на собственном примере. Он даже прошел еще дальше, с огромным мастерством создав себе образ человека, живущего кристально чистой жизнью.

И все же бывают такие моменты, когда подобные типы, независимо от того, насколько они привыкли к своей постоянной лжи, теряют бди-

тельность и самоконтроль. В такие минуты умело скрываемые пороки с особой ясностью проглядывают сквозь обманчивую личину добродетели.

Для Матифо сейчас наступил именно такой момент.

Глаза его горят неукротимой чувственностью, губы кривятся отвратительной бесстыдной усмешкой. На какое-то мгновение человек этот совсем забыл, что пожертвовал всем ради огромного богатства и фальшивой безупречной репутации.

Однако непристойный взгляд Матифо вовсе не сконфузил Киприенну, ибо она его просто не замечала, чувствуя себя необычайно счастливой рядом с матерью. Сиявшая в глазах девушки радость делала ее еще прекрасней, так что виконт де ла Крус невольно подумал:

— О Боже! Неужели такие красавицы могут жить на нашей грешной земле?

Неожиданно Матифо вздрогнул, ибо на плечо ему легла чья-то рука.

— Не кажется ли вам, барон, что ваша невеста прекрасна? — шепнул ему на ухо ироничный голос полковника Фрица.

— Моя невеста! Моя невеста! — взволнованно повторил барон.

— Да, с завтрашнего дня она станет вашей невестой, — холодно заметил полковник. — Но пойдемте, здесь не совсем удобно вести разговор, а мне надо вам кое-что сказать.

Барон кивнул своему собеседнику и они направились сквозь толпу гостей в маленькую круглую комнату между игральной и бальным залом, своего рода проходную, через которую все проходили, но никто там не задерживался.

В этот момент графиня Монте-Кристо, сделав веером почти незаметный знак, бросила взгляд на виконта де ла Крус, который, несомненно, понял значение этого сигнала, ибо тут же приблизился к трем дамам.

Графиня Монте-Кристо представила его своим собеседницам и виконт с согласия графини де Пьюзо пригласил Киприенну на следующую кадриль.

— Нет, нет, виконт, — с улыбкой заявила хозяйка дома, — еще слишком рано. Сегодня вечером наша очаровательная Киприенна в некотором роде находится под моим покровительством и, несмотря на всю ее понятливость и восприимчивость, мне потребуется еще не менее четверти часа для завершения ее образования, а до тех пор, виконт, вам придется подождать.

— Как будет угодно, графиня, — с поклоном согласился виконт де ла Крус.

За время этого короткого разговора они успели обменяться понимающими взглядами. Виконт направился в игральную и с этой минуты графиня Монте-Кристо, до этого в течение нескольких секунд испытывавшая беспокойство и проявлявшая некоторую рассеянность, стала еще более любезна и внимательна к гостям.

ГЛАВА III
Из голубого дневника

«В Париже я провела уже целую неделю и вот уже целую неделю подаренный тобой голубой альбом лежит на моем столе. Целую неделю я каждое утро решаю, что вечером, по твоему желанию, напишу в нем обо всем, что со мной приключилось со дня нашего расставания, но страницы дневника по-прежнему остаются пустыми.

Сегодня, однако, я приняла великое решение.

Отец сейчас в клубе, а матушка уехала с визитом, поэтому я пользуюсь наконец возможностью излить тебе свое сердце.

Где ты, моя дорогая Урсула? Я, право, не знаю.

Хоть мы с тобой и разлучены, но душою всегда вместе и так близки друг другу, что любая моя печаль или радость неминуемо отзовется в твоем сердце.

Начну свой рассказ с первого дня.

Сидя в карете напротив отца и размышляя о том, что еще долго не увижу твоего дорогого лица, я вскоре почувствовала невыразимую печаль.

Отец был очень добр ко мне, но это лишь усиливало мое смятение. Постороннему наблюдателю могло показаться, что мы с ним чужие люди, столь бесконечно он задавал мне вопросы, не нужно ли мне чего, не слишком ли мне холодно или жарко.

Скажу по правде, хоть один его теплый поцелуй порадовал бы меня гораздо больше, чем все это постоянное и несколько преувеличенное внимание. Однако не могла же я обнять его и попросить умерить свое беспокойство обо мне.

Наконец я притворилась спящей. Кажется, он понял мою маленькую уловку и остался ей очень доволен.

Знаешь ли ты, что отец мой очень красив, вот только около рта у него есть какие-то морщинки, которые мне не нравятся; не нравится мне и его насмешливый ироничный голос, так и кажется, что он смеется над всем, что говорит, и пока я не привыкла к этой его манере, мне все чудилось, что он и надо мной смеется, и это меня сильно беспокоило.

Путешествие наше длилось два дня, ибо мы делал и частые остановки для отдыха.

Когда мы наконец въехали в Париж, сердце мое бешено заколотилось.

— Ведь это Париж, не так ли? — вскричала я, высовываясь из окна кареты.

Однако вместо ожидаемых чудес я увидела лишь узкие, длинные и грязные улицы, заполненные толпами людей.

Отец мой громко расхохотался.

— Не высовывайся с таким любопытством, Киприенна, — заметил он наконец, немного успокаиваясь, — а то люди подумают, что ты приехала из деревни.

— Но я и в самом деле приехала из провинции!

Внезапно он снова стал серьезен и на его проницательное лицо легла недовольная тень. Я сразу поняла, что сказала какую-то глупость.

— Забудь свой монастырь, — начал он снова. — Готов допустить, что до сего времени все твое детство, отрочество и юность прошли вдали от семьи и что ты считаешь, что тобою просто пренебрегли. Ведь ты хочешь сказать именно это, не так ли?

— О нет, вовсе нет! В монастыре я была очень счастлива, но думаю, что рядом с вами и матушкой я стану еще счастливее.

На этот раз я действительно обняла его и при этом он ничем не выразил своего неудовольствия.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал он в ответ, — сейчас и я уверен, что и в качестве парижанки ты тоже сделаешь нам честь.

Тем временем карета продолжала катиться по улицам города.

— Вот мы и на Вареннской улице, — сказал отец, взглянув на часы, — сейчас десять часов и мать твоя должна быть дома.

При слове «твоя мать» вся кровь прихлынула мне к сердцу, ибо отец впервые упомянул о ней при мне.

Прежде чем мне удалось справиться с охватившим меня волнением, ворота особняка распахнулись и карета, въехав в огромный мощеный двор, остановилась у стеклянного навеса над крыльцом. Подбежавшие лакеи в роскошных ливреях поспешно отворили дверцы экипажей.

— Дома ли графиня? — спросил у них отец и, не дожидаясь ответа, вошел в холл, крикнув мне следовать за ним.

Я почувствовала грусть, ибо вопреки ожиданиям матушка не вышла мне навстречу. Ах, как хотела я увидеть ее и прижать к сердцу! А вот она, конечно, вовсе не ждала встречи со мной, она никогда меня не любила! При этой мысли меня охватил смертельный озноб и я, бледная и

дрожащая, стала подниматься вслед за отцом по узкой маленькой лестнице.

Дверь бесшумно отворилась и, войдя в комнату, я увидела даму, задумчиво стоявшую у мраморного камина.

— Сударыня, — заявил мой отец, — я привез вам нашу дочь Киприенну.

Лишь тогда подняла она голову, обратив ко мне свое бледное прекрасное лицо.

— О, дорогая Киприенна, какое счастье! — плача она протянула ко мне руки и я, рыдая, припала к ее груди.

Отец мой тем временем нервно расхаживал по комнате.

— Успокойтесь немного, — сказал он наконец, — у вас еще будет время вдоволь пообниматься, а теперь нам надо подумать о том, чтобы накормить этого ребенка и отправить его спать. Девочка, должно быть, очень устала.

Я хотела было возразить ему, но взгляд, брошенный на меня матушкой, заставил меня замолчать.

— Как скажешь, Лоредан, — просто сказала она, — комната Киприенны готова и, если хочешь, можешь сам проводить ее туда.

Отец сделал жест, как бы устыдясь своего дур-

ного настроения.

— Нет, нет, Ортанс, — сказал он, — ты сделаешь это гораздо лучше меня. Тебе известны наши планы относительно Киприенны. Она вовсе не глупа, уверяю тебя, и будет хорошо себя вести.

Сказав это, он позвонил в колокольчик.

Дверь отворилась и на пороге появился лакей.

— Принеси мои письма, — приказал отец.

Когда слуга принес требуемое, отец просмотрел надписи на конвертах и, выбрав одно из писем, вскрыл конверт.

— А вот и письмо от полковника! — радостно вскричал он. — По-видимому, этот барон Матифо начинает проявлять нетерпение. Сегодня я, возможно, буду обедать в клубе. В вашем распоряжении целый вечер, можете спокойно посекретничать и поболтать. До свидания, мадемуазель парижанка, — добавил он, целуя меня в лоб.

Оставшись вдвоем с матерью, я снова расплакалась, как малое дитя. Слезы облегчили мне душу. Матушка, сидя рядом со мной и держа мои руки в своих, осыпала меня ласками и поцелуями, при этом она тоже плакала навзрыд. О, как я теперь укоряла себя за то, что находясь в монастыре, осмеливалась сомневаться в ее чувствах ко мне!

Как я могла думать, что она не любит меня!

Видишь ли, Урсула, мать — это наше второе я, ее сердце бьется в полной гармонии с нашим, глаза наполняются слезами, когда мы плачем, она улыбается при виде нашей улыбки. Мать — это олицетворение нежности, душевности и доверия. Человек испытывает к своей матери почти те же чувства, что и к Деве Марии, разве лишь с той разницей, что к матери обычно относятся с еще большей любовью, но с меньшей почтительностью.

Ведь почтительность всегда холодна, дорогая Урсула, не так ли? Например, исповедуясь в грехах Деве Марии, я всегда боялась, что Она не простит меня, а моя матушка, напротив, всегда постаралась бы найти оправдание моей ошибке.

Проплакав вместе с матушкой долгое время и вдоволь нацеловавшись, мы немного успокоились. Тогда матушка сказала мне:

— Пошли, Киприенна, мне надо показать тебе твое царство.

Ах, Урсула, поверь что мы бы никогда не могли вообразить себе ничего лучше моей комнаты.

Матушка улыбнулась, заметив переполнявшие меня чувства, в которых смешались восхищение, удивление и благодарность.

Любые мои капризы были предвосхищены заранее. Матушка угадала даже мои любимые цвета, а как мне описать тебе свою радость, когда матушка отворила маленькую дверцу в стене и спустилась вместе со мной в мой сад! Да, Урсула, мой сад, или, скорее, наш сад, ибо он принадлежит нам обеим — моей матушке и мне. В саду есть липовая аллея, и там так же растут каштаны — совсем как у нас в монастыре.

Матушка попыталась убедить меня, что все это просто случайность, но я дала ей понять, что обман ее не удастся, и указала при этом на совершенно новую решетку, отделяющую наш садик от главного сада. Я сразу поняла, что ограду эту установили специально перед моим приездом.

Теперь, когда я пишу тебе это письмо, окно в моей комнате открыто. В него врывается свежий ветерок, а высокие каштаны осыпают подоконник бело-фиолетовыми почками.

Я часто думаю о тебе, вспоминая наш старый монастырь, мне кажется, я слышу шелест твоего белого платья в траве. Я оборачиваюсь и вижу себя в прелестной маленькой спальне.

Роскошный особняк заменил келью, и я вижу перед собой две совершенно не схожие между собой вещи, напоминающие мне обо всем, к чему

я испытывала любовь.

Эта аллея напоминает мне монастырь и тебя, а этой прекрасной комнатой я обязана любви своей матушки.

Я чувствую себя счастливой, зная что она так любит меня, но иногда вздыхаю, вспоминая, что тебя нет рядом со мною.

— Надеюсь, Киприенна, тебе здесь понравится, — сказала мне матушка.

— Понравится!

Сама понимаешь, Урсула, ответ мой не заставил себя долго ждать.

— Будешь ли ты любить нас? — спросила снова матушка. — Да, — добавила она, немного помолчав, — вижу, что ты нас полюбишь, и все же, дорогое дитя, как много зла причинили мы тебе и как много еще, возможно, причиним в будущем!

Матери, Урсула, иногда молодеют прямо на глазах. Когда мать любит свое дитя, она сама становится ребенком, когда укачивает дочь, то снова становится девочкой, когда забавляет ее, превращается в девушку, а когда заставляет дочь улыбаться, то становится ее ровесницей.

После обеда матушка стала печальной. Она представила мне мою камеристку по имени Потель, но в первый вечер услуг ее не потребо-

валось, ибо матушка решила сама помочь мне раздеться.

Когда я легла в постель, матушка села в кресло у изголовья кровати.

— Киприенна, мы с тобой еще не говорили об отце. Что ты о нем думаешь, дитя мое?

— Думаю, матушка, что люблю и уважаю его всем сердцем.

— Хорошо, Киприенна, — продолжала матушка, — люби его нежно, ибо и он любит тебя по-своему. Уважай его, ибо это один из благороднейших людей, которых тебе суждено будет встретить в жизни, и если обнаружишь в нем какие-то недостатки, то не спеши судить слишком строго, ибо твой приговор может отразиться на другом близком тебе человеке. Слушайся его во всем, дочь моя, ибо он дважды является господином твоей судьбы.

Как отец он имеет право принимать решения, кроме того я давно уже уступила ему всю власть над тобой. Я не могу, я не осмеливаюсь командовать тобой, а хочу лишь… — тут она внезапно замолчала и потом тихо добавила, — чтобы ты любила меня…

Так вот в чем заключается тайна, о которой мы с тобой догадывались в монастыре! Что-то

разделяет моих родителей, но разве могу я быть тут судьей? Нет, лучше мне никогда ничего не знать об их разногласиях. Разве не лучше будет постараться примирить их, выполнив тем самым дочерний долг любви к родителям? Мне удалось уже завоевать любовь матери, надеюсь, со стороны отца тоже не встретится непреодолимых препятствий.

Когда моя мать уже собралась было идти к себе, в дверь тихо постучали. Мать встала и открыла ее.

— Это ты? — с удивлением воскликнула она.

— Могу ли я войти? — послышался голос отца. — Как, ты уже в постели? Извини, Ортанс, но мне нужно поговорить несколько минут с дочерью, ведь ты провела с ней почти весь день.

Матушка была так удивлена, что ничего не ответила ему.

— Собственно говоря, — продолжал отец, — Киприенна столько же моя дочь, сколько и твоя.

Усевшись у изголовья кровати, он обратился ко мне.

— Ну, как тебе здесь понравилось? Лучше, чем в монастыре, не так ли? Как нам заставить ее позабыть про монахинь, Ортанс? Модистка будет здесь уже завтра, если не ошибаюсь?

— Завтра, Лоредан, — ответила матушка.

— Отлично! — воскликнул отец.

Он еще долго говорил в том же духе, выказывая много заботы обо мне, но речи его показались мне слишком свободны. Нежный спокойный тон матери нравился мне гораздо больше всех его остроумных замечаний.

Наконец он заметил, что мне хочется спать и удалился вместе с матушкой.

Я быстро задремала, но слова эти продолжали звучать у меня в ушах:

— Как нам заставить ее забыть про монастырь?

И только тут мне пришло в голову, что я и так уже забыла его. Я забыла помолиться. Быстро выскочив из постели, я опустилась на колени и помолилась за тебя, Урсула, за добрых сестер, за мою нежную печальную матушку, за отца и за себя.

— Это принесет мне несчастье, — невольно подумалось мне, — ведь в первую же ночь в отцовском доме я чуть не забыла помолиться и возблагодарить Господа Бога за Его доброту ко мне!

ГЛАВА IV
Самый богатый и честный человек во Франции

(Из голубого дневника)

На следующее утро меня разбудила моя камеристка. В тот момент, когда я открыла глаза, она прибиралась в комнате, двигаясь бесшумно, как тень. Она думала, что я еще сплю и я воспользовалась этим, чтобы внимательнее рассмотреть ее.

Она мне очень понравилась. Это была маленькая женщина лет сорока, быстрая, как белка, и искусная, как настоящая фея. Кажется, жизнь ее в прошлом была очень несчастлива, но поскольку моя добрая матушка запретила мне расспрашивать эту женщину, я постараюсь сдержать свое любопытство.

Я громко вздохнула, чтобы дать ей понять, что проснулась.

Потель немедленно поспешила ко мне.

— Не угодно ли чего-нибудь, мадемуазель? — вежливо осведомилась она. — Угодно ли вам встать? Может быть, раздвинуть шторы?

Мадемуазель выпрыгнула из постели по старой

монастырской привычке и сама занялась своим туалетом.

Однако когда мне потребовалось причесаться, Потель умело справилась с этой задачей.

Причесывая меня, Потель постоянно говорила о матушке, называя ее святой и ангелом, вызывавшим всеобщую любовь и восхищение.

Можешь представить, как приятно было мне все это слушать. Она понравилась мне еще больше, стоило мне только узнать, как она любит мою мать.

Не успела я одеться, как в дверь робко постучали. Потель вышла в коридор, но тут же вернулась.

— Мадемуазель, господин граф желает знать, не может ли он увидеться с вами. Он ждет вас в гостиной.

Поспешив туда, я застала отца смотрящим в окно. Взгляд его был рассеян, а на лбу собрались морщины. Услышав шелест моего платья, он обернулся. Хмурое выражение исчезло с его лица, на котором вновь появилась вчерашняя улыбка.

— Доброе утро, Кипри, — сказал он, — я хочу, чтобы ты пригласила меня к завтраку. Хочешь, чтобы я стал твоим гостем?

— Конечно, папа, с удовольствием, раз вы этого

хотите.

Отец позвонил в колокольчик и Потель внесла на подносе завтрак — молоко, масло, кекс и шоколад.

Поставив поднос на стол, Потель остановилась в ожидании дальнейших приказаний.

— Мы позаботимся о себе сами, — с улыбкой сказал отец, — или, лучше сказать, я сам поухаживаю за тобой, ибо мне надо тебе кое-что сказать.

Слова эти относились скорее к Потель, чем ко мне, ибо она, сделав реверанс, тотчас удалилась из комнаты.

— Дорогая Киприенна, — продолжал отец после ее ухода, — тебе придется войти в совершенно новый для тебя мир, поэтому, я должен подготовить тебя к твоему дебюту, чтобы ты не показалась неловкой.

Я сочла нужным промолчать и отец снова заговорил:

— Дело не в том, как ты одеваешься; прежде всего ты должна знать тех людей, с кем тебе придется познакомиться и общаться, с тем чтобы не обмануться на их счет. Что касается дам и девушек твоего возраста, то на этот счет твоя мать просветит тебя гораздо лучше меня. Поэтому я буду говорить только о тех мужчинах, которых

ты здесь встретишь, то есть о наших знакомых и друзьях.

И тут он перечислил огромный список дипломатов, генералов, художников и многих других, причем был так весел и остроумен, что я буквально умирала со смеху. Иногда он прерывал свой рассказ замечаниями следующего рода:

— Ты должна понять, Киприенна, что то, что я тебе рассказываю, должен знать каждый, но никому не следует повторять это в обществе. Общество полно опаснейших ловушек, поэтому постарайся как можно лучше воспользоваться тем, что я тебе расскажу.

Среди нарисованных им портретов два привлекли мое особое внимание, возможно потому, что отец остановился на них гораздо дольше, чем на остальных.

Этими людьми был полковник Фриц, близкий друг отца, и барон Матифо, имя которого, по-видимому, знает весь мир.

— Человек этот, — заявил отец, — знаменитый банкир и вся его жизнь является подтверждением парадоксальной пословицы: «Честность — лучший способ мошенничества». Этот феноменальный бизнесмен, самый богатый и честный человек во Франции, прибыл в Париж из Лимо-

жа, подобно господину де Пурсаньяку, только на этот раз господин де Пурсаньяк оказался гением и покорил Париж вместо того, чтобы выставить себя здесь на всеобщее осмеяние.

Отец и дальше продолжал говорить о нем в том же двусмысленном тоне и мне показалось, что он вовсе не любит этого барона, которым на первый взгляд так восхищается. Скорее всего, он просто не может простить ему одной вещи — его низкого происхождения и новоиспеченного баронства.

Расскажу тебе вспомнившийся мне эпизод из жизни этого барона Матифо.

Все знают ужасную историю графини де Кверан-Ранкон, отравившей своего мужа. В свое время этот уголовный процесс вызвал настоящую сенсацию.

В то время господин Матифо имел долю в железоделательном заводе в Нуармоне. Скончавшаяся в тюрьме графиня оставила после себя маленькую дочь, опекуном которой сделался господин Матифо.

Случилось так, что завод, управление которым находилось в руках Эркюля Шампиона, дальнего родственника графини де Ранкон, стал приносить убытки. Затем последовало банкротство и Шампион скрылся за границу, оставив после себя

огромный дефицит.

Для маленькой Бланш это означало нищету, а для Матифо — почти полное разорение, ибо он потерял плоды почти двадцатилетнего упорного труда.

Но этот отважный человек не упал духом и не бросил бедную сиротку, лишившуюся с бегством Шампиона своего последнего родственника.

У Матифо хватило духу рискнуть своими последними сбережениями и купить завод, половину которого он записал на имя воспитанницы. После этого он с энтузиазмом приступил к работе.

Через год он уже заплатил кредиторам по дивиденду. Банкротство по всем признакам оказалось злостным мошенничеством, но для признания Шампиона виновным в обмане не хватало доказательств.

Увидев завод в руках такого опытного и скрупулезно честного человека, как Матифо, люди вернули ему свое доверие и выделили кредиты.

Вскоре Нуармон стал первоклассным предприятием.

Но вот среди этого процветания на Матифо внезапно свалилось страшное несчастье. Крошку Бланш он любил, как родную дочь, но, к несча-

стью, она была весьма слабого здоровья и силы ее таяли с каждым днем.

Вызванный к ней доктор с удивлением обнаружил у девочки симптомы душевной болезни, вызванной безысходным отчаянием. Тайна этого отчаяния раскрылась лишь на ее смертном одре.

Несмотря на все предосторожности своего опекуна, несчастное дитя узнало от одной из служанок о страшном преступлении, совершенном ее матерью.

Душа ее была смертельно ранена и рана эта оказалась слишком глубокой для маленького и слабого тельца ребенка.

Вызвав к больной самых прославленных врачей, среди которых находился сам доктор Озам, Матифо предложил им огромные суммы за спасение своей любимицы.

Врачи посоветовали совершить поездку на юг.

В Неаполе бедный ребенок испустил дух на руках своего опекуна.

Господин Матифо вернулся домой в одиночестве и попытался отвлечься от своего горя с помощью лихорадочной деловой активности.

Однако все вокруг по-прежнему напоминало ему о том ангеле, который навеки покинул эту землю.

Продав завод в Нуармоне, он основал больницу на те деньги, которые причитались его подопечной.

Переехав затем в один из северных департаментов, он занялся там крупномасштабными сделками, принесшими ему огромное состояние.

— И вы еще можете смеяться над таким человеком? — с негодованием воскликнула я, когда отец закончил свой рассказ.

Я была действительно возмущена, ибо эта история произвела на меня чрезвычайно глубокое впечатление.

С улыбкой выслушав мои слова, отец весело воскликнул:

— Дорогая, ты говоришь так, не подумав. Никогда не забывай, что в нашем мире энтузиазм чрезвычайно вреден, ведь если ты чрезмерно восхищаешься чем-то, то косвенно как бы признаешь, что сама не способна на это. Помни, что в обществе, где тебе придется жить, главное правило заключается в том, чтобы никогда не признавать над собой чужого превосходства ни в красоте, ни в богатстве, ни в уме.

Делая мне этот маленький выговор, отец, тем не менее, казался полностью довольным моей реакцией.

— Раз уж ты так полюбила своего Матифо, — добавил он наконец, — то мы никогда больше не позволим себе смотреть на его новоиспеченное баронство, как на вещь нелепую и смешную.

Тут в комнату вошла моя мать и Потель. Их сопровождала модистка мадам Розель, за которой слуги внесли множество коробок и свертков.

Это вторжение заставило моего отца подать сигнал к отступлению.

— Я дал тебе первый жизненный урок, Кипри, — быстро сказал он, — сейчас ты получишь второй и я совершенно уверен, что он понравится тебе гораздо больше первого.

Тут отец оказался совершенно прав.

Мне пришлось примерять платья и шляпы, а также выбирать подходящие цвета. Матушка сказала, что у меня прекрасный вкус.

Прежде чем закончить на сегодня, мне осталось рассказать тебе еще о двух людях.

Сначала упомяну о полковнике Фрице, близком друге моего отца, а затем расскажу тебе об одной знатной иностранке, о которой говорит сейчас весь Париж.

О полковнике Фрице отец сказал мне лишь несколько слов, но их тесная дружба заинтересовал меня и я решила спросить об этом у

матушки.

Вопрос мой, кажется, сильно взволновал ее, но она ограничилась лишь самым коротким ответом:

— Полковник — друг твоего отца, Киприенна.

Я сразу поняла, что этот друг моего отца отнюдь не был другом моей матери и решила повнимательнее понаблюдать за полковником во время обеда — дело в том, что он обедает у нас почти каждый день.

Полковник Фриц показался мне человеком чрезвычайно вежливым, хотя и несколько холодным на вид.

Он худощав, высок, одет очень элегантно и все еще кажется молодым, хотя ему уже за сорок.

Говорят, у него есть лишь один недостаток, заключающийся в том, что во время игры он никогда не делает высоких ставок. Впрочем, я не вижу тут ничего предосудительного.

Считается, что доход его составляет тридцать тысяч франков.

Признаюсь, этот человек одновременно чем-то интересует и пугает меня.

Холодность его по отношению ко мне просто замечательна, хотя он неизменно вежлив и предупредителен. Несколько раз я ловила на себе

его пристальный взгляд. Что может скрываться за этим тайным интересом? Ненависть, жалость, презрение или, наоборот, ревнивая привязанность? Сама не знаю. Могу лишь сказать, что мои чувства к нему трудно поддаются описанию.

Лицо его я нахожу красивым, но холодным. Голос его приятен, но говорит он так коротко и резко, что слова его похожи на удар шпаги.

Когда он входит в комнату, мне даже не надо видеть его, чтобы догадаться о его присутствии, которое я интуитивно сразу же угадываю.

Сердце мое сжимается, стоит лишь ему приблизиться ко мне.

Я почему-то уверена, что этот человек окажет огромное влияние на мою жизнь.

ГЛАВА V
Приглашение на танец

(Из голубого дневника)

Ах, Урсула, Урсула! Добрые сестры оказались правы. Мир — это действительно нечто ужасное.

О, для нас гораздо лучше было бы остаться в монастыре, в тишине и безвестности, подальше от всяких соблазнов и искушений!

Но ты, наверное, не понимаешь меня?

О, теперь, когда глаза мои ослеплены этим блеском, когда слух мой очарован этой прелестной музыкой, а сердце тронуто льстивыми речами, я чувствую, что возвращение к прежней жизни уже невозможно. И все же душу мою наполняет страх.

Сегодня вечером я впервые увидела тот ослепительный свет, тот яркий факел, который называется обществом, против опасностей которого нас так часто предостерегали добрые сестры.

Перед моим взором еще сияют канделябры и люстры, нестерпимым огнем горят бриллианты, меня окружают роскошные шелковые платья.

Ах, Урсула, ты и представить себе не можешь,

как все это прекрасно!

Сначала мне показалось, что я попала в какую-то волшебную страну, одну из тех, которые мы иногда видим в сновидениях.

Везде цветы, везде ослепительный свет газовых ламп, а женщины кажутся сказочными феями в украшениях из звезд.

Боясь лишиться чувств от волнения, я тяжело оперлась на руку сопровождавшего меня полковника Фрица.

Внезапно сквозь окружавший меня золотистый туман я увидела приближавшуюся ко мне женщину, красота и величественность осанки которой превосходили всякое воображение.

Это была хозяйка дома, где проходил бал, это была графиня Монте-Кристо.

Она ласково взяла меня за руку. И что же она сказала мне?

— Не бойтесь, дитя мое.

И я тут же перестала испытывать всякий страх.

Графиня любезно усадила меня между собою и моей матушкой.

Я все еще была слишком взволнована и возбуждена, чтобы запомнить все, что она мне говорила. Помню только, что она сделала мне несколько

комплиментов относительно моего платья и выразила радость от знакомства со мной.

Однако тут я, никогда прежде не страдавшая от излишней скромности и всегда считавшая себя довольно привлекательной, внезапно почувствовала замешательство, ибо нашла графиню в тысячу раз красивее себя.

Глаза всех присутствующих были устремлены на нас. Графиня была столь любезна, что отнесла это внимание на мой счет и повторяла это столь часто, что я наконец невольно поверила ей.

Ах, дорогая Урсула, тщеславие — это мерзкий грех, но уверяю тебя, оно доставляет массу удовольствия.

Мимо нас двигалась настоящая процессия и для каждого из гостей у графини Монте-Кристо находилось доброе слово. Позже она представила меня некоторым из приглашенных, и при виде моего успеха матушка слегка покраснела.

Тем временем заиграл оркестр.

— О, эти ножки готовы пуститься в пляс, так и кажется, что сейчас они превратятся в крылья, — с веселым блеском в глазах заметила графиня. — Ничего, дорогая, сейчас мы найдем вам подходящего кавалера, — добавила она.

Напрасно уверяла я ее, что не умею и не хочу

танцевать. По просьбе графини один из молодых людей, который, поклонившись нам, собрался было отойти в сторону, остался и тут графиня представила его мне. Это оказался виконт де ла Крус, который сразу же произвел на меня приятное впечатление.

Он очень красив, но похоже совсем не обращает на это внимания; хотя на губах его часто играет мягкая улыбка, но во взгляде темных глаз чувствуется легкая печаль.

Ты, должно быть, скажешь, что для первого знакомства я уделила ему слишком много внимания. Отвечу на это, что наблюдательной девушке достаточно одного беглого взгляда, чтобы составить себе мнение о молодом человеке, кроме того, у меня была масса времени для анализа достоинств своего героя, ибо я имела честь танцевать с ним.

Да, милая подруга, я танцевала и это оказалось вовсе не таким трудным искусством, как я ожидала. Графиня Монте-Кристо оказалась совершенно права. Ноги девушек действительно иногда напоминают крылья, только сами девушки об этом часто не догадываются. Кроме того, я ведь танцевала не первый раз в жизни.

Хотя виконт де ла Крус пригласил меня на танец и я согласилась, графиня Монте-Кристо,

заметив мое волнение, решила дать мне время немного прийти в себя и обратилась к виконту с просьбой отложить наш танец на более позднее время.

Поклонившись в знак молчаливого согласия, виконт удалился с торжественностью Сида, облаченного во фрак.

Стоило ему отойти на несколько шагов, как я немедленно обрушила упреки на голову матушки и графини Монте-Кристо, но обе лишь посмеялись надо мной, особенно последняя.

— Признайтесь, дорогое дитя, — сказала она, — что вам очень хочется танцевать и лишь ложный стыд удерживает вас от этого. Вот почему я выбрала для вас этого несравненного кавалера, который способен вызвать зависть у многих молодых дам и девиц.

Помолчав немного, она продолжала:

— Виконт слишком серьезен, чтобы скакать по зале подобно восемнадцатилетнему мальчику, и пригласив вас сегодня на танец, он впервые на моей памяти изменил своим привычкам. Теперь вы можете гордиться тем, что первой в моем доме смогли превратить этого героя в танцора.

— Героя, сударыня? — с удивлением переспросила я.

— Да, дитя мое, героя, — ответила она. — Возможно, в свое время бедной старой женщине будет позволено поведать вам и всему миру, кто такой на самом деле виконт де ла Крус и какое благородное сердце бьется в его груди. Сейчас же я лишь могу повторить слова, вызвавшие ваше удивление: он настоящий герой!

Я промолчала, ибо чувствовала, что графиня хочет добавить что-то еще.

— Представьте себе, — продолжала она после короткой паузы, — что в одном человеке самопожертвование сочетается с мужеством, что он объединяет в себе качества рыцаря и святого, являясь тем возвышенным существом, которое называют героем. Так вот, виконт де ла Крус именно такой человек.

В этот момент виконт вновь подошел к нам.

Он был очень бледен, но на его гордом спокойном лице не отражалось никакого волнения. Я встала.

— В чем дело, Киприенна? — воскликнула матушка, — ты же обещала виконту кадриль, а оркестр играет сейчас вальс.

— Это не важно, — с улыбкой заметила графиня Монте-Кристо, — какая разница, кадриль это или вальс. Уверена, что мадемуазель Киприенна, для

которой это как-никак первый бал, ни в коем случае не спутает фигуры.

Виконт легко коснулся моей руки. Оркестр в это время играл очаровательный вальс под названием «Приглашение на танец».

Я положила руку на плечо своего партнера, он легко обнял меня за талию, мы закружились по залу и тут я почувствовала, что для женщины нет большего счастья, чем ощутить поддержку сильной руки и мужественного сердца.

У виконта отважное сердце и рука его крепка, я чувствовала, что могу без опаски довериться ему. Короче говоря, я была счастлива и относилась к своему партнеру, как к настоящему герою, но герой мой упорно молчал, хотя я чувствовала, что ему есть что сказать мне. Сгорая от любопытства, я тем не менее боялась первой нарушить молчание.

Когда танец кончился и виконт повел меня на место, он вдруг неожиданно шепнул мне на ухо несколько слов, услышав которые, я чуть не лишилась чувств.

— Будьте осторожны, мадемуазель, — сказал он, — вам угрожает смертельная опасность.

Увидев, что я вся дрожу, в любую минуту готовая упасть в обморок, он поддержал меня твердой

рукой и тихонько добавил:

— Но ваши друзья не дремлют, от вас лишь требуется помочь им в нужный момент.

Мы вернулись к графине Монте-Кристо и виконт, не сказав больше ни слова, поклонился и отошел прочь.

— Ваш отец, дитя мое, прохаживается по гостиным вместе с вашей матушкой, — обратилась ко мне графиня, — позвольте мне на время стать вашей опекуншей.

Не успела я выразить ей свое согласие, как к нам снова подошли мои родители.

Отец, по-видимому, был в плохом настроении. Мне удалось расслышать лишь его последние слова, обращенные к матушке.

— Дело необходимо довести до конца, — резко говорил он, — и так как вы не желаете говорить с ней, то мне придется взять это на себя.

Увидев меня, он замолчал и сразу же начал улыбаться привычным образом.

Я подумала, что они говорили обо мне и что разговор их был каким-то образом связан с предупреждением виконта.

— Вам угрожает смертельная опасность, — шепнул он мне.

Смертельная опасность! Неужели же она

исходит от моего отца, этого естественного покровителя, дарованного мне самим Богом? Какое безумие!

Тем временем бал кончился.

В холле я заметила полковника Фрица.

— Подождите меня, — обратился к нему отец, — я скоро вернусь.

Отец, собственно говоря, проводил нас только до кареты и, захлопнув дверцу, крикнул кучеру:

— Домой!

Затем он снова вернулся на крыльцо и я заметила, что у них с полковником тут же завязался оживленный разговор. Уверена, что они говорили обо мне.

Матушка прижимала к глазам платок и раза два или три мне показалось, что она плачет.

— Что случилось, матушка, что вас так беспокоит? — спросила я наконец.

Ничего не ответив, она лишь нежно взяла меня за руку.

Когда мы приехали домой, она лихорадочно поцеловала меня и я почувствовала, что лицо ее влажно от слез.

— Киприенна! Киприенна! Ты должна выполнить волю своего отца!

Это было все, что сказала мне матушка и, вме-

сто того, чтобы, как обычно, проводить меня в мою комнату, она сразу же прошла к себе и заперлась там.

Что все это значило? Чем были вызваны эти слезы? Что мне следовало предпринять и кому я могла довериться в эту минуту?

Матушка просила меня подчиниться воле отца, но что заставило ее так плакать, говоря это?

Ах, Урсула, почему тебя нет рядом со мной? Твоя дружба помогла бы мне разобраться во всем, ты смогла бы поддержать и защитить меня. Родительский дом, куда мне так хотелось вернуться, оказался полон загадок и ловушек. Боюсь, что отец окажется моим злейшим врагом. Матушка страдает не меньше меня, но старается ни во что не вмешиваться, и единственный человек, к которому я питаю полное доверие, единственный, кто, как я верю, может спасти меня, — это посторонний и почти незнакомый мне человек.

Я так несчастна, так печальна, я чувствую себя такой одинокой и равнодушной ко всему!

Кажется, я скоро сойду с ума.

Только что я закрыла свой голубой дневник и собралась готовиться ко сну. Я уже сняла с себя бальное платье и открыла шкатулку для драгоценностей, чтобы положить туда свои укра-

шения.

Как ты думаешь, что я там обнаружила?

Записку в несколько слов. Вот ее содержание:

> *«Вам угрожает страшная опасность, но ваши друзья готовы защитить вас. Окажите им помощь в нужный момент».*

Как могла попасть сюда эта записка? Кто эти таинственные друзья, которые проникли в мою комнату и написали те же слова, что прошептал мне на ухо виконт де ла Крус?

Мои друзья! Возможно, это враги, прячущиеся под личиной дружбы, чтобы принести мне тем больший вред? Но я уверена в виконте, человек с таким лицом и взглядом не может лгать.

Да и зачем ему обманывать меня?

О, если он солгал мне, если с его стороны это лишь ловкий трюк, то значит он самый презренный из людей!

«Вам угрожает страшная опасность, но ваши друзья готовы защитить вас. Окажите им помощь в нужный момент».

ГЛАВА VI
Оргия

В тот час, когда Киприенна поверяла голубому дневнику свои заветные мысли и опасения, в маленьком доме поблизости от Барьер-Пигаль происходила сцена совсем иного рода.

В описываемое нами время этот район, теперь полностью застроенный, представлял собою обширную равнину с несколькими особняками, окруженными большими садами.

В глубине одного из этих садов сидели полковник Фриц и его друг граф Лоредан де Пьюзо. Помимо них, там собралось также с дюжину гостей, как мужчин, так и женщин.

Поздний ужин близится к концу, в хрустальных бокалах пенится шампанское.

Королевой вечера является Нини Мусташ, одна из тех знаменитых женщин, чья слава длится до тех пор, пока не увянет их красота — то есть несколько дней, несколько месяцев или несколько лет.

Граф де Пьюзо безумно влюблен в нее и в этом нет ничего удивительного, ибо трудно найти

более очаровательное и обворожительное существо, чем прелестная Нини.

Являясь воплощением греха, она кажется ожившей античной статуей Венеры. Единственной ее соперницей может считаться златокудрая Аврелия, называемая иногда Монте-Кристо. Ранее мы уже говорили о сходстве, послужившем причиной этого прозвища.

Однако в тот вечер Аврелия была в другом месте.

Мужчины были совершенно пьяны, а услаждавшие их одалиски были опьянены вином лишь наполовину.

Обед закончился оргией, а оргия постепенно перешла в настоящую вакханалию. Женщины нестройно запели фривольные песни, голоса их звучали резко и неприятно.

Лоредан встал с места с выражением глубокого отвращения на лице.

— Уйдем отсюда, — сказал он полковнику Фрицу.

Чем больше эти женщины пили, чем больше кричали и чем громче смеялись, тем сильнее охватывала графа невыразимая печаль. Возможно, это были угрызения совести.

Перед глазами графа встал образ Киприенны,

как бы заслонившей от него на время всех этих разнузданных фурий.

Образ его дочери Киприенны, покоящейся сейчас в своей девичьей постели, Киприенны, которая, конечно же, не забыла помолиться за него перед сном. Бросив на полковника Фрица сердитый взгляд, он снова пробормотал сквозь зубы:

— А что, если он все-таки обманул меня? Что, если Киприенна действительно моя дочь?

Полковник Фриц, казалось, не расслышал слов графа.

— Вставайте, пошли отсюда! — повторил господин де Пьюзо, тряся своего друга за плечо.

Резко обернувшись, полковник с яростью дикого зверя уставился на графа. На какую-то секунду взгляды их скрестились, как шпаги во время поединка.

— Уйдем отсюда! — в третий раз сказал граф.

С трудом поднявшись на ноги, полковник Фриц молча последовал за графом.

У дверей их ожидал экипаж.

Нини уже давно освоилась с причудами своего господина. Эта сильная натура питала отвращение к слабости во всех ее проявлениях. Презрительно скривив губы и пожав плечами, она тихо прошептала:

— Что из того, что он убежал? Ведь завтра он все равно снова будет здесь!

Затем вздохнула и добавила:

— Вот если бы он совсем перестал бывать здесь!

По дороге карета графа де Пьюзо встретилась с другим экипажем, направлявшимся к дому Нини. Через несколько минут в столовую вошла прекрасная Аврелия.

Сходство ее с графиней Монте-Кристо было поистине удивительным, однако при более внимательном осмотре в них можно было найти немало различий.

Например, обе они были блондинками, но в то время как волосы графини несколько смягчали величественные черты ее лица, белокурые кудри Аврелии придавали ей вид какой-то дикой страстности.

Обе они были ослепительно прекрасны, но графиня была похожа на первых христианских императриц, а Аврелия напоминала своей красотой Фаустину или Мессалину.

Голоса их отличались таким же сходством и таким же различием.

Увидев вошедшую подругу, Нини Мусташ устремилась ей навстречу.

— Вот наконец и ты, Аврелия! А я уже боялась, что ты не приедешь.

— Как же я могла не навестить тебя, раз ты написала мне, что страдаешь? — тихо отозвалась Аврелия.

— Можешь говорить громче, — с горькой улыбкой произнесла Нини, — сейчас эти люди нас все равно не поймут и не услышат. Посмотри только на них!

И она презрительным жестом указала на окружающих.

Некоторые из гостей хрипло смеялись, некоторые пытались петь, но не могли, в то время как другие просто спали, положив головы на стол.

— Пойдем отсюда, — сказала Нини Аврелии, — вид этих людей внушает мне отвращение.

На диване в прихожей мирно спал лакей.

— Когда эти господа позвонят, вели подать их кареты, — разбудила она его, а затем прошла вместе с Аврелией в другую дверь, которую тотчас же заперла изнутри.

Комната, куда вошли обе женщины, представляла собой большую спальню, в которой на всем, как и на самой хозяйке этого дома, лежал отпечаток великолепия и печали, свойственный роскошной форме без души и без содержания.

В отчаянии Нини рухнула на диван, разразившись горькими рыданиями.

Оставшаяся стоять Аврелия молча наблюдала за ней.

— Так вот во что мы превращаем тех, кого любим! — вскричала наконец Нини, порывисто подымаясь с дивана. — Разве ты никогда этого не чувствовала? Разве тебе никогда не приходилось страдать самой от ран, нанесенных твоим поклонникам твоей же рукой? Разве ты никогда не ломала руки в отчаянии при мысли об их мучениях?

Аврелия медленно покачала головой.

— Никогда! — решительно произнесла она.

— Значит, ты очень сильная! — прошептала Нини, — хотела бы и я быть такой же.

Помолчав немного, она продолжала:

— В конце концов, ты права — око за око, зуб за зуб, позор за позор.

Аврелия ничего не ответила на эту тираду.

Медленно приблизившись к своей подруге, которая снова упала на диван, она положила свою холодную руку на обнаженное плечо Нини.

— Так что же ты хотела сказать мне? — деловито осведомилась она.

— Я? Ничего. Впрочем, я хотела сказать тебе,

что невыносимо страдаю, — тихо ответила Нини, — ведь я не такая сильная и смелая, как ты. Когда кто-нибудь умоляет меня, я улыбаюсь, когда другой человек плачет, я смеюсь, но эта комедия приносит мне невыразимые муки и ты сама видишь, как дорого я плачу за все это!

— Если ты ничего больше мне не скажешь, то думаю, мне лучше уехать, — заметила Аврелия с нетерпеливым жестом.

— О нет, останься, прошу тебя!

Сказав это, Нини взяла Аврелию за руку, заставив ее сесть рядом с собой.

— Не оставляй меня, — продолжала она — ведь мне так необходимо твое мужество и утешение. У графа де Пьюзо есть жена. Говорят, она настоящая святая и к тому же в сто раз красивее нас. Его жена — мой враг и я к ней ревную, ибо люблю человека, которого разоряю. Я люблю его за его слабость, я люблю его за то горе, которое сама ему причиняю. Ради меня он принес в жертву свою жену и тем самым совершил непоправимую ошибку, ведь она гораздо лучше меня и еще могла бы его спасти. Кроме того, у него есть дочь, девушка шестнадцати лет, завтра он тоже пожертвует ей ради меня.

Аврелия молча пожала плечами.

— О, да, я понимаю тебя, — продолжала Нини, — что же из того? — хочешь ты сказать. Сначала я тоже так думала, ведь продали же меня, почему же теперь не могут продать и ее? И все же я захотела увидеть ее, я была так глупа, что попросила показать мне ее на Елисейских полях. Ах, Аврелия, это настоящий златовласый ангел с детской улыбкой!

Нини Мусташ закрыла рукой глаза, как бы ослепленная неземным видением, и какое-то время хранила молчание, но вскоре заговорила вновь.

— Бедное невинное дитя! Какой ужас, что судьба этого несчастного существа находится в руках такой женщины, как я! Нет, Господь не должен допустить этого!

— Но кто же заставляет тебя совершать это преступление? — спросила Аврелия, внимательно глядя на Нини.

— Ты спрашиваешь кто? — вскричала Нини. — Так значит, я должна рассказать тебе все? Кто? Кто же, как ни эти дьяволы, толкнувшие меня на путь беззакония и порока, кто же, как ни эти поставщики моргов, тюрем и больниц!

— И ты ничего не можешь сделать? Не можешь оказать им сопротивления?

— Я тут бессильна. Граф де Пьюзо разорен. Счастье его дочери должно быть принесено в жертву и я выбрана инструментом для осуществления этого преступления!

Сказав это, Нини Мусташ нервно вскочила с дивана и начала мерять комнату быстрыми шагами.

— Выслушай же меня! — снова заговорила она. — Ты все узнаешь, я расскажу тебе то, о чем раньше боялась даже вспоминать. Но прошу тебя заранее: ни слова, ни одного иронического замечания, ни одной из тех холодных насмешек, которые ты обычно так любишь!

Сказав это, она задула свечу, так что комната неожиданно погрузилась в полную темноту.

— Итак, я начинаю, — взволнованно произнесла Нини Мусташ. — Слушай меня не прерывая, иначе, если хочешь, можешь отправляться спать.

ГЛАВА VII
Исповедь Нини

Когда я была совсем маленькой девочкой, — начала Нини, — меня звали именем, которое я теперь не могу слышать без содрогания.

Это простое бесхитростное имя, но для меня оно является единственной памятью о далеком прошлом, которое никогда больше не возвратится. Это память о доме моего отца, о моей невинности и о моих разрушенных мечтах.

Итак, меня звали Селиной.

Селина давно уже умерла для всех и живет теперь лишь в памяти Нини Мусташ.

Отец мой был часовщиком, а мать свою я никогда не знала, ибо она умерла при родах моей младшей сестры, я тогда была еще слишком мала, чтобы помнить ее. Однако отец мой был так добр, что я почти не ощущала потери матери.

Когда я немного подросла, отец возложил на меня обязанности по ведению домашнего хозяйства и присмотр за младшей сестренкой Урсулой.

Я одевала ее и водила гулять, готовила пищу и чинила одежду, а отец со своим единствен-

ным подмастерьем чинил часы жителей нашей округи.

Мы не были богаты, но ни в чем не нуждались, а следовательно, были счастливы.

Ученика отца звали Луи Жакмен. Он был мой ровесник, неплохо образован и являлся сыном вдовы, жившей в том же доме, что и мы. Луи и его мать составляли все наше общество. Луи был умен и прилежен, так что отец со временем стал подумывать о том, чтобы оставить ему свое дело вместе со старшей дочерью.

Я очень любила Луи, хотя он был еще очень молод, а я уже тогда выглядела, как маленькая женщина.

Однажды мой отец познакомился с одним молодым человеком, снимавшим у дворника нашего дома жалкую комнатушку на чердаке за шесть франков в месяц.

Внешность и манеры этого юноши говорили о хорошем происхождении, но никто из нас не интересовался его именем, которое он тщательно скрывал, несомненно, из гордости.

Однако он признавал, что принадлежит к знатной и богатой семье и что родители были против его решения стать актером, предоставив ему выбор между нищетой и отказом от своих планов.

Недолго думая, он из уважения к семье выбрал себе фальшивое имя и стал зваться Флорестаном.

Его красивая внешность, театральные жесты и окружавшая его тайна показались мне столь неотразимыми, что я не устояла и влюбилась в Флорестана.

С этого времени заботы по хозяйству стали казаться мне настоящим рабством.

Из всех добродетелей у меня осталась лишь одна — материнское сердце, если это слово применимо в данном случае, ибо я по-прежнему любила свою сестру Урсулу той любовью, которой мать любит своего первенца.

Ах, эта любовь, которая могла бы спасти меня от падения, лишь способствовала моему несчастью!

Лишь один Луи Жакмен не доверял Флорестану.

Опасаясь, что отец догадается о моих истинных чувствах, я стала лицемеркой, притворившись, что без памяти влюблена в своего нареченного.

Бедный парень легко поддался на обман и отец начал приготовления к нашей свадьбе.

Были сделаны необходимые покупки — подвенечное платье, фата, мебель для нового жилища

и многое другое. Назначили день свадьбы и сделали объявление о предстоящем браке, но за неделю до свадьбы, как раз в день своего совершеннолетия, я сбежала из дома с Флорестаном.

Мы отправились в Брюссель, где Флорестан встретился со своим другом по имени Лежижан, который одолжил ему крупную сумму денег.

Позже я, к своему горю, узнала, чем они занимались. Надо ли говорить, что вскоре я рассталась с Флорестаном, надо ли называть тебе его приемника?

Покинув Лежижана так же, как Флорестана, я вернулась в Париж, чтобы продолжить свою порочную жизнь на более высоком уровне.

Однажды ночью, или, вернее, ранним утром, ибо теперь ночь для меня превратилась в день, я пошатываясь выходила из дверей одного из больших ресторанов на бульварах.

Внезапно, в тот самый момент, когда я собиралась было сесть в наемный экипаж, кто-то повелительно окликнул меня:

— Селина!

Пораженная, как ударом молнии, я обернулась и увидела перед собой Луи Жакмена.

Боже, как он изменился! Бледный, похудевший, с чахоточным румянцем на щеках!

Приказав извозчику остановиться, Жакмен схватил меня за руку и втолкнул в карету. Я не сопротивлялась.

Войдя в карету следом за мной, он сел на противоположное сиденье и дал кучеру адрес дома моего отца.

Дрожа от стыда, я ждала, когда Луи заговорит со мной, но он оставался мрачен и безмолвен. Казалось, он не собирался бранить или упрекать меня. Не в силах больше выносить это молчание, я решилась заговорить первой.

— Как мой отец? — спросила я.

— Он умер.

Последовало напряженное молчание, прервать которое я не осмелилась.

Наконец экипаж остановился у дверей моего прежнего жилища.

Расплатившись с извозчиком, Жакмен провел меня в подъезд и мы стали подниматься по лестнице. У дверей моей прежней квартиры мы остановились.

Он постучался, за дверью послышался шелест платья и на пороге появилась госпожа Жакмен.

— Вот она! — сказал Луи своей матери, подталкивая меня через порог.

— Ах, бедное дитя! — воскликнула добрая жен-

щина.

Плача, мать Луи сделала знак, по которому вперед вышел ребенок, присутствие которого в комнате я заметила только теперь.

Я нагнулась и две ручонки, две маленькие и слабые детские ручонки обхватили меня за шею.

Только тут я узнала наконец Урсулу, мою сестренку, мою дорогую дочурку!

— Разве ты не узнаешь меня, Урсула? — взволнованно спросила я.

Но девочка ничего не отвечала, молча смотря на меня.

— Неужели ты забыла свою Селину? — плача спросила госпожа Жакмен.

Малышка улыбнулась.

— Селина умерла, так сказал мне папа, — тихо проговорила она наконец. — Кроме того, Селина никогда не одевалась так хорошо, — добавила она, указывая на мое бархатное платье, на кружева и бриллианты.

Отчаяние снова охватило меня и я воскликнула:

— Она права, Селина действительно умерла!

ГЛАВА VIII
Луи Жакмен

— Селина умерла! Да, Селина мертва, в живых осталась только Нини Мусташ.

Я встала, чтобы навеки покинуть этот дом, ставший мне чужим, но госпожа Жакмен удержала меня и сообщила, что отец простил меня перед смертью. Разве родители не прощают всегда своих детей? Отец оставил нам с Урсулой маленькое наследство, плод неустанных трудов всей своей жизни.

Я не захотела трогать этих священных для меня денег, оставив свою долю маленькой Урсуле.

Госпожа Жакмен согласилась взять на свое попечение мою сестру, пообещав стать для нее второй мамой. Наконец они дали мне уйти.

На следующий же день или, вернее, вечером того же дня я возобновила свою обычную жизнь.

Однако с тех самых пор у моей жизни появился молчаливый и мрачный свидетель.

Где бы я ни была — в ресторане, на балу, в театре — везде я видела перед собой Луи, причем с каждым разом он становился все бледнее и

изможденнее.

Постепенно одежда его превратилась в лохмотья, а честная трудовая бедность сменилась грязной нищетой.

Однажды я заметила, что он сильно пьян. Чем ниже падала я, тем ниже опускался и мой бывший жених.

Через несколько месяцев я получила письмо от его матери, объяснившее ужасную перемену его характера и образа жизни.

Встретив меня снова лишь для того, чтобы потерять навсегда, Луи впал в отчаяние, опустился, забросил работу, стал много пить и поздно приходить домой.

Несчастная мать робко упрекала его, но в ответ он лишь грубил ей.

Бедняжка отдала ему все сбережения и пока сын беспробудно пьянствовал, мать питалась лишь хлебом и водой.

Когда однажды она заявила ему, что денег совсем не осталось, он потребовал отдать ему маленький капитал Урсулы.

Несчастная мать готова была отдать всю свою кровь ради единственного сына, но наследство бедной сиротки она защищала с мужеством львицы.

Обо всем этом мне и написала госпожа Жакмен.

Письмо свое она заканчивала просьбой забрать у нее Урсулу, ибо ради сына она решила пойти в прислуги.

Итак, лишь этот ребенок не умер и не пострадал из-за меня.

Тогда-то я и отправила свою сестру в отдаленный монастырь в провинции.

Представившись там под именем госпожи Морель, я открыла всю правду о себе лишь матери-настоятельнице, отдав ей те несколько тысяч франков, которые составляли все достояние малышки.

Сделав это и успокоив свою совесть в отношении судьбы сестры, я снова с головой ринулась в кипучий водоворот греха.

Однажды на одном из публичных балов я снова встретила своего злого гения Флорестана, но он стал совершенно другим человеком, ибо за те восемь лет, что прошли с нашего расставания, сумел значительно улучшить свое социальное положение.

Заметив меня, он наклонился к своему спутнику и шепнул ему на ухо несколько слов. Конечно же, он говорил обо мне, ибо его друг посмотрел в

мою сторону и что-то ответил полковнику.

— Полковнику? Так это был полковник Фриц? — вскричала Аврелия, прерывая рассказ подруги.

— Да, — коротко ответила Нини Мусташ. — Граф де Пьюзо, — ибо спутником полковника Фрица был именно он, — вскоре заговорил со мной.

Он сразу же произвел на меня самое благоприятное впечатление. Позже полковник присоединился к нам и, улучив момент, когда граф де Пьюзо не мог нас слышать, шепнул мне на ухо:

— Он должен полюбить тебя.

Приняв это за шутку, я ответила:

— Это доставило бы мне огромное удовольствие.

И действительно, к несчастью для графа де Пьюзо, он без памяти влюбился в меня.

Несколько недель спустя я получила письмо от Лежижана.

«Согласна ли ты разорить графа де Пьюзо, — писал он мне, — и получить за это львиную долю добычи? Граф слаб, а ты, дорогое мое дитя, очень умна и сообразительна».

Таким образом я была вовлечена в страшный заговор.

Однажды я попыталась сбросить ярмо Лежи-

жана. Это был как раз тот день, когда я впервые услышала о предполагаемом браке мадемуазель де Пьюзо.

Выслушав меня, тиран мой нахмурился и сказал леденящим душу голосом следующее:

— Между прочим, госпожа Морель, вам, без сомнения, хорошо известно, что ваша сестра Урсула находится сейчас в Париже. Ее обучение в монастыре закончено и вы письменно обратились к матери-настоятельнице с просьбой вернуть вам девушку. Сейчас эта очаровательная голубка работает в одном из лучших ателье Парижа, и я могу гарантировать, что в жизни она пойдет по прямой дороге. Я надежный покровитель и любому распутнику, которому придет в голову обидеть эту девушку, не поздоровится.

Увидев, какое впечатление произвело на меня это неожиданное заявление, он продолжал:

— Да, да! Ведь вы хотите, чтобы Урсула осталась честной девушкой, не так ли? Что же, желание ваше будет исполнено, ведь я обещал помогать вашей сестре и защищать ее, но помощь эта и покровительство будут оказываться ей лишь до тех пор, пока вы будете выполнять все наши требования. Вам хорошо известно, что я умею держать свое слово, но заранее предупреждаю,

что не позволю себя дурачить. Итак, теперь вы знаете все!

Да, я действительно поняла все. Я поняла, что попала к ним в настоящее рабство. Воля моя была сломлена. С того времени я стала послушным инструментом в руках Лежижана. Если мне придет в голову восстать против их ужасного господства, то последствия моего поступка падут на голову бедной Урсулы. Теперь я постоянно вынуждена вести эту позорную жизнь, чтобы сохранить чистоту своей сестры, единственной светлой стороны моего существования.

Нини Мусташ закончила свой рассказ и измученная вновь пережитыми страданиями, молча откинулась на спинку кресла.

Внезапно она почувствовала на лбу нежный поцелуй теплых губ и голос Аврелии прошептал ей на ухо:

— Мужайся, сестра! Верь, надейся и будешь спасена!

Поспешно вскочив, чтобы потребовать дальнейших объяснений, Нини не смогла нащупать ничего, кроме пустого пространства.

Она подбежала к окну и рывком раздвинула шторы. Аврелии в комнате не было, но поднеся руку к щеке, Нини почувствовала на ней теплую

слезу!

Поспешно миновав опустевшую столовую, Аврелия вышла во двор, где нашла под навесом ожидавший ее экипаж.

Через четверть часа она вышла из своего особняка на углу Шоссе д'Антэн и Прованской улицы и тяжелые двери парадного входа бесшумно затворились за ней.

Если бы кто-то взял на себя труд подождать полчаса под окном Аврелии, то увидел бы, как по истечении этого срока бесшумно отворилась маленькая боковая дверь, выходящая на Прованскую улицу. Из двери вышла женщина в надвинутом на глаза капюшоне, похожая на жену зажиточного горожанина.

Пройдя несколько шагов по улице, она остановилась, как бы поджидая кого-то. Вскоре к ней присоединился молодой человек в одежде рабочего и они рука об руку направились в сторону бульвара.

Дойдя до конца бульвара, странная пара свернула на улицу Вивьен.

Женщина остановилась перед магазином, вывеска над которым гласила: «Госпожа Розель, модистка».

Вставив в дверь вынутый из кармана ключ,

она отперла замок, но не сразу отворила дверь, продолжая вести разговор со своим спутником.

— Так значит мы договорились, — сказала она наконец.

— Да, — ответил ее спутник, — мы постараемся выяснить, кто такой этот Лежижан.

— Хорошо.

Из-под плаща появилась изящная белая рука, которую рабочий поцеловал с уважением и любовью.

— До встречи, Жозеф.

— До свидания, Элен.

Дверь магазина бесшумно закрылась за таинственной женщиной, а рабочий тем временем продолжал свой путь.

У таверны, находившейся поблизости от рынка, он остановился. Войдя внутрь, он подошел к выпивавшему за стойкой бара бледному худому брюнету, казавшемуся гораздо старше своих лет.

— Ты опять пьешь, Жакмен? Разве ты не обещал мне бросить эту дурную привычку?

— Ваша правда, господин Жозеф, — запинаясь ответил его собеседник, — но привычка оказалась сильнее меня, кроме того, вчера я снова встретил эту несчастную.

— Честный человек должен держать свое сло-

во, — заметил Жозеф. — Оставь-ка свой стакан в покое и давай поговорим.

С тоской поглядев на стакан бренди, Жакмен, явно пересиливая себя, вылил его содержимое на пол.

Жозеф с улыбкой наблюдал за ним.

— Что хорошо, то хорошо, а теперь отправляйся со мной, мне нужно получить от тебя кое-какие сведения.

Выйдя из таверны, они направились в сторону улицы Рамбутье.

— Вот мы и у цели, — произнес Жозеф, указывая на дверь одного из домов. — Постарайся выяснить, где можно встретить Лежижана. Как только что-нибудь узнаешь, сразу же приходи сюда. Кстати, в каких ты отношениях с Клеманом?

В ответ Жакмен лишь печально опустил голову.

— Понимаю, — проговорил Жозеф, — ты, видно, выпросил у него аванс или просто заложил отданные тебе в ремонт вещи.

Жакмен упорно молчал, но его беспокойство явно указывало на справедливость предположений, высказанных Жозефом.

— Сейчас же сходи к Клеману и сообщи ему о своей проделке, — продолжал Жозеф, — это един-

ственное наказание, которому я тебя подвергаю. До свидания, друг мой.

— До свидания, господин Жозеф.

— Не забудь только навестить Клемана!

В эту минуту на ступеньках дома появилась хорошенькая и совсем юная девушка с корзинкой в руках.

— Вы куда-то торопитесь, мадемуазель Урсула, — с улыбкой заметил Жозеф.

— Да, — отвечала ему Урсула, — госпожа Розель очень добра и великодушна, но требует от нас расторопности и пунктуальности. Прошу вас, не задерживайте меня, господин Жозеф.

— О, я знаю верный способ задержать вас, мадемуазель Урсула.

— Не думаю, сударь.

— Для этого мне стоит произнести лишь одно имя: Киприенна!

Оставив девушку в сильном удивлении, он быстро взбежал по лестнице.

ГЛАВА IX
Отец и дочь

(Из голубого дневника)

Теперь я знаю угрожающую мне опасность. Виконт де ла Крус оказался прав, это — величайшее несчастье, которое только может произойти с девушкой. Отец мой хочет, чтобы я вышла замуж за человека, которого не люблю и никогда не смогу полюбить.

Сегодня утром ко мне в комнату явился камердинер отца Флоран и сообщил, что батюшка хочет меня видеть.

Отец сидел у себя в кабинете, разбирая утреннюю почту, но, увидев меня, сразу же отодвинул в сторону всю корреспонденцию.

— А вот и ты, Кипри! — с улыбкой произнес он. — Я не ожидал, что ты так скоро явишься на мой зов.

— Но ведь мой первый долг — повиноваться вам, батюшка, не так ли?

— Да, да, я знаю, что ты хорошая дочь. Скажи-ка мне, что ты думаешь о своем герое?

Говоря это, он внимательно смотрел на меня

и улыбался.

Под его взглядом я невольно смутилась и щеки мои покрылись румянцем. Я была настолько наивна, что вообразила, будто он имеет в виду виконта. Тем не менее, я взяла себя в руки и спокойно спросила:

— Какого героя вы имеете в виду, отец?

— Кого же еще, как не барона Матифо?

Упоминание этого имени, которое я меньше всего ожидала услышать, принесло мне большое облегчение и я со смехом воскликнула:

— По правде говоря, я никогда не думала об этом человеке, но если на то будет ваша воля, я конечно изменю свое отношение к этому вопросу.

— Да, я действительно хочу этого, — ответил отец, внезапно становясь серьезным. — Итак, что ты о нем думаешь?

— Он мне совсем не нравится, батюшка, ведь он стар и выглядит просто отвратительно.

— Весьма возможно, но зато он очень богат. Короче говоря, Киприенна, я хочу, чтобы ты вышла замуж за нашего героя барона Матифо.

— За барона Матифо!?

— А что в этом удивительного? — спросил отец, заметив мое изумление. — Могу назвать по крайней мере два десятка девиц, которые поза-

видовали бы твоей судьбе.

Он сказал также, что министры делаются именно из таких людей, как барон Матифо, что король обещал возвести его в достоинство пэра Франции, что я стану женой самого богатого и влиятельного человека в Париже, который будет мне скорее надежным покровителем, чем мужем.

Внимательно выслушав отца, я прервала наконец его речь следующими словами:

— Разве вы не видите, батюшка, что своим планом причиняете мне невыносимую боль? Мне прекрасно известно, что вы не любите меня и никогда не любили, но чем я могла заслужить такую жестокость с вашей стороны? Разве я виновата в том, что родилась? Почему же вы не оставили меня в монастыре? Ведь там меня по крайней мере любили. Вместо этого вы хотите снова изгнать меня из родительского дома, но это новое изгнание в тысячу раз хуже предыдущего.

Подняв глаза и увидев выражение лица своего отца, я была испугана собственной смелостью.

Смертельно побледневший, он стоял у стола, опираясь кулаком на мраморную столешницу.

Бросившись перед ним на колени, я с рыданиями стала умолять его простить мне непочтительные речи.

— Я никогда больше не желаю видеть тебя на коленях перед собою, Киприенна, — решительно произнес он в ответ. — Эти театральные выходки унижают нас обоих. Ты глубоко оскорбила меня, дочь моя, подумай об этом.

Проговорив это, отец проводил меня в столовую, где мы сели за стол и я вынуждена была приступить к завтраку, хотя от пережитых волнений совсем лишилась аппетита.

Отец тем временем решил переменить тему разговора.

— Вероятно, тебе будет небезынтересно узнать, что графиня Монте-Кристо — не настоящее имя той дамы, в гостях у которой ты была. Настоящего имени ее я не знаю, для всех в Париже оно является тайной. Недавно их величество дали аудиенцию графине, причем было замечено, что королева имела с нею весьма продолжительную беседу, в конце которой графиня, преклонив колено, поцеловала протянутую ей королевой руку. Через восемь дней после этого графиня устроила у себя роскошный бал, на который пригласила сливки парижского общества.

Отец продолжал говорить в том же духе и я жадно слушала эту похожую на сказку историю, каждое слово в которой было тем не менее чи-

стой правдой.

Все эти доказательства тайного могущества графини Монте-Кристо вселили в меня какую-то необъяснимую надежду. Быть может, она окажет мне помощь, обещанную виконтом де ла Крус? Что если она — один из тех друзей, которые готовы, по его словам, защитить меня?

Однако оставшись одна, я оставила все эти утешительные мысли, думая лишь о жестоких словах отца. Итак, судьба нашей семьи оказалась в моих руках.

Душа моя полна преданности дорогим существам, которых долг и сердце велят мне любить больше себя самой. Нет такой жертвы, которую я с радостью не согласилась принести ради спокойствия матери, но все же мне хотелось бы знать причину, делающую эту жертву столь необходимой.

Отец должен объяснить мне все. Я пойду к нему и скажу:

— Дорогой отец, я решила покориться вашей воле. Докажите действительную необходимость моего согласия и вы его сразу же получите, как бы тяжело для меня это ни было.

Да, я должна высказать ему это, но осмелюсь ли я пойти на такой риск?

Ведь он сам сказал мне, что я никогда не должна пытаться открыть эту тайну. После столь решительно сделанного заявления с моей стороны было бы нарушением дочернего долга требовать от него каких-либо объяснений.

Поэтому я пойду с этим вопросом к матушке, а если она откажется мне отвечать, то да поможет мне Господь найти выход из этого положения!

Сейчас, когда я пишу эти строки, взгляд мой упал на записку, столь таинственным образом попавшую мне в руки.

Вот она лежит передо мной и я снова и снова перечитываю эти строки, написанные твердым красивым почерком:

> *«Ваши друзья готовы защитить вас. Окажите им помощь в нужный момент».*

О, Господи! Может быть это и есть ответ на мой вопрос?

ГЛАВА X
Вдова Ламоро

Если в светском обществе есть свои знаменитости, то равным образом встречаются они и в низших классах.

Вдова Ламоро была хорошо известна в бедных кварталах столицы. Во многих бедных мансардах, где не было ни хлеба, ни огня в очаге, бедная хозяйка, обнаружив на столе кошелек с деньгами говорила бывало:

— У нас побывала наша добрая госпожа.

Не одна бедная девушка была спасена на самом краю пропасти, получив место у мадам Розель вместе со столь необходимым для бедного создания авансом.

Мадам Розель была во всем согласна со вдовой Ламоро, правой рукой которой она являлась.

Откуда же появилась госпожа Ламоро и кем была эта замечательная женщина?

Откуда она появилась?

Она была послана ангелами.

Куда она должна была попасть?

В рай.

Кем она была?

Провидением.

Те, кому посчастливилось видеть ее, говорили, что эта пожилая дама с большими голубыми глазами и добрым спокойным лицом была в сто раз красивее любой молодой женщины.

Госпожа Ламоро вела весьма уединенный образ жизни, почти никогда не покидала своей квартиры, расположенной под магазином мадам Розель.

Весь круг общения госпожи Ламоро ограничивался мадам Розель, ее братом Жозефом Розелем и иногда, впрочем довольно редко, господином Клеманом, знаменитым ювелиром с бульвара Капуцинов.

В мастерской, расположенной за магазином мадам Розель, сидело с полдюжины хорошеньких девушек, попавших сюда по протекции госпожи Ламоро.

Стоило мадам Розель хоть на минуту отлучиться из мастерской, как работницы тут же начинали болтать о своей благодетельнице госпоже Ламоро.

— Я видела ее вчера, — говорила одна из них.

— А я, когда спускалась по лестнице, слышала в ее комнате чей-то голос. Кажется, это была она, —

рассказывала другая.

Стоило мадам Розель снова появиться в мастерской, как все разговоры тут же прекращались.

Из всех девушек лишь одна наша старая знакомая Урсула оставалась задумчива и печальна.

В ушах ее еще звучало имя, столь неожиданно названное Жозефом Розелем: «Киприенна»!

Где ты сейчас, что делаешь и о чем думаешь?

Внезапно послышались радостные крики:

— Господин Жозеф! Господин Жозеф!

Русые, каштановые и черноволосые головки девушек, до этого склоненные над шитьем, тут же поднялись, а свежие розовые губки весело заулыбались, ибо Жозеф пользовался большой популярностью в мастерской своей сестры.

В руке у него был конверт, запечатанный большой печатью с гербом.

— Здесь ли сестра? — громко спросил он у девушек.

— Она сейчас у госпожи Ламоро, — отвечали ему.

— Хорошо, я поднимусь к ней.

Вскоре на лестнице послышался шелест платья. Это спускалась в мастерскую мадам Розель, в руке она держала только что переданное ей братом письмо.

— Оставь на время свою работу, Урсула, госпожа Ламоро хочет видеть тебя, — ласково обратилась она к девушке.

Счастливая Урсула! Она будет говорить с госпожой Ламоро!

Нерешительно поднявшись по лестнице, Урсула робко постучалась в дверь.

Приятный голос произнес: «Войдите!» и Урсула оказалась в большой комнате, обставленной просто, но со вкусом.

— Подойди поближе, Урсула, — произнес тот же голос.

Жозеф, все еще находившийся в комнате, подтолкнул растерявшуюся девушку к большому мягкому креслу, откуда слышался ласковый голос.

— Ты хотела говорить со мной о своих соседях, не так ли?

— Да, сударыня, — тихо отозвалась Урсула, — эти бедные люди очень несчастны.

— Если не ошибаюсь, ты имеешь в виду синьора Чинеллу, балаганного актера, а также девушку по имени Пиппиона?

— Вы правы, сударыня. Только настоящее ее имя Бланш и я никогда не называю ее иначе. Это Чинелла придумал ей имя Пиппиона.

Кивнув головой, госпожа Ламоро благожелательно проговорила:

— Для меня это еще одна причина, чтобы заинтересоваться твоими протеже, ибо в свое время я горячо любила некую особу, носившую то же имя. Насколько я могла понять, девушка эта серьезно больна. Вскоре я собираюсь уехать в путешествие, но до отъезда я обязательно пошлю к ней доктора Озама. Лекарство по рецепту вы сможете заказать в аптеке, которую вам укажет доктор, а в остальном положитесь на мадам Розель.

— Благодарю вас, сударыня! Вы сделаете счастливыми этих бедняков.

— Никогда не благодари меня, если хочешь, чтобы мы с тобой остались друзьями!

Решив, что разговор окончен, Урсула поклонилась и сделала шаг к двери, но госпожа Ламоро задержала ее.

— Одну минуту, дитя мое, тебя ведь зовут Урсула, не так ли?

— Да, сударыня, Урсула Дюран.

— Письмо, в котором ты сообщала мне о своих протеже, хорошо написано. Должно быть, ты получила хорошее образование?

— Да, сударыня, ведь я воспитывалась благочестивыми сестрами монастыря Святой Марты

в Б…

— Была ли у тебя близкая подруга в этом монастыре?

Урсула бросила взгляд на Жозефа, стоявшего, облокотившись на каминную доску. Тот ответил ей одобряющей улыбкой, которая не осталась незамеченной госпожой Ламоро.

— Думаю, что мы друг друга поняли, — заметила она. — Твоя подруга страдает, утешь же ее и скажи, что друзья готовы предоставить ей защиту, пусть лишь она окажет им помощь в надлежащий момент.

В этот момент в комнату вошла мадам Розель.

— Вы, кажется, собираетесь посетить сегодня особняк де Пьюзо, не так ли, дорогая Розель? — спросила госпожа Ламоро.

— Да, сударыня.

— В таком случае я попрошу вас взять с собою Урсулу. До свидания, дорогое дитя.

С этими словами добрая госпожа Ламоро обняла Урсулу, поцеловав ее в лоб.

Никогда еще Урсула не была так счастлива. Радостно улыбаясь, она весело сбежала по лестнице, по которой только что поднималась с таким страхом.

Опередившая Урсулу мадам Розель ждала ее

внизу.

Коробки и свертки для Киприенны были уже упакованы. Одна из девушек успела вызвать экипаж.

— Кажется, мы готовы, — весело сказала мадам Розель.

Внезапно вспомнив о чем-то, она схватила только что снятый фартук, вынула оттуда письмо и спрятала его у себя на груди.

После этого они с Урсулой сели в наемную карету. Сердце девушки замирало от ожидания — ведь совсем скоро она снова увидит Киприенну!

— Дорогое дитя, — обратилась к ней мадам Розель, — я отведу тебя сразу же к Киприенне. Мне надо поговорить с госпожой Потель. От тебя лишь потребуется примерить несколько платьев и выбрать отделку. Ведь ты справишься с этим одна, не так ли?

— Надеюсь, сударыня, — весело отозвалась Урсула.

Разговор между госпожой Ламоро и Жозефом тем временем продолжался. Оба они были бледны и взволнованы, а губы у них дрожали.

— Я знаю настоящее имя Лежижана, — заявил Жозеф. — Мне его показали и, хотя он очень изменился, я сразу же узнал его. Лежижан — не кто

иной, как Эркюль Шампион!

ГЛАВА XI
Мать и дочь

(Из голубого дневника)

Итак, я снова увидела тебя, милая Урсула, моя дорогая сестричка! Ты проливала слезы, читая мой дневник. Узнав о всех моих муках, ты закрыла его, повторив мне слова виконта де ла Крус:

«Друзья готовы защитить тебя, от тебя требуется лишь помочь им в нужный момент!»

Мать моя не выходит теперь из своей комнаты. Отец провел у нее все утро до самого полудня, причем всем, не исключая даже меня, было строго запрещено входить к ним.

Думаю, запрет этот относился прежде всего именно ко мне, ибо они говорили о моей свадьбе. Я поняла это, когда мне наконец разрешили увидеть бедную матушку. Глаза ее были красны от слез.

Я провела с ней весь оставшийся день, устремив взгляд на свою вышивку, в то время как она делала вид, что читает.

К счастью, к нам приехала с визитом графиня Монте-Кристо.

Заметив мою бледность, она взволнованно осведомилась о моем самочувствии.

— Сама не знаю, что с ней делается, — отвечала ей матушка. — Боюсь, ей здесь просто не нравится.

— Вы должны дать ей возможность отдохнуть и рассеяться, — сказала графиня Монте-Кристо. — Пришлите ее послезавтра ко мне. Я пригласила на этот день много девушек. Их матери будут беседовать между собой, а дочери тем временем устроят танцы в саду. Возможно, это понравится мадемуазель Киприенне несколько больше, чем наши церемонные балы и рауты.

Матушка ответила, что предоставит это на мое усмотрение, и они заговорили о другом.

Когда графиня Монте-Кристо уехала, матушка спросила меня, разговаривал ли со мною отец.

— Да, мама, — печально ответила я.

— Мужайся, дитя мое, тебе следует подчиниться его воле.

— Ах, матушка! — только и могла ответить я.

Подойдя ко мне, матушка нежно обняла меня.

— Глупышка! — прошептала она мне на ухо. — Зачем же так плакать? Ты же никого не любишь, поэтому приносимая тобою жертва не будет такой уж тяжелой.

Я ничего не отвечала ей.

— Боже мой! — вскричала матушка, нежно отстраняя меня от себя и глядя мне в глаза. — Неужели я и так уже не наказана слишком сурово?

Слезы мои прекратились, тело била сильная дрожь.

— И ты будешь несчастлива всю жизнь, будешь страдать за чужие грехи? Нет, этого не должно случиться! Это было бы слишком жестоко и несправедливо! О, Господи! Неужели Ты действительно хочешь, чтобы моя Киприенна, моя единственная радость, была принесена в жертву этому Матифо? Нет, лучше мне умереть тысячу раз, лучше мне…

Тут она замолчала, а затем заговорила снова прерывающимся от волнения голосом:

— Спи спокойно, дочка, мать позаботится о тебе. Мне придется выдержать бурю гнева твоего отца, но Бог даст мне силы. Клянусь, ему не удастся насильно выдать тебя замуж за этого человека!

Разразившись рыданиями, матушка рухнула на диван.

Лицо ее было покрыто смертельной бледностью и выражало невыносимое страдание, невольной причиной которого была я.

Я стала умолять матушку простить мне мои

детские страхи, торжественно убеждая ее, что моя антипатия к барону Матифо вовсе не была столь непреодолимой, как я думала вначале. Я обещала ей привыкнуть к мысли о том, чтобы стать ему хорошей женой.

— Подумай об этом хорошенько, Киприенна, — сказала мне матушка, — если у тебя действительно хватит мужества не отказаться от своего решения, то тем самым ты избавишь нас от многих горестей и забот. В противном случае можешь быть уверена, что я всегда останусь на твоей стороне и сделаю все возможное для твоей защиты.

Все еще взволнованная разговором с матерью, я вышла в коридор, где неожиданно столкнулась с полковником Фрицем, который стоял рядом с дверью, из которой я появилась. Увидев меня, он тут же отступил в сторону.

Несмотря на все свое хладнокровие, он казался очень взволнован и, молча поклонившись мне, поспешно удалился.

Что он здесь делал?

Может быть, подслушивал наш разговор?

Должно быть, это предположение не лишено оснований.

Уверена, что это опасный враг, страшиться

которого у меня есть все причины.

В шкатулке для драгоценностей я нашла вторую записку. Она хоть и была очень коротка, но более понятна, чем первая. Написана записка той же рукой и подписана двумя инициалами.

Вот ее содержание:

«Нам известны ваши враги, а так же характер угрожающей вам опасности. Нам надо поговорить с вами. Будьте завтра на Елисейских полях с белой розой в руке. Если вы выроните ее из окна кареты, то мы будем считать это знаком того, что вы готовы принять самую чистую и глубокую преданность, какую только человек может сложить к ногам ангела.

Ж. К.»

Да, да, дорогая Урсула, именно «ангела» — там так написано. Когда я прочитала это слово, сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди от радости.

И все же я не поеду туда завтра и не уроню белую розу из кареты.

Хоть бы завтра пошел дождь!

Сейчас уже поздно.

Все небо затянуто тучами, вдали слышны раскаты грома. На качающиеся от ветра ветви

деревьев упали первые капли дождя.

Я сижу у открытого окна и мечтаю.

Сквозь ветви каштана я вижу угол нашей улицы, тускло освещенный газовым фонарем. В неясном кругу света, отбрасываемого фонарем, я замечаю тень человека, неподвижно стоящего у стены.

Тут я поспешно отхожу от окна. Человек, не зная, что за ним наблюдают, протягивает ко мне руки, как бы желая удержать меня. Какое-то неясное предчувствие говорит мне, что я видела виконта.

Снова подойдя к окну и встав так, чтобы на меня падал свет, я делаю виконту повелительный знак рукой.

Он понимает, что я хочу сказать, низко кланяется мне и тихо уходит.

Гром прекратился, пошел проливной дождь. О, если бы он шел и завтра…

На следующий день рано утром матушка посылает за мной и велит поскорее одеться, ибо после завтрака хочет прокатиться вместе со мной в Булонский лес.

Мадам Потель уложила мне волосы. Эта женщина — настоящий художник в этом деле и лучше меня самой знает, что мне идет, а что нет.

— А теперь, мадемуазель, — говорит она, окончив свою работу, — не желаете ли взглянуть на себя в зеркало?

— Прекрасно, дорогая Потель, результат выше всяких похвал.

С левой стороны в волосах у меня красуется роскошная белая роза, трудно даже представить себе более прелестный цветок.

— Зачем вы украсили мою прическу этой розой, Потель? — недоуменно спрашиваю я.

— Разве она вам не нравится, мадемуазель? — наивно отвечает камеристка. — Цветок вам очень к лицу.

— Я предпочла бы обойтись без этой розы.

— Тогда придется сделать вам другую прическу, мадемуазель, — вздыхает она.

— Нет, дорогая Потель, давайте оставим все как есть. Мне и самой кажется, что роза очень идет мне.

Эта роза в моих волосах даст понять виконту, что я получила его записку, прочла ее и приняла это доказательство преданности.

Но, поскольку я не держу розу в руках и не выроню ее из окошка кареты, то тем самым ясно дам виконту понять, что согласна принять от него лишь это доказательство его преданности и

ничего больше. Мысль эта приносит мне облегчение и я немного успокаиваюсь.

Светит яркое солнце, погода просто великолепная. Птички весело чирикают на ветвях деревьев и мне самой невольно хочется пуститься в пляс по комнате.

Я слышу шум экипажа во дворе, матушка зовет меня.

До свидания, Урсула, я так тебя люблю!

ГЛАВА XII
Аврелия

Полдень давно уже наступил, но в доме прекрасной Аврелии жизнь только что началась. Узкие лучи света, проникая сквозь закрытые ставни, освещают золоченую мебель из розового дерева.

В воздухе ощущается слабый аромат духов и благовоний, которым пропитаны портьеры и драпри. Спальня хозяйки пуста, но на неубранной постели еще сохранился отпечаток ее прекрасного тела и во всем чувствуется неуловимый след ее присутствия — в воздухе, которым она дышала, в предметах, которых касалась ее рука, в пушистом ковре, по которому ступали ее изящные ножки.

В одной из соседних комнат слышится приглушенный шум голосов. Если мы пойдем на него и поднимем тяжелую портьеру, то окажемся в большой столовой, изящно убранной в китайском вкусе.

Мраморный пол устлан тонкими циновками, на шелковых обоях вытканы изображения экзотических птиц, по всей комнате расставлены

роскошные цветы и редкие растения. В огромном аквариуме плавают золотые рыбки, а прихотливо расставленные статуэтки изображают китайских мандаринов, лукаво подмигивающих раскосыми глазами и с аппетитом поедающих ласточкины гнезда.

Аврелия и Нини Мусташ завтракают, сидя напротив друг друга. Нини пьет кофе и стоящий рядом с ней небольшой графин с ромом пуст на одну четверть.

Аврелия беззаботно сидит на бамбуковом стуле, с легкой улыбкой наблюдая за подругой. Во взгляде ее смешались привязанность, ирония, гордость и легкое презрение.

— Послушай, что ты за женщина? — восклицает Нини, ставя на стол пустую чашку и подпирая голову руками.

— На этот вопрос легко ответить, — спокойно произносит Аврелия, — я женщина, много повидавшая на своем веку, много любившая, много ненавидевшая и много страдавшая. Таким образом, ничто женское мне не чуждо.

— Иногда мне кажется, что ты дочь самого дьявола, — восклицает Нини, — но временами я готова поверить, что ты ангел, посланный с небес.

— Так ли уж важно, кто я такая? — поспешно замечает Аврелия. — Я показала тебе свою силу, в настоящее время этого вполне достаточно. Недавно ты отказалась назвать мне свою настоящую фамилию и я тут же назвала ее сама. Тебя зовут Селина Дюран. Ты рассказала мне, что твоя сестра воспитывалась в провинции и это действительно так. В какой же провинции, в каком городе находится этот монастырь? Я сразу же назвала их тебе: это монастырь Св. Марты в Б…

Помолчав несколько секунд, Аврелия продолжала:

— Сказать тебе имя модистки, у которой работает твоя сестра? Ее зовут мадам Розель и проживает она на улице Вивьен, а сестра твоя живет у четы Жоссе на улице Рамбутье. О каждом из этих людей, не исключая и самой Урсулы, я могу рассказать тебе нечто такое, о чем ты даже не подозреваешь. Однако сейчас я не собираюсь делать сенсационных разоблачений, я просто хочу, чтобы ты знала о моих возможностях, и только. И как ты думаешь, сколько времени мне потребовалось на то, чтобы найти Урсулу в этом гигантском человеческом муравейнике, именуемом Парижем, и узнать о ней то же, что знаешь ты, а может быть, даже гораздо больше? Всего

лишь несколько часов. Это же самое относится и к полковнику Фрицу и Лежижану, который, кстати, вовсе не Лежижан. На самом деле он носит совсем другое имя; стоит его упомянуть, как этот человек на коленях станет умолять тебя о пощаде.

— И как же его зовут на самом деле? — поспешно осведомилась Нини Мусташ.

— Этого я тебе не скажу, — сухо ответила Аврелия. — Во-первых, имя это — обоюдоострый меч, которым ты все равно не сможешь правильно воспользоваться; во-вторых, от приходящих ко мне за помощью я требую лишь одного — доверия. Доверься мне и я сниму печаль с твоего сердца так же легко, как поднимаю со стола вот эту чашку. Я уберегу твою сестру от всякой мести и от любых искушений, я сумею вывести Луи Жакмена из отчаяния и помогу тебе самой стать лучше и благороднее. Лишь одного я не могу сделать — снова вернуть к жизни твоего отца. Думаю, однако, что в глубине души ты считаешь его прощение ниспосланным тебе свыше утешением.

— И что же ты хочешь взамен? — спросила Нини, все еще испытывая недоверие к словам подруги.

— Ничего кроме веры в успех, ибо лишь вера приносит нам облегчение и победу.

— В таком случае, я ничего не понимаю, а, следовательно, и не могу тебе верить, — заметила Нини.

В ответ на это Аврелия лишь пожала плечами.

— Скажи же мне наконец, в чем тут заключается твой интерес? — настаивала Нини Мусташ.

— В чем состоит мой интерес? О, у тебя воистину злая душа, как ты сама недавно признала это в разговоре со мной. Ведь ты же приняла предложенный тебе Лежижаном план действий, ведь ты продала Урсулу, предав ее во власть грез! Что же удерживает тебя теперь, почему ты взываешь о помощи, почему хочешь пожертвовать всем?

— Но ведь Урсула — моя сестра! — с негодованием возразила Нини.

— В таком случае, — воскликнула Аврелия, с достоинством поднимаясь с места, — я гораздо выше тебя, ибо считаю всех женщин своими сестрами!

Луч солнца, падающий из окна, окружил в этот момент золотоволосую голову Аврелии подобием сияния, взгляд ее в тот миг лучился несказанной добротой и невыразимой нежностью.

Трогательным движением она широко рас-

крыла объятия, как бы желая прижать к сердцу всех женщин земли — нищую и куртизанку, покинутую жену и неверную супругу, несчастную жертву и грешницу.

В эту минуту Аврелия казалась живым воплощением спасения и всепрощения.

Нини смотрела на подругу с немым восхищением. Внезапно неземное видение исчезло. Солнце спряталось за облако, а горячий энтузиазм сменился глубокой печалью.

— Выслушай же меня, — серьезно заговорила Аврелия, — недавно ты рассказала мне свою историю и воспоминания твои причинили мне страшное горе. А что если я скажу тебе, что все это еще не настоящее горе, что ты и понятия не имеешь о настоящих страданиях? Что если я расскажу тебе о женщине, одно имя которой способно вызвать у всех лишь ужас? У этой женщины было отнято все. Ее муж, ребенок и возлюбленный были безжалостно убиты, а сама она обречена на мученичество, до дна испив чашу невыразимых страданий. Что если я скажу тебе, что женщина эта подобно Лазарю восстала из мертвых, что ей чудом сразу вернули все то, что еще можно было вернуть, что ласковый голос шепнул ей: «Иди, дочь моя, странствуй по свету, оберегая сестер от

тех бед, которые выпали на твою долю. Спасение твое — не тот дар, который ты можешь использовать лишь в своих корыстных целях; поделись тем, что имеешь, с другими, с теми, кто стремится к добру, помогай встать на ноги падшим, утешай несчастных, защищай слабых и прощай виновных». А если я скажу тебе, Селина, что женщина эта стоит перед тобой, откажешься ли тогда ты, сестра моя, испить из того сосуда жизни, который я подношу к твоим губам? Ты просила меня об утешении и я готова дать его тебе. Неужели ты с отвращением отвергнешь его? Будешь ли ты и дальше испытывать сомнения, хотя теперь для спасения тебе необходима лишь вера?

Нини Мусташ была покорена, постепенно заразившись энтузиазмом Аврелии. Чувствуя в себе какую-то странную дрожь, она невольно подумала:

— Да, эта Аврелия — необыкновенная женщина!

И с каким-то почти религиозным смирением она тихо произнесла:

— Приказывай, я твоя слуга и готова тебе подчиниться.

— Моя слуга! — со смехом воскликнула Аврелия. — Нет, ты не слуга моя, а сестра! Ведь я такое

же злое и слабое созданье как ты, бедная моя Селина, и если Господь неожиданно лишит меня помощи, то я буду стенать и плакать точно так же, как и ты.

Аврелия позвонила в колокольчик и в дверях сразу же появилась курчавая голова негритенка.

— Вели запрягать экипаж, Зино, — распорядилась Аврелия. — Прости, Нини, я на минуту тебя покину; как видишь, я уже причесана, но мне надо еще одеться.

Сказав это, она удалилась в свой будуар, а Нини осталась в столовой, размышляя над тем, что ей только что пришлось услышать.

Через несколько минут в комнату вошла Аврелия, одетая в роскошный наряд для выезда. На губах ее снова играла обычная саркастическая улыбка, взгляд обрел прежнюю остроту и проницательность, а походка, как всегда, отличалась уверенностью и величавостью.

Нини Мусташ просто не узнала в ней ту женщину, которая всего лишь несколько минут назад говорила с ней столь пламенно и благородно. Ей показалось, что она видела все это в каком-то странном сне.

Появившийся на пороге негритенок Зино издал странный звук, похожий на щелканье кнута.

— Неужели он немой? — с удивлением спросила Нини.

— Да, — коротко ответила Аврелия, — благодаря этому он не может сплетничать и разбалтывать мои секреты.

Во дворе стояло элегантное открытое ландо. Дамы сели в него и Аврелия отрывисто приказала кучеру:

— В Булонский лес!

Запряженное парой чистокровных лошадей ландо тронулось в направлении Елисейских полей.

— А теперь, малышка, я скажу, что тебе надлежит делать.

— Я тебя слушаю, — просто отвечала Нини.

— Прежде всего, — продолжала Аврелия, — в чем заключается та работа, которую ты выполнила для Лежижана и что еще он от тебя требует? Вряд ли он собирается контролировать графа де Пьюзо, используя для этого твое влияние и советы.

Вопрос этот привел Нини в замешательство и, не дожидаясь от нее ответа, Аврелия продолжала:

— Ты служишь всего лишь оружием разрушения, ибо мужчина может обесчестить себя, может

пожертвовать женой и ребенком ради такого существа, как мы с тобой, но он никогда не обратится к нам за советом. Мужчина разоряется ради любовницы, но за советом идет к жене. Тебя познакомили с графом де Пьюзо лишь затем, чтобы разорить его. Лежижан считал, что ему вдвойне выгодно использовать для этих целей именно тебя. Во-первых, он был заинтересован в этом косвенным образом, поскольку ты должна была делиться с ним добычей, с другой стороны, все твои наряды, экипажи, лошади, — одним словом все, за исключением драгоценностей, купленных, в основном, в кредит, было приобретено через агентов Лежижана, являющихся, по существу, его послушными марионетками…

— Откуда ты все это знаешь? — с удивлением прервала ее Нини Мусташ.

— Это неважно, — коротко ответила Аврелия, — о второй причине я могу лишь догадываться, но интуиция редко подводит меня. Лежижан хочет поставить графа де Пьюзо в безвыходное положение, предложив ему выбор: либо полное разорение, либо согласие выдать дочь за барона Матифо.

Аврелия сделала короткую паузу, а затем снова продолжала:

— Предположим, брак этот действительно состоится. В этом случае Лежижану больше не понадобятся твои услуги, но думаешь, он оставит тебя в покое? Угрожая погубить твою сестру, он держит тебя в своей власти. Почему же тогда Лежижан щадит тебя, хотя ты уже выполнила порученную тебе работу? Дело в том, что несмотря на то, что для Лежижана ты сейчас уже бесполезна, ты все же представляешь для него определенную опасность. У тебя никогда бы не хватило влияния на графа де Пьюзо, чтобы заставить его выдать дочь замуж, если бы на его решение не влияли другие факторы; но ты можешь заставить его остановиться и не предпринимать дальнейших шагов в этом направлении. В нем просто заговорит совесть, ведь я совершенно уверена, что граф и так не прочь разорвать с Матифо отношения, которые давно уже тяготят его, хоть он и не осмеливается признаться в этом даже себе самому. Стоит тебе указать ему причину для разрыва, как он тут же с радостью воспользуется ею, вот увидишь.

Если бы я была на твоем месте, то поступила бы следующим образом: я просто пригласила бы к себе графа, сказав ему совершенно открыто: «Насколько мне известно, ваша дочь собирается

выйти замуж за барона Матифо. Общественное мнение возлагает на меня ответственность за этот брак, а я не хочу, чтобы на меня возводили столь серьезное обвинение и если вы пожертвовали дочерью ради любовницы, то ваша любовница готова принести себя в жертву ради вашей дочери. Заберите обратно все свои подарки, они не нужны мне больше». Если он от этого откажется, а он, конечно, так и сделает, то продолжай настаивать на своем. Если же он расценит все это как шутку, спокойно выслушай его и запрети ему приходить в твой дом. Не пройдет и недели, как он покорится и у тебя появится удовлетворение от сознания того, что ты впервые в жизни сделала доброе дело. Что же касается Лежижана, то в отношении него можешь не беспокоиться. Даю тебе слово, что с головы Урсулы не упадет ни один волосок. Я буду знать обо всем, что он задумает против нее и все его планы кончатся провалом.

В этот момент ландо Аврелии въехало на площадь Согласия. По Авеню д'Этуаль двигался нескончаемый поток экипажей и всадников. Беззаботно развалясь на бархатных подушках, дамы изящным движением руки отвечали на почтительные приветствия кавалеров.

Некоторые всадники подъезжали к экипажам

и с поклоном вступали в разговор с очаровательными красавицами.

Там были почти все знаменитости не только аристократического и финансового мира, но и полусвета, которые выделялись либо хорошим вкусом, либо нелепым щегольством, либо эксцентричностью своих экипажей.

По обеим сторонам дороги, обсаженной деревьями, толпились обыватели, любующиеся проезжающими мимо них любимцами фортуны.

Большинство людей видит лишь блеск шелков, да сверкание бриллиантов, даже не догадываясь о тревогах и бедах, скрывающихся под этими внешними проявлениями богатства.

Какие горести могут, по их мнению, ждать этих людей, питающихся лучшими яствами, подаваемыми им на дорогом фарфоре, живущих в раззолоченых комнатах и спящих в шелковых постелях под бархатными балдахинами?

Ведь горе существует лишь для голодных и бездомных или для тех, кто в поте лица зарабатывает себе на жизнь.

Какие счастливцы эти богачи!

Вот министр, вставший в четыре часа утра. В то время, когда каменщики и плотники еще крепко спят, он уже усердно трудится; когда они давно

уже спят в своих постелях, он все еще продолжает работать.

Его никогда не оставляет мысль о взятой на себя огромной ответственности, о которой он думает даже в короткие часы досуга.

Балы, рауты, вечера, роскошные банкеты, на которых ему приходится бывать по долгу службы, возможно, приносят ему самые большие мучения — ведь после шестичасового беспрерывного чтения писем и депеш ему еще надо выносить слепящий блеск ярко освещенных гостиных.

О, как часто он мечтает о скромной судьбе простого отца семейства, который, сидя у уютного домашнего очага, укачивает на коленях свое дитя!

Но нет: как счастливы богачи!

Мимо зевак катятся роскошные экипажи с ливрейными лакеями на запятках, породистые лошади в великолепной сбруе гордо стучат подковами по мостовой.

Клерки широко раскрывают глаза, чтобы лучше разглядеть богатый выезд герцогини, девушки из простонародья вздыхают при виде дорогих туалетов, а философы возмущаются в глубине души всей этой роскошью.

Какие же счастливцы все эти богачи!

Вот едет карета с графской короной на дверцах. По обеим ее сторонам горцуют изящные всадники.

В экипаже сидят две дамы, одна из них совсем юная девушка поразительной красоты. Дамы улыбаются и тихо беседуют между собой.

Это графиня де Пьюзо и ее дочь Киприенна.

Во всадниках мы узнаем графа де Пьюзо и полковника Фрица.

Со смесью зависти и восхищения толпа наблюдает, как исчезает из вида щегольской выезд, а какая-то хорошенькая миниатюрная брюнетка в простом ситцевом платье горько вздыхает:

— Ах, какие все-таки счастливцы эти богачи!

ГЛАВА XIII
Роман о розе

Едва ли стоит говорить о том, что в описываемое время Булонский лес выглядел совсем иначе, чем в наши дни. Тогда там не было ни прудов, ни водопадов и все прелести природы ограничивались лишь чахлыми дубами, да пожухлой вытоптанной травкой.

Веселые рощи, бродя по которым мы любуемся ныне красотами английского садово-паркового искусства, имели в то время вид довольно жалкий, дикий и неухоженный, однако, во всей этой дикости и убогости не было ничего неприятного для глаз.

Чахлые дубы Булонского леса не без успеха могли выдержать сравнение с роскошными тенистыми уголками Сен-Клу и Медона, во всяком случае они выглядели не менее естественно.

По существу, все пригороды Парижа в той или иной степени являются природными парками, из которых именно Булонский лес отличается наибольшей девственностью и несет на себе меньше всего следов деятельности человека по

его украшению и благоустройству.

Несмотря на все это, близость богатых городских кварталов уже в то время сделала Булонский лес любимым местом встреч и прогулок высшего общества.

Миновав Пор-Мелло, граф Лоредан де Пьюзо и полковник Фриц передали своих лошадей лакею, а сами уселись в карету напротив графини и Киприенны. Возможно, таким образом они просто решили с большим удобством понаблюдать за дамами, с которых Лоредан буквально не спускал глаз, ибо замужество Киприенны было для него единственным средством избежать полного разорения.

Начав не доверять даже самому себе, он не чувствовал в себе силы противостоять союзу жены и дочери. Если бы они были разобщены, то он сумел бы оказать им сопротивление, но объединившись, они без особого труда смогли бы преодолеть его слабую волю, повлияв на неустойчивый характер графа.

Итак, он должен во что бы то ни стало предотвратить возникновение подобного союза. «Разделяй и властвуй» — эта максима доказала свою эффективность с тех самых пор, как население земли превысило два человека.

Экипажи катились по перекрещивающимся аллеям, выделывая самые замысловатые фигуры, подобно участникам какой-то огромной кадрили.

Внезапно Киприенна с легким вскриком схватила мать за руку.

— Вон едет графиня Монте-Кристо! — взволнованно воскликнула она.

Однако когда привлекший ее внимание экипаж несколько приблизился, она невольно покраснела, заметив свою ошибку, ибо это эксцентричное ландо с негритенком-грумом в кричаще-безвкусном одеянии конечно же не могло принадлежать утонченной графине Монте-Кристо.

Все в этом экстравагантном выезде несло на себе отпечаток элегантности, но элегантности, граничащей с дурным вкусом.

Как могла Киприенна хоть на минуту подумать, что эта наглая и развязная женщина с громким смехом, в слишком экстравагантном костюме — графиня Монте-Кристо?

— Как сильно она на нее похожа! — невольно прошептала девушка.

Услышав эти слова, полковник Фриц злобно усмехнулся.

— Раз здесь появилась эта casta diva Аврелия,

значит виконт де ла Крус должен быть где-то поблизости, — заметил он.

Слова полковника ранили Киприенну в самое сердце. Что общего могло быть у виконта с этой женщиной?

Без всякого сомнения, подобное утверждение было заведомой низкой ложью. Однако зачем ему было пытаться уронить виконта в глазах Киприенны, если он ничего не знал об их тайной переписке?

В душу девушки закралось дотоле неведанное ей чувство. Быть может, это была ревность?

Нет, конечно же, нет. Киприенна де Пьюзо не может ревновать к такому существу, как Аврелия!

Испытываемое ею чувство скорее походило на сожаление и негодование.

Нисколько не желая верить словам полковника, она невольно испытывала к ним доверие, ибо человек иногда бывает склонен к самоистязанию.

Чего бы только она не отдала сейчас, лишь бы виконт не оказался в эту минуту в Булонском лесу, ведь после услышанного она не была уверена, приехал ли он туда ради нее или ради Аврелии.

Однако вскоре у нее было отнято последнее

слабое утешение робких душ, постоянно старающихся спрятаться от фактов, ибо вслед за ландо Аврелии показался виконт, едущий на великолепном арабском жеребце. Никогда еще не видела она виконта столь красивым, энергичным и уверенным в себе; рука его беззаботно держала поводья.

— Ага, что я только что говорил? — удовлетворенно воскликнул полковник. — Несчастный ни на шаг не отстает от очаровавшей его сирены.

— Trahit sua quemque voluptas, — с улыбкой заметил граф, желая показать, что не забыл латынь, которой обучался в иезуитском коллеже. — Каждому свое — сразу же добавил он, как бы поясняя свои слова.

Киприенна чуть не лишилась чувств. Итак, отношения Аврелии и виконта общеизвестны, лишь она одна ничего не знала о них.

Неужели виконт лгал ей? Ведь в такой ситуации молчание и ложь — практически одно и то же.

Значит этот герой, эта прекрасная статуя, которую она принимала за редкостное произведение искусства, оказался простым гипсовым слепком, вдребезги разлетевшимся от одного слова полковника, как от удара молотка?

Киприенна, лишь вчера еще готовая принять защиту виконта, но не его любовь, считала теперь, что он оскорбил ее, предложив ей защиту без любви.

Затем она снова почувствовала негодование от того, что только что увидела и услышала.

— Этого не может быть! — невольно подумалось ей. — Полковник ошибается, отец ошибается, все они неправы, ибо никто не знает виконта так как я.

В этот момент виконт снова поравнялся с графским экипажем, на этот раз он оказался с той стороны, где сидела Киприенна.

Заметив его, та поспешно поднесла руку к волосам. Жест этот она повторяла уже, возможно, в десятый раз.

— В чем дело, Киприенна? — встревоженно осведомилась графиня, — ты плохо себя чувствуешь, дитя мое?

— Вовсе нет, матушка, — краснея отозвалась Киприенна, — просто эта роза уколола меня.

— Подожди-ка, — проговорила графиня, склоняясь над дочерью и принимаясь осторожно вытаскивать у нее из волос цветок, стараясь не повредить прическу.

— Поверьте, матушка, в этом нет никакой

необходимости! — энергично запротестовала девушка.

— Вот теперь все в порядке, — заметила ее мать, вынимая наконец розу. Но тут при энергичной попытке Киприенны снова завладеть цветком, графиня выронила его. Быстрым движением рука Киприенны попыталась подхватить розу, но было слишком поздно и когда виконт оглянулся, то увидел, что цветок лежит на земле, а изящная ручка Киприенны поднята, как будто она только что бросила его.

Как только карета графа скрылась за поворотом, виконт спрыгнул с лошади и быстро схватил розу, а затем снова вскочил в седло и галопом ускакал прочь, вне себя от радости прижимая ее к груди, как бы боясь, что кто-то может попытаться лишить его этого драгоценного дара.

Он скакал во весь опор, не разбирая дороги и победно глядя на окрестные холмы и долины. Грудь его вздымалась от восторга, он был поистине счастлив.

Киприенна любит его! Она только что собственноручно передала ему чудесный талисман, обладая которым он сможет завоевать весь мир!

Еще утром он сомневался, увенчается ли его план успехом и чувствовал себя почти бессиль-

ным перед лицом многочисленных врагов. Борьба, которую он вел в качестве друга и союзника графини Монте-Кристо, истощила его мужество, почти лишив силы воли, но теперь у него неожиданно появился новый могущественный союзник и союзником этим стала любовь.

Любовь! Поистине, он впервые в жизни испытывал подобное блаженство.

Постепенно, однако, кровь стала спокойно течь в его жилах, а дикое сердцебиение несколько успокоилось.

Оглядевшись вокруг, он понял, что ускакал далеко от Парижа, а было уже почти четыре часа дня. Нельзя было терять ни минуты и, повернув лошадь в сторону города, он поскакал крупной рысью.

Через час виконт выпрыгнул из седла во дворе своего особняка и, бросив поводья подбежавшему конюху, поспешно поднялся на второй этаж.

Быстро переодевшись и написав короткую записку, он вложил ее в конверт из сатинированной бумаги и снова вышел из дому. Окликнув первого попавшегося извозчика, он приказал ему ехать на Вареннскую улицу.

Вскоре карета свернула на узкую улочку, вдоль которой тянулась высокая стена сада особняка де

Пьюзо. Лошади остановились у маленькой калитки, которая тут же отворилась и из нее поспешно вышла мадам Потель.

— Садитесь, госпожа Жакмен, — любезно предложил ей виконт и коротко приказал кучеру, — Бульвар Инвалидов, езжай потише.

Камеристка, взволнованная оказанной ей виконтом честью, никак не осмеливалась сесть рядом с ним. Осторожно взяв ее за руку, он усадил ее справа от себя.

— Так нам будет удобнее беседовать, — улыбаясь заметил он. — У меня есть для вас добрые вести о Луи, он получил сейчас прекрасное место у ювелира Клемана. Ему дали отличные рекомендации и, если он будет совершать иногда какие-нибудь мелкие проступки, ему их охотно простят, если только вина его не будет слишком серьезной. Ваш взрослый сын стал сейчас большим ребенком, но мы поможем ему стать честным и мужественным человеком.

Порывисто схватив руку виконта, госпожа Жакмен запечатлела на ней почтительный поцелуй.

— Вы же знаете, — проговорил он, отдергивая руку, — что за все должны благодарить госпожу Ламоро и графиню Монте-Кристо, а отнюдь не меня. Вы обратились к ним за помощью и они

согласились помочь вам при одном условии, а именно, что вы тоже поможете им в добром деле, в котором они принимают большое участие.

— Да, господин виконт, если эти дамы играют роль провидения, то вы, без сомнения, их посланец.

— Есть ли у вас какие-нибудь новости для меня? — нетерпеливо прервал ее виконт.

— Почти никаких, — ответила госпожа Жакмен, — вчера мадемуазель говорила наедине с матерью и обе они много плакали. После этого мадемуазель Киприенна заперлась на весь вечер у себя в комнате и что-то писала. Ах, да, я чуть не забыла: она попросила меня сходить к мадам Розель за той работницей, которая уже была однажды в нашем доме. Кажется, эту девушку зовут Урсулой.

— Придется госпоже Ламоро еще раз поговорить с Урсулой и расспросить ее обо всем, — прошептал виконт. — Вам нечего больше добавить? — громко спросил он.

— Сегодня графиня с дочерью были в Булонском лесу. По вашей просьбе я украсила прическу мадемуазель белой розой. Сначала она хотела вынуть ее, но затем решила оставить все как есть.

— Вот записка, которую вы положите на обыч-

ное место.

— Хорошо, — коротко согласилась госпожа Жакмен и не опуская глаз приняла от виконта изящный конверт, ибо безоговорочно подчинялась ему без всякого недоверия и задних мыслей, абсолютно уверенная, что этот человек не способен ни на что дурное.

Приехав на Бульвар Инвалидов, госпожа Жакмен и виконт вышли из наемной кареты. Расплатившись с извозчиком, виконт расстался с камеристкой Киприенны, которая пешком вернулась на Вареннскую улицу.

Теперь виконт стал серьезен и задумчив, ибо радостная уверенность, которую он испытывал до этого, стала постепенно слабеть в нем, а душу его наполнили мучительные сомнения.

Еще недавно он говорил себе:

— Она любит меня!

Теперь же он невольно задавался вопросом:

— Но будет ли она любить меня и дальше? Если она узнает меня ближе, если я предстану перед нею в истинном свете и скажу, кто я такой на самом деле? Будет ли она любить меня и тогда?

Ведь в конце концов эта роза ничего еще не доказывает, да и что вообще может доказать цветок? Беспокойство ее сердца и только! Киприенна

просто чувствует себя покинутой теми, чей долг состоит в том, чтобы защищать ее с риском для жизни и чести, и поэтому хватается за первое же предложение помощи, как утопающий за соломинку. Причина ее согласия заключается в страхе, а не в любви. Хотя, с другой стороны, что я сделал для того, чтобы заслужить ее любовь? Разве не окружают ее сотни молодых людей, гораздо более красивых, умных и достойных, чем я?

Нет, с моей стороны было бы чистым безумием рассчитывать на ее любовь.

Лицо виконта еще больше омрачилось, но вскоре он нашел силы стряхнуть с себя эту печаль.

— Ну что ж, неважно! Я оправдаю ее доверие и независимо от того, любит она меня или нет, с радостью отдам за нее жизнь. Я буду счастлив, если она примет от меня эту жертву. Нет, я найду в себе силы и, даже если потерплю в этой борьбе поражение, то и тогда ни единым словом не дам ей понять, что умираю из-за нее!

Тем временем Киприенна вернулась домой с прогулки и под влиянием какого-то смутного подозрения сразу же устремилась к заветной шкатулке, где обнаружила записку следующего содержания:

«Благодарю за ту огромную радость, которую доставило мне ваше доверие. Завтра вы приглашены в дом графини Монте-Кристо. Обязательно примите это приглашение.

Ж. де ла Крус».

ГЛАВА XIV
Дорога в ад вымощена благими желаниями

Нини Мусташ вернулась в дом на Барьер-Пигаль.

На углу Шоссе д'Антэн Аврелия вышла из экипажа, предоставив Нини возможность в одиночестве добираться домой. Расставшись с подругой, Нини глубоко задумалась.

Энергичные слова Аврелии убедили ее и она пришла к мысли сразу же начать следовать ее советам, причем решила даже пойти еще дальше, ибо натуры такого рода обычно всегда склонны к крайностям.

Нини преисполнилась решимости одним прыжком перепрыгнуть через пропасть, отделяющую ее от того, что Аврелия изобразила ей в виде нового Ханаана.

Она захотела снова стать Селиной, Нини Мусташ должна была как можно скорее исчезнуть из памяти людей.

На первый взгляд это казалось довольно простой задачей.

Прежде всего надо было расстаться с прошлым.

Граф де Пьюзо разорился для нее и из-за нее. Если не в ее силах восстановить в полной мере все растраченное им в течение нескольких лет огромное состояние, то она по крайней мере сможет вернуть ему хотя бы подарки, которые все еще находились в ее распоряжении.

Примем ей необходимо вернуть их как можно быстрее, чтобы коварный Лежижан не смог помешать ее намерениям.

Вернувшись домой, она сразу же достала все банкноты, купоны, закладные и акции, — короче говоря все, чем владела благодаря щедрости графа, — и, вложив их в большой конверт, надписала на нем адрес графа де Пьюзо.

Затем она разложила перед собой все свои драгоценности, разделив их на две части, одну из которых составили менее ценные украшения, полученные ею от разных лиц. Все это должно было помочь ей начать новый образ жизни, обеспечив на первое время.

Другая, наиболее ценная часть драгоценностей, была получена Нини от графа, их следовало возвратить дарителю. Там были целые россыпи бриллиантов, рубинов, сапфиров, жемчугов и

изумрудов.

Примерив их в последний раз и насладившись игрой камней при ярком свете канделябров, Нини Мусташ с тяжелым вздохом заперла драгоценности в шкатулку, содержимое которой могли купить лишь два-три крупнейших ювелира Парижа.

Не откладывая дела в долгий ящик, Нини тут же написала короткую записку господину Клеману на Бульвар Капуцинов, и утром следующего дня достойный ювелир явился в особняк Нини точно в назначенное время.

Этому бизнесмену или скорее художнику, имя которого уже несколько раз упоминалось в ходе нашего рассказа, на вид было около тридцати лет.

Париж — город быстрого успеха, и трех-четырех лет оказалось для этого человека вполне достаточно, чтобы завоевать себе в столице заслуженно высокую репутацию.

Клеман был очень красивым мужчиной, которому весьма шел модный в то время романтический костюм.

Человек этот не был ни горд, ни тщеславен, на губах его всегда играла приветливая улыбка, а глаза смотрели решительно и твердо.

Внимательно осмотрев содержимое шкатулки, он заявил, что готов заплатить за все сто пятьдесят тысяч франков.

Драгоценности обошлись графу приблизительно в такую же сумму. Слегка удивленная щедростью ювелира, Нини Мусташ тут же выразила свое согласие уступить ему всю свою коллекцию украшений за эти деньги, и Клеман с поклоном обещал в тот же день привезти требуемую сумму.

Уже подойдя к двери, он внезапно обернулся и тихо проговорил:

— Возможно, сударыня, вопрос мой покажется вам нескромным, но не хотите ли вы продать также и свой дом.

Нини молча кивнула в ответ.

— Вы продаете дом со всей обстановкой? — осведомился Клеман. — Думаю, мы сможем также договориться о цене экипажей и лошадей. Возможно, вам известно имя покупателя, это один из моих лучших клиентов, виконт де ла Крус. Он как раз ищет такую возможность, но пока безрезультатно.

— Прекрасно, — весело отозвалась Нини Мусташ, — дело в том, что я собираюсь в длительное путешествие и поэтому ваше предложение

вполне устраивает меня.

— В таком случае, я пришлю к вам виконта, как только мне удастся переговорить с ним.

Весьма возможно, что Клеман хорошо знал, где найти своего богатого клиента, ибо не прошло и часа, как тот постучался в ворота особняка.

Осмотрев все, как и подобает аристократу, то есть едва окинув взглядом дом и сад, он не торгуясь предложил Нини двести пятьдесят тысяч франков.

Сделку в тот же день оформили у нотариуса, причем виконт де ла Крус подписал ее от имени вдовы Ламоро.

Вечером того же дня Нини Мусташ получила закладные на сумму четыреста тысяч франков, которые также вложила в конверт на имя графа де Пьюзо.

Вечером следующего дня дом должен был перейти к новому владельцу, и Нини решила переслать конверт графу в день своего отъезда, чтобы у того не осталось времени на ее поиски.

Она строго приказала слугам не принимать никого из посетителей, но Лежижан не зря владел золотым ключом, отпирающим все двери, и на следующее утро он беспрепятственно вошел в комнату Нини, занятой упаковкой последнего

сундука.

На вид Лежижану можно было дать от сорока до пятидесяти лет. Пестрый жилет его, по-видимому, сшитый из старинной шали, пересекала длинная золотая цепочка, а голубой фрак с золотыми пуговицами и нанковые панталоны завершали его наряд.

Все друзья и товарищи Лежижана, называли его, несмотря на злобное выражение лица, «добрым парнем», ибо этот подлый интриган в полной мере обладал главным качеством «доброго парня», заключающимся в наличии толстого кошелька.

Само собой разумеется, он одалживал деньги с расчетом, и если его многочисленные должники не могли вернуть долг, то он с удовольствием пользовался их услугами, в которых те не могли отказать ему, как человеку, охотно выручавшему их из денежных затруднений.

Таким образом, в распоряжении Лежижана со временем оказалась широкая сеть шпионов и осведомителей.

Знающий все обладает могуществом, а Лежижан был в курсе всего, что происходит в столице, от будуарного фарса до кровавой драмы в таверне.

Нини Мусташ предстояло стать противницей этого человека.

Увидев ее, он улыбнулся.

Поняв по этой улыбке, что ей предстоит серьезная борьба, Нини приготовилась оказать ожесточенное сопротивление.

— О, — проговорил Лежижан, притворяясь, что только что заметил стоящие на полу сундуки, — похоже, мы собрались совершить небольшое путешествие?

— Вы совершенно правы, — решительно ответила Нини.

Усевшись на одном из сундуков, Лежижан оперся подбородком о рукоять своей тросточки из слоновой кости.

— И вы ничего не сказали мне о своих планах? — помолчав осведомился он. — Вы поступили нехорошо, вспомните-ка, скольким вы мне обязаны!

Нини взглянула на него, как бы собираясь ответить, но вместо этого лишь слегка пожала плечами.

— И когда же вы собираетесь вернуться? — равнодушным тоном продолжал Лежижан.

— Я еще не знаю, — сухо ответила Нини Мусташ, опуская глаза и чувствуя, что вот-вот начнется

настоящая борьба.

Лежижан сурово нахмурил мохнатые брови.

Взгляд его бегал по сторонам, внимательно осматривая комнату, и наконец упал на конверт, адресованный графу де Пьюзо.

— А это что такое? — спросил он, быстро поднимаясь с места.

Нини Мусташ проворно заслонила от него конверт.

— Это не имеет к вам никакого отношения, — твердо проговорила она.

— Успокойтесь, моя дорогая, обойдемся без детских выходок, — дрожащим от ярости голосом произнес Лежижан, но тут же понял по поведению своей верной рабыни, еще вчера столь покорной его воле, что взял с ней неверный тон. Поэтому он тут же ласково добавил:

— Давайте останемся друзьями, так будет лучше для нас обоих.

— Право, тут нечего скрывать, — решительно сказала Нини, — я просто решила компенсировать графу де Пьюзо его издержки.

— Клянусь честью, все это за версту отдает театром, — иронично заметил Лежижан. — Право, малышка моя, Флористан испортил вас, слишком часто приглашая на театральные представления.

Поверьте мне, дорогая, трагедии вам не к лицу, для такой смышленой девушки, как вы, гораздо больше подходит веселая комедия. Впрочем, дело ваше. В конце концов, это ваши деньги, их вам подарили и вы можете делать с ними все что угодно.

Удивленная столь легкой победой, Нини почувствовала еще большее недоверие к своему противнику.

— И сколько же в этом конверте? — спокойно осведомился Лежижан.

— Четыреста тысяч франков!

Услышав этот ответ, Лежижан лишь презрительно улыбнулся.

— Четыреста тысяч франков! Такая безделица не спасет графа, а для вас это целое состояние.

Подойдя вплотную к Нини, он схватил ее за руку и решительно заговорил:

— Давайте объяснимся. Мне нужно было разорить графа де Пьюзо и я достиг своей цели. Неужели вы не понимаете, что если бы эти четыреста тысяч франков могли спасти графа, то я весьма быстро нашел бы способ пометать вашему намерению? Однако вы можете вернуть ему эти деньги, моим планам это все равно не помешает; если хотите, я могу даже проводить вас до дверей

его дома, раз уж вы решились показать столь прекрасный пример самопожертвования. Прошу вас лишь об одном — хорошенько все обдумайте!

Вся эта тирада была произнесена истинно отеческим тоном.

Нини с трудом верила своим ушам.

— Сейчас я пришел просто для того, чтобы сообщить вам, что не нуждаюсь больше в ваших услугах, — добродушно продолжал Лежижан. — Не так давно я начал замечать, что вы помогаете мне лишь по принуждению, поэтому в будущем вы все равно стали бы плохим инструментом в моих руках, и я решил обходиться в дальнейшем без вашей помощи. Ведь если люди так хорошо знакомы друг с другом, как мы с вами, то они всегда знают, насколько могут доверять один другому. Однажды мне в голову пришла хорошая мысль и сейчас я хочу доказать вам свое расположение, постаравшись помочь вам как можно лучше устроить ваше будущее.

Лежижан немного помолчал и, откашлявшись, продолжал:

— Я как раз собирался дать вам совет продать этот дом, ваши драгоценности, экипажи, короче говоря, буквально распродать все, чем вы владеете. Все это вы уже сделали. Отлично! Вырученная

сумма составила четыреста тысяч франков. Сумма эта, из расчета пяти процентов, даст вам годовой доход в двадцать тысяч франков, а с этими деньгами вы сможете даже в Париже жить весьма прилично. Я принес вам ключ от меблированного дома в Моро, который я снял для вас на имя госпожи Морель.

Положив ключ на стол, Лежижан добродушно продолжал:

— Человек, конечно же, должен думать обо всем, поэтому я сказал себе: «Если этот воображаемый господин Морель умрет и замужняя кузина Урсулы таким образом окажется вдовой, то что сможет помешать ей получить в наследство небольшую виллу с садом и цыплятами где-нибудь в Турени или Берри, подальше от Парижа? Что может помешать ей тогда переехать туда, где ее никто не знает и где доход в двадцать тысяч франков сделает ее, по местным понятиям, богатой женщиной? Дорогая Урсула будет жить вместе с ней спокойной и безмятежной жизнью». Вот о чем я думал, сокровище мое, но вы придерживаетесь другого мнения. Что ж, вы вправе поступать по-своему. Верните эти деньги вашему экстравагантному графу, а сами спите на соломе, предоставив свою сестру разнообразным

искушениям, но только не приходите ко мне жаловаться на судьбу с корзинкой старьевщицы за спиной, когда вы состаритесь, а ваша сестра станет разъезжать в шелках и бриллиантах.

С этими грозными словами Лежижан поспешно вышел из комнаты.

Нини Мусташ чувствовала себя совершенно уничтоженной и неподвижно сидела, пристально глядя на конверт. Перед ее мысленным взором явственно вставало будущее, красочно нарисованное коварным соблазнителем: уютный сельский домик, сад, огород, цыплята и любовь Урсулы.

Лежижан ушел, но на столе предусмотрительно оставил ключ от дома в Моро.

Нини Мусташ судорожным движением схватила адресованный графу конверт, сломала печать и, прижав к груди содержимое, разорвала конверт на мелкие клочки. Затем положила ключ в карман и, закутавшись в шаль, подобно воровке, осторожно выскользнула на улицу из собственного дома.

ГЛАВА XV
Надежда

(Из голубого дневника)

«Я уронила розу, дорогая Урсула, или, лучше сказать, сама не знаю как она выпала из кареты.

Сначала я рассердилась на эту случайность, которая невольно заставила меня сделать то, чего я вовсе не хотела делать.

Однако теперь я благодарна этой случайности, ибо мне все равно рано или поздно пришлось бы пойти на этот шаг.

Виконт дон Жозе де ла Крус на самом деле не виконт и носит другое имя.

Откуда он появился? Этого я не знаю. К чему он стремится? Об этом я знаю столь же мало.

Однако я знаю, я догадываюсь, верю и чувствую, что никогда еще ни в одной человеческой груди не билось более благородное сердце. Мне это подсказывает мой внутренний голос.

Он мой спаситель, он тот, кого я ждала, тот, кого я благословляю и люблю.

Вернувшись домой с прогулки, я нашла ответ на брошенную розу.

В этой короткой записке меня благодарили за доверие и просили поехать на прием, который должен состояться на следующий день в особняке графини Монте-Кристо.

После прогулки я чувствовала себя очень несчастной. Я ревновала!

В течение целого часа я сомневалась в нем, молча выслушивая злобные замечания в его адрес, которые эти люди делали в моем присутствии.

О, как я была несчастлива! Я продолжала сомневаться и потом, поэтому главной причиной моего визита в дом графини Монте-Кристо было желание дать ему возможность оправдаться в моих глазах.

Графиня устраивала у себя не бал, а простой вечер в саду, на который было приглашено около пятидесяти юных девиц, большей частью из числа воспитанниц монастыря Святого Сердца. В саду виднелись лишь одни белые платья с пурпурными и голубыми лентами.

— Кажется, мадемуазель Киприенне здесь не очень весело, — заметила графиня Монте-Кристо со своей обычной доброй улыбкой, — мы для нее слишком стары, а она слишком разумна, чтобы получать удовольствие от общества этих детей.

Я сделала попытку возразить ей и тут она ука-

зала на детскую книжку с картинками, которую я держала в руках в тот момент.

— Нарисованные цветы прекрасны, но они лишены жизни и аромата. Вы любите цветы, мадемуазель Киприенна, не так ли?

— Очень люблю, сударыня.

— Тогда позвольте предложить вам спутницу, — заявила графиня, подзывая к нам маленькую светловолосую девочку. — Сели, не согласишься ли ты прогуляться по оранжерее вместе с мадемуазель Киприенной? — спросила она у малышки.

— Да, с удовольствием, — ответила та, поднимая на меня свои большие глаза и доверчиво протягивая мне пухленькую ручку, — пойдемте же, мадемуазель, — весело добавила она.

Тут я обернулась, чтобы предупредить матушку и с удивлением увидела, что в глазах у нее стоят слезы. Матушка ласково кивнула мне и я последовала за Сели.

Случайно обернувшись назад, я заметила, что вышивка выскользнула у матушки из рук и она, тайком схватив руку графини Монте-Кристо, плача целует ее.

Я внимательно посмотрела на свою хорошенькую спутницу. Она была резва, как птичка, и

изящна, как лилия. Длинные белокурые локоны падали ей на плечи и временами она встряхивала ими с веселым смехом.

Мы подошли к дверям оранжереи.

— Должно быть, твоя мама очень любит тебя, малышка Сели, — невольно заметила я.

Лицо девочки стало печальным.

— Не знаю, — отвечала она, — мне так говорили, но я думаю, что если бы мама любила меня, то хоть изредка навещала бы свою дочь. Мне не нужна другая мама, кроме мамы Элен.

— А кто такая мама Элен?

— Мама Элен? Но это же графиня Монте-Кристо!

Бедное дитя! Оно невольно напомнило мне о моем собственном одиночестве в монастыре в Б…

— Так значит ты любишь только маму Элен? — спросила я снова.

— О нет, — отвечала Сели, — я люблю и других людей. Например, я люблю дядю Жозе и Розу, а также вас, потому что мама велела мне это, хотя в ее просьбе не было никакой необходимости.

— Тогда ты не откажешься поцеловать меня?

— С огромным удовольствием, — радостно воскликнула она.

Бросившись мне на шею с поистине детским восторгом, она чуть не задушила меня объятиями и поцелуями, а затем подхватила какой-то прут и, как безумная, устремилась снова на террасу.

Я молча смотрела ей вслед.

— Еще одна загадка! — сказала я себе, — но эта, по крайней мере, ничем мне не угрожает. Вот еще одно существо, которое я смогу полюбить.

Когда малышка скрылась за поворотом аллеи, я вошла в оранжерею.

Цветы, целое море цветов и грозди винограда, золотистого, как солнце, и розового, как утренняя заря.

Я шла среди этой чудной красоты, как во сне.

На одной из скамеек сидел виконт. Поднявшись, он робко приветствовал меня. Я совершенно уверена, что он тут же удалился бы прочь по первому моему слову, но в голове у меня было совсем другое.

— Вы хотели видеть меня, и вот я здесь, — произнесла я, протягивая ему руку для поцелуя, которую он осторожно взял за кончики пальцев, но тут же выпустил, так и не осмелившись прижаться к ней губами.

— Благодарю вас, — только и сказал он, не в силах вымолвить больше ни слова, но взгляд его

говорил о многом.

— Сделанный мною шаг доказывает мою уверенность в вашей преданности, которую я принимаю, — сказала я, — но должна признаться, что окружающая вас таинственность несколько пугает меня.

Замолчав, я почувствовала, что невольно краснею.

— Я связан определенными обязательствами, — просто ответил виконт, — и моя тайна не принадлежит мне, однако, я не утаю от вас ничего, касающегося лично меня.

— Да, у вас действительно много тайн, к числу которых относится и тайна в атласном платье, выехавшая вчера на прогулку в Булонский лес, — саркастически заметила я.

Посмотрев на меня с непритворным удивлением, виконт неожиданно улыбнулся доброй и чуть трогательной улыбкой.

— Так это причиняет вам беспокойство? — вскричал он. — Но это же женщина с разбитым сердцем, ее не может любить никто — ни я, ни кто-либо другой.

Нахмурившись, он печально добавил:

— Мадемуазель де Пьюзо, я предложил вам свои услуги и вы любезно согласились принять их.

Услуги эти уже оплачены столь дорогой ценой, о которой я не смел и мечтать, ведь я отлично знаю и вы тоже должны узнать, что наивысшей наградой для меня является разрешение служить вам. Прячущемуся в траве насекомому позволено смотреть на звезды на небе и наслаждаться их великолепием. Однако с его стороны было бы чистым безумием расправить крылышки и воскликнуть:

— Я поднимусь в небо выше орла, я долечу до звезд!

И если случайно на это бедное маленькое создание упадет милостивый луч света звезды, разве не его долгом будет тогда сказать:

— Ты ошиблась, звезда! Я не орел, я лишь жалкий червяк!

Помолчав немного, он взволнованно продолжал:

— Вот что я хотел сказать вам, мадемуазель де Пьюзо. Тайна, которую я не могу открыть вам, ибо она принадлежит не только мне, дала мне видимость богатства, а также имя, на самом деле мне не принадлежащее. Вы считаете меня дворянином, а я всего лишь брошенный крестьянский сын. Вы думаете, что я богат, но даже этот факт не принадлежит мне. Вам кажется, что я имею

большое влияние, но все это влияние исходит от того лица, чьим слугой и послушным орудием я являюсь; даже предложенная вам защита — лишь часть доверенной мне миссии, а поэтому примите эту помощь, не думая, что обязаны мне больше, чем лакею, подающему вам плащ после бала. В действительности я не больше, чем слуга. Я точно так же подчиняюсь приказам и счастлив, когда они совпадают с моим желанием.

Внимательно посмотрев на него, я тихо сказала:

— Так вы с радостью сделали бы это по своей воле? Вы хотите отдать мне все, не получив взамен ничего? Ничего, даже благодарности моего бедного сердца? Но ведь это не смирение, а гордость! Почему вы стараетесь умалить свои заслуги в моих глазах? Нет, дон Жозе, я доверяю вам и требую от вас еще большего доверия. Вы сказали: «Доверьтесь мне и будете спасены».

И вот я пришла, протянув вам руку со словами: «Я верю вам, спасите меня!» Говорю вам теперь совершенно определенно: я не хочу спасения ни от кого, кроме вас! Предложенное вами покровительство вовсе не унижает меня, напротив, оно поднимает меня в собственных глазах, поскольку я теперь знаю, что в основе его лежит не только

жалость. Я готова опереться на вашу руку с величайшим доверием. Тот неизвестный, кто, по вашим словам, отдает вам приказы, внушает мне невольный страх; мне ничего от него не надо, зато от вас я готова принять все.

Виконт был очень бледен, на лбу у него выступили крупные капли пота, а руки дрожали нервной дрожью.

— Ах, Киприенна, — вскричал он дрожащим от волнения голосом, — если бы вы только знали, каким восторгом наполнили бы ваши слова мое сердце, если бы я только осмелился понять их. Но нет, этого не может быть. Между нами лежит непреодолимая пропасть: мое рождение и моя бедность. Мне остается лишь единственное счастье — защищать и оберегать вас. Как только работа моя будет закончена, а судьба ваша обеспечена, виконт де ла Крус перестанет существовать. Я сброшу чужое имя и чужие одежды. Я исчезну, унося с собой, подобно вечному сокровищу счастья, сознание того, что какое-то время был вам полезен. И вы тоже сохраните в своем сердце воспоминание о виконте де ла Крус, даже не зная, кто я такой на самом деле, чем занят и под каким небом живу. И это, помимо сознания того, что вы счастливы, будет единственной на-

градой, которую я заслужу.

В глазах у меня стояли слезы. Это были слезы печали.

Взяв меня за руку, он продолжал более мягким тоном:

— Подумайте, Киприенна, вы так красивы, знатны и богаты! Ваши неизвестные друзья, чьим скромным орудием я являюсь, с вашей помощью, несомненно, отговорят вашего отца от его теперешних намерений. Храните же этот тройной дар красоты, знатности и богатства. Рано или поздно вы повстречаете на жизненном пути человека, равного вам во всех отношениях, и обретете тогда заслуженное счастье. Что же касается меня, то тогда я буду уже далеко отсюда, но вы сохраните обо мне доброе воспоминание как о брате, как о любящем вас друге, чья судьба — жить в печальном одиночестве.

— О, вы слишком жестоки, раз думаете, что я смогу быть счастлива, зная, что вы одиноки и несчастны! После ваших слов моя знатность и богатство внушают мне лишь отвращение!

Услышав эту отчаянную тираду, он лишь печально покачал головой.

— Но я вовсе не буду несчастлив, ибо выбранная мною дорога трудна и опасна; тяжелые

испытания не оставят мне времени для печалей и сожалений. Нет, Киприенна, воспоминания об исчезнувшем счастье мучат лишь слабых и злых. Память о нашей встрече укрепит меня в настоящем и даст новую надежду в будущем. Издалека я буду наблюдать за вами, вы станете моей путеводной звездой, придавая мне силы и даруя утешение.

Вот слово в слово весь наш разговор, дорогая Урсула.

Я испытываю к виконту безграничное доверие и убеждена, что ему удастся спасти меня.

О, с какой радостью я пожертвовала бы знатным именем и богатством ради любви дона Жозе!

Но нет! Он знает, что никогда не полюбит меня и поэтому создает между нами искусственные преграды. Все знают, что он богат, а чтобы убедиться в его благородном происхождении, достаточно хотя бы лишь раз увидеть его. Он обманывает меня из жалости, притча о червяке относится не к нему, а ко мне самой.

Хорошо, пусть будет так! Я стану действовать так же, как он, и когда спасусь с его помощью, то постараюсь оказаться более достойной такого человека. Я не выдам своих страданий ни еди-

ным вздохом, ни единой жалобой, я не пролью ни единой слезы, я просто буду молча любить его до самой смерти.

На небе сверкают звезды и я снова думаю о бедном червяке. О, будь у меня крылья, я скоро долетела бы до вас, нежные, веселые и всегда дружелюбные огоньки! Но звезды так далеки от меня и у меня нет крыльев! Но все же на меня падают лучи их света, рассеивая окружающие меня мрак и молчание.

Прощай, Урсула! Мне хочется плакать, но никогда еще не была я так счастлива, никогда еще не было у меня так легко на сердце!

ГЛАВА XVI
Муж и жена

Несмотря на спокойствие, проявленное Киприенной в присутствии матери, графиня де Пьюзо не дала обмануть себя уверениями, сделанными ее дочерью в минуту необдуманного воодушевления.

На совести бедной женщины лежал уже такой тяжелый груз, о котором мы вскоре узнаем, что она ни в коем случае не хотела увеличивать его еще больше, видя свою дочь несчастной. Поэтому она решилась сделать все возможное, чтобы уберечь Киприенну от горя.

Наконец, как ей показалось, для этого настал подходящий момент.

С каждым днем граф де Пьюзо, по-видимому страдавший от каких-то тайных переживаний, становился все более ласков с женой и дочерью.

Нини Мусташ, ради которой он пожертвовал буквально всем, порвала с ним всякие отношения и это повергло графа в глубочайшее уныние, ибо ему, как и всякому слабовольному человеку, необходимо было иметь рядом с собой любящее

существо, в привязанности которого он мог бы черпать все новые и новые силы для борьбы с жизненными испытаниями.

Он верил, — да и какой одинокий страдалец не стал бы на его месте питать подобных иллюзий, — что Нини Мусташ действительно любит его.

Ему казалось, что он сумел завоевать ее преданность, но внезапно граф увидел себя покинутым именно в тот момент, когда любовь этой женщины могла бы стать для него единственным утешением в жизни.

Поэтому, когда жена попросила его переговорить с ней по важному вопросу, он сразу же согласился на это без всяких возражений.

Граф встретил жену, лежа на диване в полутемном кабинете с приспущенными шторами.

— Чему я обязан чести вашего визита, сударыня? — спокойно осведомился он.

— И ты еще спрашиваешь? Разве ты не страдаешь?

— Это действительно прекрасная причина для визита, — с горечью проговорил граф, — но сейчас мы одни, нас никто не слышит и вы можете говорить со мною более откровенно.

— Ах, я пропала! — прошептала графиня, — ты

никогда не простишь меня.

Ее муж быстро вскочил с дивана.

— Я не Господь Бог, который прощает все, сударыня, запомните это раз и навсегда! — резко произнес он, а затем спокойно продолжал своим обычным легкомысленным тоном:

— Хватит трагедий! Прекрасно известно, что обманутые мужья принадлежат к комическому репертуару! Любовник — вот это герой, а муж — тот, обычно, дурак. Кроме того, вина целиком лежит на мне. Я был богат и во всем удовлетворял требования своей семьи. Я заботился о нашем будущем — от всего этого человек обычно становится сварливым и неприятным. Мой же соперник, напротив, был поэтичен, как сон в летнюю ночь, молод, почти мальчик, и беден, как пастух из сказки. Ты просто не могла принять другого решения и с моей стороны было глупо на что-то рассчитывать.

Помолчав немного, граф стал нервно расхаживать по комнате.

— Все было на стороне этого бездельника, даже его романтическая смерть в изгнании…

Услышав эти жестокие слова, графиня смертельно побледнела.

— Пощади, Лоредан! — с отчаянием вскричала

она. — Не оскорбляй память несчастного шевалье д'Альже!

— И ты его еще защищаешь? — сердито отозвался граф. — Значит, ты все еще любишь его?

— Разве я его когда-нибудь любила? — вздохнула его супруга, — ах, пусть мертвые спят спокойно, не будем тревожить их сон.

— Выходит, он был прав, а я виноват во всем? — саркастически заметил граф.

— Нет, Лоредан, во всем виновата я одна. Упрекай во всем меня, увидишь, я не стану возражать и жаловаться. Разве я когда-нибудь приходила в негодование от твоих упреков? Наоборот, я всегда благословляла карающую меня руку, но не оскорбляй память шевалье д'Альже. Не делай несчастной навеки мою дочь, твою Киприенну!

— Моя Киприенна! — негодующе пробормотал граф, — моя Киприенна! Как вы смеете произносить это имя в моем присутствии? Неужели вы хотите…

Тут он страшным усилием воли заставил себя замолчать, но вскоре продолжал гораздо более спокойным тоном:

— Выслушайте меня, сударыня; ошибка, ответственность за которую сначала целиком лежала только на вас, стала нашей общей. Сегодня я

чувствую себя не менее преступным, чем вы, и единственное наказание, которому я могу вас подвергнуть, заключается теперь в том, чтобы продемонстрировать вам всю глубину пропасти, в которую вы нас столкнули. Падение знатной и богатой семьи напоминает разрушение гигантского здания. Не важно, как старо это здание, но пока фундамент его цел, все остается на своих местах. Однако стоит разрушить этот фундамент, как все здание тут же рушится. Я сам разрушил благосостояние дома де Пьюзо, но первый камень вынули именно вы, сударыня, вы сделали это своими собственными белыми ручками с розовыми ноготками!

Графиня сделала попытку заговорить, но муж движением руки заставил ее замолчать и с жаром продолжал свою речь:

— Вы сами вызвали меня на объяснение, поэтому прошу не прерывать меня. По правде говоря, — я должен сказать все, упомянув даже то, что может послужить вам в качестве оправдания, — приняв решение жениться на вас, я слишком мало думал о ваших чувствах. Вдовствующая маркиза де Симез, ваша единственная родственница и опекунша, всячески содействовала нашему браку. Госпожа де Симез,

познакомившаяся с моим отцом в годы эмиграции и полюбившая меня, как родного сына, решила обеспечить наше счастье, поженив нас. В качестве свадебного подарка она подарила нам свои поместья в Вандее, Пуату и Бретани.

До этого вы никогда не видели меня, я тоже совсем не знал вас, ибо вы безвыездно провели детство и юность в одном из отдаленных поместий своей тетушки. Однажды вечером в Симез прибыл в почтовом экипаже молодой человек двадцати пяти лет и ваша тетушка сказала вам: «Ортанс, это ваш будущий муж».

Облаченный в мундир мэр уже ждал нас, в качестве свидетелей было приглашено несколько местных крестьян, а приходский священник обвенчал нас в маленькой часовне замка. Со своим мужем вы смогли познакомиться лишь за свадебным обедом. Вы были тогда очаровательны, но слегка застенчивы и очень молоды. В тот же вечер, сразу же после десерта, мне пришлось уехать. Человек, чье имя вы отныне носили, сел в почтовую карету и отбыл в Сен-Назар, где его ждал корабль, отплывающий в Англию. Важная миссия, возложенная на него новым правительством, призывала его в Лондон. Кроме того, вы были еще слишком молоды для семейной жизни,

так что наша свадьба оказалась, по существу, лишь помолвкой. Наша совместная жизнь должна была начаться только через полгода, после завершения моей миссии.

Помолчав немного, граф продолжал говорить:

— Как видишь, Ортанс, я не пытаюсь оправдаться перед тобой. Да, я женился на тебе из честолюбия, почти по принуждению и совершенно тебя не зная. Ты тоже вынуждена была склониться перед волей маркизы де Симез. Я не упрекаю тебя за неверность, а лишь за то лицемерие, с которым ты постаралась ее скрыть. Если бы ты сказала мне после возвращения из дипломатической поездки: «Господин де Пьюзо, я ваша жена лишь по имени, но не по любви. Вы вместе с моей тетушкой злоупотребили моей молодостью и я вышла за вас против своей воли», — то я, конечно же, почувствовал бы себя несчастным, но у меня не появилось бы основания проклинать тебя, как я делаю это сейчас.

Графиня хотела что-то возразить, но муж, не дав ей сказать ни слова, заговорил вновь.

— Но нет, вы встретили меня веселой улыбкой, со всей нежностью молодой жены, радующейся приезду любимого мужа и в течение нескольких месяцев я думал, что обрел столь редкое

счастье в браке, заключающееся во взаимной близости сердец. Однако через полгода я узнал о тайном пребывании в замке во время моего отсутствия шевалье д'Альже и о вашей с ним связи, неопровержимо доказанной преждевременным рождением Киприенны.

Услышав это обвинение, графиня горестно покачала головой, но промолчала, и муж ее с горечью продолжал:

— О, я все прекрасно помню! Сперва я не делал никаких попыток объяснить свое отвращение к жене и дочери, за что все вокруг в один голос порицали меня. Я молча сносил эти упреки, предпочитая несправедливость позору нашей семьи. Меня называли плохим мужем и жестокосердным отцом. Тогда, как впрочем и теперь, я давал вам возможность разыгрывать из себя мученицу, но ситуация меняется, когда мы беседуем с вами с глазу на глаз, без свидетелей. Позвольте же мне выразить вам свое презрение, когда вы пытаетесь пробудить во мне жалость, говоря о судьбе МОЕЙ дочери, позвольте же мне выразить свой гнев, когда вы защищаете память вашего любовника от моей справедливой ненависти.

— Шевалье д'Альже никогда не был моим любовником! — в отчаянии вскричала графи-

ня, — Киприенна действительно твоя дочь и да поможет мне Бог вынести твои несправедливые обвинения.

— Да что вы говорите? — яростно воскликнул граф. — Неужели вы осмелитесь утверждать такое даже после того, как прочтете вот это?

С этими словами он бросился к своему письменному столу и, открыв потайной ящик, выхватил оттуда аккуратно сложенный лист бумаги.

— Узнаете ли вы это? — дрожа от гнева спросил граф.

— Да, — зарыдала несчастная Ортанс, закрывая лицо руками.

— Слушайте же, что гласит это таинственное послание без даты и без подписи, — произнес граф и начал читать письмо, которое гласило:

«В какую пропасть толкнул ты меня! Что будет, когда он вернется? Последствия нашего преступления столь очевидны, что я не смогу скрыть их от него…»

— «Он» — это я, — заметил граф с горькой улыбкой и, продолжал чтение:

«… Услышь же мой крик отчаяния, он вызван страшной необходимостью. Голова моя в огне, каждую минуту я готова лишиться сознания. Ты толкнул меня на преступление и все мои надеж-

ды на спасение связаны только с тобой!»

— Надеюсь, вам все ясно? — осведомился Лоредан де Пьюзо. — Или мне надо прочесть следующую записку, известную вам не хуже первой? В ней вы сообщаете своему сообщнику о рождении дочери, той самой, которую вы называете МОЕЙ дочерью Киприенной! Говорите же! Постарайтесь оправдаться, придумайте какую-нибудь правдоподобную ложь. Защищайтесь! Защищайте этого благородного шевалье д'Альже! Попытайтесь доказать, что эти письма — подделка, или что я неправильно понял их смысл. Я жду ваших объяснений, сударыня, мне действительно очень хочется услышать ваш ответ.

— Могу сказать только то, что эти письма действительно написаны мною, — прошептала графиня, — но Киприенна действительно ТВОЯ дочь, а шевалье д'Альже ни в чем не виноват перед тобой.

— Так значит, несчастная… — громко закричал граф, но тут же замолчал, дав еще одно доказательство своего замечательного самообладания.

— Неважно, как звали вашего сообщника, — продолжал он, взяв себя в руки, — результат все равно один и тот же. И результат этот заключается в том, что меня толкнули в пропасть; у меня нет

больше ни честолюбия, ни мужества, ни любви. Да, Ортанс, я мог бы любить тебя. О, сколько сил я мог бы почерпнуть в этом священном чувстве! Но нет! Наш домашний очаг погас навсегда, между нами выросла непреодолимая стена недоверия. Я стал печален, я забыл мечты о славе и счастье. Неужели же я должен был трудиться ради дитя греха? С какой стати? Вместо семейных радостей я вынужден был отказаться от священных для каждого объятий жены и дочери, и в этом роскошном особняке, где целыми днями снуют толпы слуг, где ты сияешь, как королева, в этом доме, вызывающем всеобщую зависть, я вынужден жить в полном одиночестве!

Граф наконец замолчал. Жена не осмеливалась прервать его ни единым словом и вскоре он заговорил снова:

— С этого самого времени — и именно здесь начинается моя ошибка, ошибка, главную ответственность за которую несешь ты, — я начал искать на стороне то, чего не смог найти у себя дома. Счастье было потеряно навсегда, я гнался лишь за его тенью, причем в этой погоне растерял буквально все: свою физическую и моральную энергию, свою кровь, сердце, ум, состояние и честь. Тебе не в чем мне завидовать, Ортанс,

сейчас я не менее жалок, чем ты, и мы можем смело смотреть друг другу в глаза. Подобно каторжникам, скованным одной цепью, нам нечего стыдиться друг друга.

— Но почему за наши ошибки должно расплачиваться бедное невинное дитя? — в отчаянии воскликнула графиня. — Ты говоришь, нам грозит разорение, но что из того? Ведь благодаря ему мы сможем искупить свою вину, это наказание, ниспосланное нам Богом. Ты прав, Лоредан, во всем виновата лишь я одна. О, если бы ты только мог представить степень моей вины, она гораздо больше, чем ты думаешь. Но нам необходимо мужество, друг мой! Надо найти в себе силы спокойно подчиниться судьбе и спокойно принять участь, уготованную нам за наши грехи. У тебя есть долги, Лоредан. Ну что же, мы их заплатим, даже если для этого мне придется пожертвовать последним бриллиантом и своим трудом зарабатывать на жизнь. Давай забудем о прошлом, я хочу сохранить о нем лишь одно воспоминание — воспоминание о моей ошибке и о вызванном ею несчастье. Я всегда буду помнить об этом, так же как и о твоем великодушии.

Помолчав немного, графиня продолжала свой страстный монолог:

— Я прошу прощения не ради себя, ибо чувствую себя не достойной снисхождения, но только ради нее, Лоредан, ибо после моей смерти она узнает страшную тайну моей жизни и тогда ты, возможно, пожалеешь о столь поспешно принятом решении, и несчастье Киприенны станет для тебя жестоким укором.

— Но разве ты и после всего этого не расскажешь мне правды, Ортанс? — настойчиво произнес граф. — Что же было в твоей жизни столь ужасного, что этот поступок превосходит даже позор твоей первой ошибки?

— Прошу тебя, Лоредан, не расспрашивай меня больше! — запинаясь произнесла графиня, — я не могу и не должна давать тебе дальнейших объяснений, чтобы не вызвать тем самым нового непоправимого несчастья, ответственность за которое целиком ляжет на мои плечи. Поверь, совесть моя и так уже изнемогает под грузом вины. Знай только и помни, что Киприенна действительно твоя дочь, что ты должен оберегать и защищать ее. Верь моим словам больше, чем этим письмам. Они доказывают мою ошибку, но даже если бы они не доказывали ее столь очевидно, я все равно призналась бы тебе в ней и, находясь на смертном одре, сказала бы тебе:

«Лоредан, прокляни меня, но люби и уважай свою дочь Киприенну!»

— Я верю вам, сударыня, — произнес граф. — Ситуация вам хорошо известна. По моему мнению, брак Киприенны является нашим единственным спасением, но если вы считаете, что этому препятствуют какие-то тайные причины, имеющие для вас решительное значение, то назовите их мне. Завтра Киприенна должна дать мне ответ, который я сообщу барону Матифо. Сообщите ей о моем решении. Каков бы ни был ее ответ, к ее решению отнесутся с должным уважением.

Графиня хотела поцеловать руку мужа, но он быстро отдернул ее, утомленно проговорив:

— Оставьте меня, я устал от жизни и не благодарите меня, вы мне ничем не обязаны, я согласился на вашу просьбу не по доброте или убеждению, а лишь по причине усталости.

— Слава Богу! — прошептала графиня, выходя из комнаты, — Киприенна спасена!

ГЛАВА XVII
Новый тиран

Итак, несчастной женщине удалось успешно выполнить первую часть своей задачи, однако, перед ней тут же возникло новое и совершенно непредвиденное препятствие в лице полковника Фрица.

В наглухо застегнутом сюртуке, с твердо сжатыми губами, он, нахмурившись, ждал в гостиной окончания беседы между супругами, о содержании которой он сумел быстро догадаться.

Увидев графиню, с радостной улыбкой входящую в комнату, он заподозрил, что успех его замысла находится под большой угрозой и тут же решил, что сможет восстановить свои позиции лишь ценой смелой и быстрой атаки.

— Победа или смерть! — таков был боевой клич этого страшного торговца человеческими душами.

Приблизившись к графине решительными твердыми шагами, он коротко произнес:

— Я должен поговорить с вами, Ортанс.

— Что вам угодно, сударь? — осведомилась она

дрожащим от волнения голосом.

— Вы это скоро узнаете, графиня, — ответил он, почти насильно ведя ее под руку в ее же собственный будуар.

Войдя туда, графиня почти без сил опустилась в кресло-качалку.

Тщательно проверив, заперты ли двери, полковник неторопливо уселся напротив графини и спокойно произнес:

— Ортанс, я хочу, чтобы наша дочь была богата.

— Наша дочь!

— Да, сударыня, НАША дочь. Вы напрасно пытаетесь скрыть ее от меня. Уверяю вас, рано или поздно я ее все-таки найду, даже если для этого мне придется обследовать все пансионы и школы Парижа, а пока я просто ограничусь защитой ее интересов, ибо не хочу, чтобы ее оттеснила ее сестра Киприенна де Пьюзо.

— Ее сестра! — горестно воскликнула графиня. — Вы же отлично знаете, что это неправда.

— По крайней мере, по матери они действительно сестры, сударыня, — холодно заметил полковник, — и по этой самой причине она имеет право на половину состояния своей матери. У меня есть письменные показания доктора Туанона,

присутствовавшего при рождении Лилы, а также свидетельство воспитавшей ее четы Жоссе. Нет ничего легче, чем доказать ее личность.

— Но чего же вы хотите? Каковы ваши требования?

— Я прошу вас лишь об одном: защитите интересы нашей дочери и не вынуждайте меня идти на скандал.

Графиня сделала попытку заговорить, но непроницаемая холодность полковника заставила слова замереть у нее на устах.

— Выслушайте меня, сударыня, — спокойно продолжал он, — как видно, мы по-разному понимаем родительскую любовь. Право не знаю, известна ли вам притча об одной ловкой и хитрой птичке. Обычно она откладывала яйца в гнезда других птиц, например, соловьев, но это вовсе не значило, что она бросала свое потомство на произвол судьбы. Сидя на соседнем дереве, она наблюдала за их ростом. Но по мере роста животным требуется все больше и больше пищи, поэтому птенцу стало мало того, что ему приносили приемные родители, ему нужна была вся пища, приносимая в гнездо. И тут его настоящая мать пришла ему на помощь, выбросив из гнезда птенцов соловья, погибших на земле жалкой

смертью. Не подумайте обо мне плохо, графиня, если я последую примеру, указанному мне самой природой. Я считаю вас слишком благоразумной женщиной, чтобы оскорбить вас дальнейшими комментариями к этой забытой басне Ла Фонтена.

— По правде говоря, вы умело взялись за выполнение своей задачи, — с горечью заметила графиня. — Ловко использовав написанные вам после рождения Лилы письма, которые я доверила вашей порядочности, вы заставили отца Киприенны усомниться в его отцовстве. Сейчас он относится к ней, как к незаконнорожденному ребенку, но почему же вы не боитесь, что загнанная вами в угол жертва не позовет на помощь? Что, если я решу рассказать обо всем мужу?

Покачав головой, полковник злобно рассмеялся.

— А вот этого я совсем не боюсь, — уверенно ответил он, — ибо таким образом вы лишь подвергли бы графа серьезной опасности. Ведь он сразу же вызвал бы меня на дуэль, с которой ему никогда не вернуться живым.

— О нет! — горестно воскликнула несчастная женщина, — я не сделаю этого и вы прекрасно знаете, что я не осмелюсь ничего предпринять.

Как я смогу признаться в том, что некогда доверяла такому человеку? Ведь это принесло бы мне лишь новый позор и унижение. Любить вас — вас, предателя и вора! Лучше сто раз умереть, чем открыто признаться в этом!

— Я рассчитывал именно на это, — с саркастическим поклоном заметил Фриц, — и весьма благодарен вам за высокую оценку моей личности и, в особенности, моих планов.

Графиня встала с выражением величайшего презрения на лице; глаза ее ярко сверкали, грудь тяжело вздымалась, она была просто великолепна в своем негодовании.

— Вот все, на что я могу рассчитывать, — тихо проговорила она, — ничего, кроме злобной иронии. Это не человек, а змея. Несмотря на все его усилия, он навсегда обречен лишь ползать, ему не надо взлететь, он не создан для полета. Другие даже в позоре и унижении сохраняют иногда силу, смелость и мужество, он же всегда подл и низок.

— Берегитесь, сударыня, чтобы я не перешел в разговоре с вами на другой тон, ваш гордый презрительный вид не обманет меня. Советую вам не сердить человека, который легко может сломать вас, как соломинку. Помните, что благодаря

существованию вашей Киприенны и вашего графа у меня есть бесконечно много возможностей мучить вас, ведь ваш характер мне прекрасно известен.

Помолчав немного, он продолжал своим обычным насмешливым тоном:

— Вы назвали меня змеей? Ну что ж, при необходимости я стану ей. О, вы еще не знаете, как сильно я ненавижу всех вас, но я не буду даже пытаться оправдать эту ненависть. Хорошо это или плохо, но я таков, каков есть и другим мне не стать уже никогда.

Возможно, мать вскормила меня не молоком, а желчью. Я, как и все, был молод, возможно, красив и даже богат, но клянусь вам, что даже в годы своего процветания я всегда кому-то завидовал. Сотни тысяч франков годового дохода, любовница — графиня, титул герцога или пэра, — всего этого было для меня слишком мало. Во мне живет дух Цезаря Боржиа. Почему только я не родился в то время, когда шпагой искателя приключений можно было выкроить целое герцогство или даже королевство! Я стал бы тогда великим человеком, вы бы любили меня и восхищались моими подвигами!

Пройдясь несколько раз по комнате, он резко

остановился перед графиней.

— Я ни в чем не обвиняю общество, — продолжал он, — хотя я был рожден победителем, а общество превратило меня в искателя приключений. Что станет со мною? Что станет с душою Катилины в телесной оболочке современного человека? Я часто думал об этом. Времена Брута давно прошли, сейчас такого человека послали бы на гильотину, как простого негодяя и преступника, но все же Париж может предоставить широкое поле деятельности, даже сейчас умный и энергичный человек может добиться здесь многого, только теперь успех — это удел не самого сильного, а самого хитрого. Именно такого положения я и достиг, в моих руках целая армия, хотя на первый взгляд я лишь один из ее рядовых. Кажется, что я служу в этой армии, но на самом деле это она служит моим интересам. Сейчас я стою на пороге вашего, а значит и своего триумфа.

Графиня, казалось, не поняла значения его последних слов, но прежде, чем она успела задать вопрос, полковник снова заговорил:

— Теперь вы стоите на моем пути в надежде, что я вас не уничтожу. Вам известна моя тайна и у вас есть выбор — подчиниться мне или потерпеть сокрушительное поражение. Я говорю вам

это лишь для того, чтобы вы как можно лучше поняли необходимость принятия окончательного решения, ибо, предупреждаю вас, никакая слабость с моей стороны не помешает мне наступить вам на горло.

Нини Мусташ оказалась совершенно права. Этот человек действительно был прекрасным актером, и графиня с глубоким ужасом слушала его страшные признания.

Полковник Фриц тем временем артистически держал паузу, являясь в собственных глазах олицетворением духа зла.

Сочтя наконец, что слова его произвели на графиню достаточно сильное впечатление, он вытер пот со лба и заговорил вновь.

— Было время, когда я думал, что смогу стать другим. В течение нескольких месяцев я ощущал в себе эту надежду и чудом этим был обязан тебе, Ортанс. Тогда я готов был отказаться от всех своих планов ради одной твоей улыбки.

Я познакомился с шевалье д'Альже в период его изгнания, когда он невыразимо страдал от несчастной любви. Он умер у меня на руках и последнее его слово было обращено к тебе. Я согласился передать тебе его последний привет, его последнее прости. Так я познакомился с тобой и,

увидев тебя, сразу же сказал себе: «Эта женщина должна полюбить меня».

Вы были очень несчастны. Граф откровенно пренебрегал вами, вы были разлучены с дочерью. При живом муже вы стали вдовой. Доверие к другу несчастного шевалье сыграло роковую роль в вашей жизни, но клянусь, я так любил вас, что чуть было снова не стал порядочным человеком. Помните ли вы, с какой радостью отнесся я к рождению Лилы? Я, который до встречи с вами знал лишь одну ненависть! Тогда я с радостью сказал себе: «Так вот что такое настоящая любовь!»

Однако такое счастье не могло продолжаться слишком долго. Вы изводили меня своими сожалениями и упреками. Я думал, что своей любовью вы загасили в моем сердце последнюю искру ненависти, но вместо этого встреча с вами заставила меня еще ближе познакомиться с этим чувством.

Да, я действительно ненавижу вашего мужа. Я ненавижу его, ибо он был единственным препятствием на пути к моему возрождению. Я ненавижу его, ибо он никогда не мог и не хотел понять вас, Ортанс. Я ненавижу его, ибо это по его вине мне приходится причинять вам зло. Угрызения совести отдалили вас от меня, возможно,

заставив вернуться к мужу. Я решил тогда вырыть между вами непреодолимую пропасть. Для меня годилось все — даже откровенная клевета и постыдные ложные обвинения. Из тех писем, которые вы мне написали, я добыл ужасные доказательства против вас и шевалье д'Альже. Да, я сделал это и не испытываю никаких сожалений. В душе моей теплится сейчас лишь один огонек — это любовь к моей дочери Лиле.

Но вы сумели, воспользовавшись этой любовью, заставить меня терпеть невыразимые страдания.

Лилу у меня похитили и теперь вы хотите, чтобы я простил вам это? Неужели вы так наивны? Ну что же, я сторицей отплачу вам за свои страдания из-за дочери, заставив вас мучиться из-за Киприенны.

Мне нужно имя графа де Пьюзо, мне нужны миллионы барона Матифо, мне нужны знатность и богатство, ибо всем этим я увенчаю свою Лилу и, будьте уверены, я сумею получить то, что хочу.

Однако для достижения этой цели мне нужно послушное орудие и орудием этим станет Киприенна. Сегодня она для меня лишь средство, но если завтра она станет препятствием на моем пути, то считайте ее погибшей.

Впрочем, многое зависит от вас, сударыня. Если для вас еще и существует какой-нибудь выход, то будьте уверены, что он заключается лишь в одном слове — повиновение.

С этими словами полковник торжествующе поклонился и вышел из комнаты.

После его ухода графиня де Пьюзо вздохнула с облегчением.

Что грозит ее дочери Киприенне в случае, если та откажется подчиниться? Этого графиня не знала, очевидно было лишь одно: ради успеха своего плана полковник Фриц готов на любое преступление.

К кому же ей обратиться за помощью? Быть может, к мужу? Но что может сделать такой слабый человек против энергичного обманщика и негодяя?

Для нее остается лишь один выход: подчиниться во всем своему новому тирану.

ГЛАВА XVIII
Потеря надежды

(Из голубого дневника)

Уже целую неделю я встречаюсь с родителями только за столом, причем батюшка появляется в столовой очень редко и почти всегда молчит, а матушка выглядит более печальной и подавленной, чем когда-либо.

Лишь один полковник Фриц совсем не изменился. Похоже, от меня ждут решительного ответа. От виконта я не получала никаких известий с тех пор, как виделась с ним, возможно, в последний раз, в оранжерее графини Монте-Кристо. Неужели он тоже покинул меня?

Сегодня утром ко мне снова явился Флоран с сообщением, что отец хочет говорить со мной.

Можешь себе представить, как я волновалась, идя к отцу. Какой дать ему ответ? Этого я и сама не знала.

Матушка была уже в отцовском кабинете и беседовала с отцом.

— Ждать больше нельзя, — сказал он ей, — каков бы ни был ваш ответ, сударыня, он должен

быть дан уже сегодня. Как вы знаете, я решил доверить вам с Киприенной судьбу нашего семейства. Посоветуйтесь между собой и сообщите мне ответ, который я должен передать барону Матифо.

Итак, я была спасена — матушке удалось преодолеть упорство отца!

— Ах, матушка! — только и смогла воскликнуть я.

— Одну минуту, Киприенна, — матушка была так взволнована, что язык с трудом повиновался ей.

Отец тем временем стоял у камина, молча наблюдая за нами.

— Дочь моя, — сказала наконец матушка, — веришь ли ты, что я люблю тебя и ради твоего счастья готова пожертвовать жизнью?

Я тут же ответила согласием.

— Ведь ты доверяешь мне и не сомневаешься, что тот ответ, который я попрошу тебя дать, будет наилучшим для тебя решением?

Проявленная матушкой нерешительность, все эти отступления и повторы привели меня к мысли о неотвратимости несчастья.

Я хотела снова дать утвердительный ответ, но не смогла произнести ни слова и молчала, с

трудом сдерживая слезы.

— Ах, — воскликнула матушка, — неужели ты хочешь, чтобы я умерла от стыда и отчаяния? — и поднявшись с дивана, протянула мне руки. Подумав, что она хочет броситься к моим ногам, я устремилась вперед, заключив ее в объятия.

— Ни слова больше, матушка, — взволнованно заявила я, — я готова выйти замуж за барона Матифо.

Однако проговорив эти слова, я почувствовала, как сердце мое болезненно сжалось и почти перестало биться. Не в силах больше сдерживать слезы, я рыдая опустилась на стул.

Отец взволнованно устремился ко мне, а матушка стала покрывать поцелуями мои руки.

— Спасибо, Киприенна! Благодарю тебя, дочь моя! — плача повторяла матушка. Слезы ее буквально обжигали мне руки.

— Сударыня, — печально сказал отец, — Сам Господь заложил семена искупления в произошедшую ошибку. Теперь я вижу, что рождение этого бедного покинутого ребенка явилось благословением нашего дома.

Сказав это, он раскрыл объятия матушке, она прижалась к его груди и он запечатлел на лбу ее нежный поцелуй.

Затем отец обернулся ко мне.

— Жертва, приносимая тобою, дочь моя, принадлежит к категории тех, которые невозможно забыть. Я был для тебя прежде слишком суровым и несправедливым отцом, но твой теперешний поступок заставил меня осознать всю глубину допущенной ошибки. Прости же меня! Ты еще можешь сделать это, но сам я никогда не прощу себя.

— Дорогой отец! Дорогая матушка! — больше я не могла вымолвить ни слова. Все разногласия между родителями и мною кончились. Они снова стали близки друг другу и причиной этого счастливого события в жизни нашей семьи была я.

К сожалению, мне пришлось дорого заплатить за это, но разве могла я жаловаться и сетовать на судьбу?

Нет, моему измученному сердцу эти муки принесли даже своеобразное утешение и я впервые познала скорбную радость самопожертвования.

Вернувшись к себе в комнату, я много плакала, дорогая Урсула, однако, сознание важности выполненного долга принесло мне облегчение и утешение.

Я должна подавить эти слезы, я должна казаться счастливой и спокойной.

Поэтому, когда через несколько часов матушка пришла навестить меня, она застала свою дочь улыбающейся и почти счастливой на вид.

С абсолютно спокойным лицом выслушала я известие, что сегодня вечером барон Матифо приедет к нам с официальным визитом и без вздохов и слез оделась в то платье, в котором была на прогулке в Булонском лесу.

Я ничего не забыла, даже украсила свою прическу точно такой же белой розой.

Бедная роза! Она была эмблемой моего счастья, а теперь стала символом грядущей беды. Я сохраню эту розу, ибо это единственное воспоминание, о коротком счастье, длившемся всего лишь три дня.

Войдя в парадную гостиную, я застала там отца, беседующего с бароном Матифо.

При моем появлении они встали и барон довольно неуклюже приветствовал меня.

Поговорив с нами еще несколько минут, отец вышел из комнаты, оставив меня наедине с моим шестидесятилетним нареченным.

У него хватило здравого смысла сразу же перейти к делу.

— Боюсь, мадемуазель, — нерешительно начал он, — что ваш батюшка потребовал от вас слиш-

ком большого послушания…

— Отцу незачем мне приказывать, барон, — отвечала я, — для меня вполне достаточно его простого желания.

— В таком случае, мадемуазель, я смею надеяться…

— Как видите, я здесь барон, — прервала я его.

Схватив меня за руку, он прижался к ней своими толстыми губами.

— Вы настоящий ангел! — умиленно заметил он.

— Нет, барон, — отвечала я со слабой улыбкой, — я вовсе не ангел, но надеюсь стать вам хорошей и верной женой.

— Вы станете для меня женой, ангелом, всем, чем вам будет угодно! — с восторгом вскричал он, — и вы не пожалеете, что не отказали мне.

По правде говоря, столь очевидное восхищение этого незаурядного человека не оставило меня равнодушной.

— Я знаю историю вашей жизни, барон, — тепло заметила я, — и мне хорошо известны такие ваши качества, как доброта, щедрость и великодушие.

— Даже если бы я и не был таким, то рядом с вами обязательно приобрел бы все эти качества!

О, Киприенна… прошу прощения, мадемуазель Киприенна, мой жизненный путь не всегда был усыпан розами. Если бы вы только знали, как я одинок! Иногда по ночам, когда все слуги спят, я брожу со свечой по своему дому, и все тогда кажется мне таким пустым, мрачным и безотрадным. А эти ужасные воспоминания! Днем мне гораздо легче — я сижу в своей конторе, вокруг много людей, в комнатах суетятся клерки, слышен скрип перьев по бумаге и звон золота. Но ночи, эти страшные ночи в полном одиночестве!

Замолчав, он вытер со лба крупные капли пота.

— Если вы будете рядом со мной, мадемуазель Киприенна, — продолжал он, — то все эти ужасы прекратятся и мой унылый мрачный дом озарится вашей молодостью, красотой и невинностью. Я буду работать только для вас и вы принесете мне счастье, много счастья! Ведь вы так добры, так любите людей. Я влюбился в вас с первого взгляда, и это неудивительно, ведь вы так прелестны, так очаровательны! Но тогда я еще не знал вас и думал, что вы, подобно другим, стремитесь лишь к богатству и наружному блеску. И теперь, когда я наконец познакомился с вами поближе, я спрашиваю вас: согласны ли вы стать моим

провидением?

Бедняга! Несмотря на все его миллионы, он так же одинок, как какой-нибудь искатель приключений в бескрайних просторах Калифорнии и ночью его, конечно же, преследует бледный призрак Бланш, его приемной дочери, которую он так горячо любил и которая безвременно угасла под голубым неаполитанским небом.

Теперь он ищет замену ей в своем опустевшем доме; он просит у Небес не жены, но дочери!

Эта мысль заставила меня совершенно успокоиться и на этот раз я протянула ему руку по собственной воле.

— Вы будете очень счастливы, барон, по крайней мере, на столько, на сколько это будет зависеть от меня! — воскликнула я в искреннем порыве.

Как видишь, Урсула, все оказалось не так уж страшно и я боялась напрасно. Я просто принесу свою жизнь в жертву счастью очень доброго старика, который любит меня, как родную дочь. Ах, зачем только судьбе было угодно познакомить меня с виконтом?

Хотя, с другой стороны, какая разница? Разве он сам не сказал, что не любит меня и мы с ним никогда не сможем пожениться?

Ах, Урсула, если бы он любил меня, то, поверь, я не сдалась бы ни на какие уговоры, несмотря на печаль отца и отчаяние матушки! Горе барона, конечно же, тронуло бы меня, но я никогда бы не согласилась отдать ему свою руку.

Но виконт не любит меня!

Я только что перечитала, быть может, в сотый раз, те три короткие записки, которые являются единственными доказательствами нашего знакомства.

После этого я одну за другой сожгла их на пламени свечи. Теперь от них осталась лишь маленькая кучка черного пепла. Таков конец моей прекрасной мечты! Я бережно собрала пепел и положила его в заветную шкатулку, где хранилась засохшая белая роза.

Теперь я спокойна и могу молиться. Господь ниспослал мне утешение в моих страданиях, любовь мертва, во мне живет лишь стремление к самопожертвованию.

Я подхожу к окну, смотрю на безмолвную ночь и погружаюсь в невеселые мысли.

Послушай и ты, Урсула, какая прелестная сказка пришла мне на ум.

Жила-была некогда одна бедная принцесса, столь несчастная, что кроме слез у нее ничего

не осталось.

Король, ее отец, и королева, ее матушка, поссорившиеся под влиянием чар злого волшебника, изгнали ее из дворца на долгие годы, а когда наконец снова призвали ее к себе, то лишь затем, чтобы выдать бедную принцессу замуж за старого некрасивого короля.

Несчастная много плакала, но ее заперли в высокую башню, сказав, что она выйдет оттуда только женой барона Матифо.

Однажды она стояла на балконе башни, думая о своей печальной судьбе, как вдруг в ночи прозвучал чей-то голос, зовущий ее по имени…

Увлекшись своей сказкой, я вдруг услышала, что кто-то действительно тихо зовет меня под окном.

В ту же минуту в окно влетел какой-то предмет и, упав на ковер, покатился к моим ногам.

Это был маленький камушек с привязанной к нему запиской. Итак, еще одно послание от виконта!

Чтение не заняло у меня и двух минут. В записке говорилось следующее:

«Во имя вашего будущего счастья, Киприенна, во имя вашей чести, выслушайте

мою мольбу. Мне стало известно, что вы дали согласие на брак с бароном Матифо, но брак этот невозможен, ибо этот человек — чудовище. О, выслушайте меня, поверьте моим словам! Я должен увидеться с вами, должен убедить вас разорвать помолвку. Если вы согласны переговорить со мною, то поставьте горящую свечу на подоконник, и тогда ваш самый верный слуга поспешит вам на помощь и, быть может, спасет вас от страшной опасности».

Мое будущее счастье! Честь моего имени! Мой жених — чудовище!

Письмо это могло значить лишь следующее: либо я действительно стою на краю пропасти, либо виконт — бессовестный обманщик.

Подойдя к окну, я выглянула из него и посмотрела вниз. Как раз под моим окном на желтом песке аллеи четко выделялась тень мужчины. Чтобы попасть в сад, виконту, должно быть, пришлось перелезть через ограду.

Машинально схватив свечу, я быстрым движением поднесла ее к окну.

Через несколько секунд виконт стоял у дверей

моей комнаты. Сердце его билось так громко, что я легко различала его стук в ночной тишине даже сквозь закрытую дверь.

— Не волнуйтесь, Киприенна, — тихо сказал он, — оказанное вами доверие делает меня вашим рабом, каждая капля крови в моих жилах принадлежит только вам. Во мне теперь живет лишь одно желание — спасти вас, а затем умереть.

С этими словами виконт отворил незапертую дверь и появился на пороге моего будуара. Лицо его было покрыто смертельной бледностью.

— Прошу вас покинуть мою комнату! — невольно воскликнула я.

— Не думайте плохо о моих намерениях, Киприенна, — горячо взмолился виконт. — Если хотите, можете позвать свою матушку, а я подожду ее прихода в коридоре.

ГЛАВА XIX
Запечатанный конверт

В тот день и час, когда Киприенна отдала свою руку барону Матифо, в двух противоположных концах Парижа происходили сцены, тесно связанные с той драмой, о которой мы ведем повествование.

Одна из них разыгрывалась в убогой мансарде бедного дома на Монмартрской улице, а другая — в роскошной резиденции графини Монте-Кристо.

Виконт де ла Крус нетерпеливо расхаживал по оранжерее, в которой совсем недавно уверял Киприенну в своей преданности.

Оранжерея эта была на редкость тихим и приятным местом: в мраморном фонтане тихо журчала вода, а роскошные тропические растения поражали воображение буйством ярких красок. Однако виконт, казалось, совершенно не замечал окружающего великолепия. Руки его дрожали от лихорадочного возбуждения, бледное лицо и мрачный огонь, горящий в его взоре, указывали на то, что он только что получил какие-то плохие

новости.

Внезапно виконт резко остановился — за спиной его послышались легкие шаги и раздался шелест платья. На плечо ему легла чья-то белая рука и, обернувшись, он увидел перед собой графиню Монте-Кристо.

Но как не похожа была она сейчас на ту спокойную и уверенную в себе женщину, в облике которой всегда являлась на людях! Графиня тоже была бледна, глаза ее покраснели от слез, а брови печально нахмурены.

— Должно быть, что-то чрезвычайно важное привело тебя сюда в этот день, — сказала она виконту.

— Да, Элен, — ответил он ей, — я хорошо помню, что вы каждый год отмечаете тот день, когда были заживо погребены. В эту страшную годовщину вы уединяетесь ото всех, как бы вновь ощущая себя в могиле, но тем временем зло продолжает свою работу и как я могу бороться с ним без вашей помощи, Элен?

— Пойдем же, сын мой, — скорбно произнесла графиня, — ведь ты, мой лучший и самый преданный друг, имеешь право войти в могилу, где покоятся эти воспоминания.

С этими словами она твердым шагом направи-

лась в дальний конец оранжереи, виконт молча последовал за ней.

Пройдя ряд роскошно обставленных гостиных, они очутились в изящно убранной спальне, откуда через потайную дверь прошли в мрачную комнату без окон, освещенную лишь тусклым светом свисавшей с потолка лампы.

Помещение чем-то напоминало гробницу. В нем не было никакой мебели, кроме скамеечки для молитвы да какого-то сооружения, по форме напоминавшего алтарь. На этом своеобразном алтаре под стеклянным колпаком находилось несколько предметов: два локона волос — каштановых и светло-золотистых, два портрета молодых людей, столь похожих друг на друга, что они, без сомнения, могли быть только родными братьями, а также большой запечатанный конверт.

Больше в комнате ничего не было, лишь над алтарем висело распятие из слоновой кости.

— Вот все, что осталось от моей несчастной жизни, — сказала графиня Монте-Кристо, указывая на портреты и пряди волос. — Теперь лишь одно это привязывает меня к жизни, — продолжала она, подняв руку в направлении висящего на стене распятия. — Ты первый, кто помимо меня,

переступил порог этой комнаты, где смолкает шум внешнего мира. А теперь говори, чего ты хочешь, Жозе?

— Вы знаете, Элен, — печально ответил Жозе, — что я вместе с вами оплакиваю этих дорогих нам обоим покойников. Я сделал для вас и вашей семьи все возможное, сделал это, даже не думая о награде, но сегодня я хочу просить вас о ней.

В ответ графиня Монте-Кристо протянула руку к запечатанному конверту и тихо проговорила:

— Разве ты забыл последние слова Биасона: «В этом документе твоя награда и мое оправдание». Это письмо принадлежит тебе, Жозе, и ты можешь вскрыть конверт.

Жозе хотел было уже сломать печать, но подумав, изменил свое решение.

— Нет, Элен, я поклялся не читать письма до тех пор, пока кто-нибудь из Ранконов не войдет в замок своих предков как победитель, с гордо поднятой головой. Только тогда я смогу вскрыть этот конверт.

— Но тогда ты никогда не сделаешь этого, ибо моя бедная дочь Бланш умерла! — вздохнула графиня.

— Кто знает… — прошептал Жозе.

— К несчастью, в этом нет никакого сомнения.

Из Неаполя нами были получены самые точные сведения.

— И все же, я не теряю надежды! — воскликнул Жозе. — Если она жива, то мы должны найти ее, а если умерла, то мы отомстим за ее смерть.

— Отомстим за ее смерть? — повторила графиня. — Нет, Жозе, наша миссия заключается не в мщении, а в восстановлении справедливости. Я пришла в этот мир, чтобы принести мир, а не войну! Я сильна лишь до тех пор, пока творю добро, ибо Господь на моей стороне, но если гнев овладеет мною, то лишит меня поддержки и я потерплю неминуемое поражение. Отомстить за мою бедную погибшую дочь! Да, я часто думала об этом, вот почему я каждый год запираюсь в этих стенах — чтобы избавиться от страшного искушения. Я молюсь, я плачу, я смиряю свою гордыню и тогда они начинают говорить со мною из своих могил, они дают мне советы и на меня нисходит благодать, я обретаю душевный мир и покой. Нет, Жозе, говорить в этом месте о мщении — почти богохульство!

— Хорошо, Элен, но значит ли это, что мы не должны препятствовать другим творить зло? Эти негодяи убили вашего мужа, вашего брата и вашу дочь. Они отняли у вас все, даже ваше имя. Они

превратили вас в призрак без родины, без семьи, даже без определенного положения в обществе. Что же, если хотите, мы можем простить им все это! Но неужели вы хотите, чтобы их жертвы множились и дальше, чтобы эти чудовища снова и снова толкали их в пропасть, из которой вам самой удалось выбраться лишь чудом? Неужели вы позволите Киприенне выйти замуж за этого человека, имя которого я не осмеливаюсь произнести здесь из страха нарушить покой мертвых? Нет, Элен, нет! Мы не можем и не должны допустить этого!

Дон Жозе замолчал, но поскольку графиня ничего не ответила, он продолжал снова:

— Выслушайте меня. Я готов работать в одиночку, готов взять на себя всю тяжесть ответственности. Вы можете оставаться тихим и добрым провидением, зато я стану олицетворением гнева и правосудия. Я ничего больше не прошу от вас, Элен, но об этом я готов умолять вас на коленях, пусть это станет мне единственной наградой за все: помогите мне спасти Киприенну. Я только что узнал от госпожи Жакмен, что девушка согласилась подчиниться воле отца. Теперь лишь вы одна можете помочь мне выиграть время. Время — вот все, что мне нужно — всего несколь-

ко недель или хотя бы несколько дней. Завтра я начну борьбу с Матифо, а Шампион невольно послужит орудием в моих руках и, кто знает, может быть мне настолько повезет, что я не только спасу Киприенну, но и верну вам дочь?

— Безумные мечты! — прошептала графиня Монте-Кристо. — Бланш давно умерла, но я знаю, что у меня нет права отказать тебе ни в чем, Жозе. Счастье мое прошло и никогда не вернется, но я не стану препятствием на твоем пути. Киприенна достойна тебя, а ты достоин Киприенны. Иди же туда, куда влечет тебя судьба, а я всегда буду готова прийти тебе на помощь. Если Киприенна постучится в двери этого дома, они откроются для нее, но имя мое не следует произносить в присутствии Киприенны. Ради тебя я постараюсь воздействовать на ее мать и помогу тебе выиграть необходимое время.

— Да благословит вас Господь! — тихо прошептал Жозе.

— Я очень устала, — печально покачала головой графиня, — по правде говоря, я никогда еще не чувствовала себя столь утомленной. Думаю, смерть моя близка, ибо мною владеет какая-то странная и необычайно глубокая печаль. Подумать только, скольких несчастных удалось нам

спасти за эти пять лет! Перед нами отступали голод, печаль, нищета, даже угрызения совести. Теперь нам предстоит во второй раз помериться силами с Матифо и Шампионом. Я протянула руку помощи госпоже Жакмен, ибо хочу спасти ее и ее сына. Оказывая влияние на Нини Мусташ, я борюсь с Шампионом. Я беру Урсулу под свое покровительство и снова на моем пути встает Шампион. Графиня де Пьюзо бросается к моим ногам, я выслушиваю горестную исповедь этой несчастной женщины и хочу сказать ей: «Встаньте, вы получили прощение!», но между нами встают полковник Фриц, Матифо и, конечно же, Шампион, ибо Шампион буквально всюду, без него не обходится ни одно злое дело.

Сказав это, графиня заломила руки и подняв их к небесам, воскликнула прерывающимся голосом:

— О Боже, Ты знаешь, что я поклялась никогда больше не испытывать ненависти ни к одному человеку, оставив для своих горестей и печалей лишь один день в году, этот самый день. Все остальные дни я решила пожертвовать своим несчастным сестрам во Христе. Я всегда давала щедрой рукой, разбрасывая повсюду семена милосердия и сострадания. Так что же заставляет

этих жалких насекомых снова и снова вставать на моем пути? В такие минуты мне кажется, что голос гнева и мщения говорит мне снова и снова: «Ты по-прежнему женщина, Элен, и ты ничего не забыла, так сокруши же их, отомсти за погибших, отомсти за себя!»

Говоря это, она опустилась на скамеечку для молитвы и, борясь с сомнениями, протянула руки к распятию, молясь, подобно Иисусу на Масличной Горе: «О Господи, отверзи от уст моих чашу страдания!»

Жозе молча стоял, скрестив руки на груди, и с нежным сочувствием наблюдал за молящейся женщиной, мольба которой нашла путь и к его сердцу.

Прошло еще много времени, прежде чем графиня Монте-Кристо окончательно пришла в себя. Долгое время она ничего не могла сказать, губы ее чуть шевелились и лишь вздохи отчаяния и рыдания вырывались из ее груди.

Наконец она открыла глаза и, усилием воли стряхнув с себя отчаяние, воскликнула:

— Иди же, Жозе, иди, сын мой. Наш небесный отец читает в наших сердцах, Он, которому известно все, знает, что мы не хотели этой новой битвы, Он знает, что мы не стремились стать

судьями в своих интересах, что мы не жаждали мести. Нет, наша цель гораздо благороднее и бескорыстнее. Если Господь ставит этих негодяев на нашем пути, то это значит, что Он хочет наказать их, выбрав нас орудием своей воли. Прощение раскаявшимся, возмездие коснеющим в греховном упрямстве!

— Да будет так! — воскликнул Жозе, поспешно выходя из комнаты.

Миновав оранжерею, он вышел из дома графини Монте-Кристо и сел в наемную карету.

Через двадцать минут виконт был в тенистой аллее, где мы уже встречали его, беседующим с госпожой Потель. На этот раз она тоже не заставила себя долго ждать и, держась за дверцу кареты, передала виконту ключ от садовой калитки.

— Что слышно о Луи, господин виконт? — спросила вдова, протягивая молодому человеку маленький кошелек. — Это для него; боюсь, как бы он снова не взялся за свое.

— Не бойтесь, госпожа Жакмен, мы постоянно наблюдаем за ним. Я сегодня же увижусь с его хозяином и вечером сообщу вам все новости.

Сказав это, виконт де ла Крус приказал извозчику отвезти себя на Вандомскую площадь. Выйдя из экипажа, он пошел в направлении бульваров

и вскоре очутился в магазине Клемана.

Занятый работой Клеман весело напевал по старой привычке, приобретенной им еще в Браконском лесу.

— Луи Жакмен сейчас здесь? — спросил Жозе, дружески хлопая его по плечу.

— Нет, он еще пьянствует, — ответил Клеман и раздраженно добавил, — раньше он напивался всякий раз, как ее увидит, а сейчас пьет оттого, что нигде не встречает ее.

— Бедняга! — прошептал Жозе.

— Мне кажется, он сошел с ума, — продолжал Клеман. — Вчера я решил разыскать его и как ты думаешь, где он был? Сидел совершенно пьяный в грязной забегаловке за одним столом с весьма подозрительным итальянским бродягой, называющим себя сеньором Чинеллой!

— Вот оно что! — воскликнул Жозе.

— Да, причем они делили между собой какие-то деньги, должно быть, кого-то ограбили. Если хочешь, мы можем еще раз попытаться спасти его, но, по-моему, это будет пустой тратой времени, он просто неисправим.

— Напротив, — подумал Жозе, — кажется, сейчас самое время прийти ему на помощь!

ГЛАВА XX
Лежижан

На двери одного из домов на Монмартрской улице висела медная табличка, на которой черными буквами было написано:

> «Э. Лежижан, посредник и
> торговый агент»

Войдя в эту дверь, посетитель попадал в прихожую, вся обстановка которой состояла из одной длинной скамьи. В противоположных концах прихожей находились проволочные ограждения, на одном из которых красовалась надпись «Кассир», а на другом «Контора».

Посетители обычно направлялись в контору, представлявшую собой комнату довольно скромных размеров, в которой сидело трое молодых клерков, непрерывно что-то пишущих стальными перьями на линованной бумаге с восьми часов утра до пяти вечера.

Прямо напротив входа находилась вертящаяся дверь с надписью «Управляющий».

В этой конторе совершались всевозможные

сделки и проворачивались самые разные дела: покупались квитанции на заложенные вещи и старые кашемировые шали, шла продажа вина и угля, сыновья богатых родителей могли получить здесь солидные ссуды, а испытывающие денежные затруднения дамы закладывали тут свои бриллианты или души.

Дверь святилища с надписью «Управляющий» редко открывалась для клиентов, однако для некоторых особ она никогда не закрывалась.

К числу этих привилегированных посетителей относились мелкие парижские лавочники и торговцы, содержатели меблированных комнат и ростовщики, с успехом высасывающие кровь из своих клиентов независимо от их пола и возраста, а также несколько богатых владельцев недвижимого имущества, которые, не относясь к числу клиентов, являлись акционерами предприятия.

Фактически господин Э. Лежижан был управляющим официально несуществующего и нигде не зарегистрированного банка.

Владельцы недвижимости предоставляли в его распоряжение свои дома, торговцы мебелью — мебель, портные и модистки — одежду, а ювелиры и владельцы магазинов — драгоценности, кружева, кашемировые изделия, экипажи, лоша-

дей, а также, в большей или меньшей степени, свои души.

Лежижан контролировал буквально все, руководил всеми операциями, организовывал деятельность предприятия и брал на себя всю ответственность.

В пять часов вечера контора, как обычно, закрылась. Старый кассир снял нарукавники и, надев шляпу, вышел на улицу. Три клерка, захлопнув книги и побросав письменные принадлежности, с шумом выбежали на крыльцо, лишь один Лежижан по-прежнему сидел у себя в кабинете, явно ожидая какого-то посетителя. В комнате он был не один — в темном углу на диване сидел маленький человечек тщедушного телосложения, одетый с элегантностью старого щеголя. Костюм его состоял из голубых брюк, синего фрака с золотыми пуговицами и желтого жилета; на голове незнакомца красовался белокурый парик.

Наскучив ожиданием, Лежижан вскочил с кресла и начал нетерпеливо расхаживать по комнате.

— Так значит полковник должен сообщить нам сегодня весьма важные новости? — осведомился человек в синем фраке.

— Я уже двадцать раз говорил вам, что сегодня

решается судьба брака Матифо и мы наконец узнаем, выйдет из этого что-нибудь или нет!

— Я это знаю, — заметил собеседник Лежижана, — но только никак не могу понять причину…

Резко остановившись посреди комнаты, Лежижан бросил на маленького человечка ужасный взгляд, полный ярости и презрения.

Задрожав от страха, тот пробормотал запинающимся голосом:

— Я вовсе не желаю противоречить вам, дорогой друг, я просто хотел бы получить от вас кое-какие объяснения…

— Вы просто дурак, Туанон, — небрежно бросил ему Лежижан, возобновляя свое хождение по комнате.

Доктор Туанон — ибо этот маленький человечек действительно был нашим старым знакомым — встретил оскорбительный эпитет без всяких возражений.

— Кем бы вы были без меня? — продолжал тем временем Лежижан. — Вы бы так и остались жалким провинциальным врачом с доходом не более двухсот франков в год, вынужденным ездить к больным в дождь и снег. Да, да, ваша участь была бы именно такова. Вместо всего этого вы стали уважаемым столичным доктором, ваша

клиника никогда не пустует, а ваши бесплатные консультации создали вам выгодную репутацию филантропа. Помимо своей доли в нашем предприятии, вы зарабатываете не менее тридцати тысяч франков в год. Так неужели после всего этого у вас есть еще причины жаловаться и критиковать мои планы?

— Но я вовсе не жалуюсь и не критикую вас, дорогой друг, я хочу только знать…

— Просто вы боитесь потерять то положение, которое я вам создал, и не хотите больше работать вместе со мной, — прервал его Лежижан. — И не пытайтесь меня обмануть! Вы с радостью умыли бы руки, вы готовы предать меня в любую минуту!

— О! — негодующе воскликнул доктор, делая протестующий жест.

— Знаю, знаю, вы хороший товарищ, — презрительно прервал его Лежижан, но вы по натуре флегматик и страшно ленивы, бедняга Туанон. Должен вас однако предупредить, что отделаться от меня не так-то просто, ведь я сделал вас богачом не за ваши прекрасные глазки. Помните, все, что я для вас сделал, я могу разрушить одним мановением руки!

— Надеюсь, что ваше новое требование не таит

для меня никакой опасности? — бледнея пробормотал Туанон.

— А это уж как получится. Впрочем, надеюсь, что никакой реальной опасности нет, но в случае удачи на этот раз мы получим миллионы.

— Миллионы! Интересно, кто их нам даст? — недоверчиво воскликнул доктор.

— Вы совсем забыли про нашего друга Матифо, — небрежно ответил Лежижан.

— Брр! — заметил Туанон, дуя себе на пальцы, — эти денежки уже жгут мне руки! Матифо не тот человек, чтобы добровольно отдать нам ключ от своей кассы. Сами знаете, что один раз он нас уже обманул.

— Вот потому-то теперь ему и не будет пощады! — воскликнул Лежижан. — У этого жалкого негодяя нет ни малейшего представления даже о воровской чести. Я торжественно поклялся, что деньги, которые мы помогли ему заработать и которыми он отказался с нами поделиться, не принесут ему добра. О, я разорю его, даже если из всего его состояния мне не удастся получить ни одного франка! Я отомщу за себя, даже ценой собственной жизни. Мы играем в опасную игру, Туанон, так и знайте!

У доктора от страха стучали зубы.

— Но, дорогой друг, — испуганно пробормотал он, — ведь я же ни в чем перед вами не виноват...

— А мне какое дело? — жестко прервал его Лежижан и тут же добавил более спокойным тоном, — предупреждаю заранее: это вопрос победы или смерти.

Встав с кресла, Лежижан несколько раз прошелся по комнате и, сжав кулаки, произнес:

— Похоже, полковник может не прийти. За хорошие новости я с радостью отдал бы сейчас десять лет жизни.

В этот момент в дверь позвонили. Лежижан поспешил в прихожую, откуда вернулся в сопровождении полковника Фрица.

— Отлично! — воскликнул Лежижан, радостно потирая руки, — дела идут прекрасно, малышка наконец дала согласие. Матифо воркует, как голубь, и свадьба состоится через четыре недели. Удалось ли вам найти Лилу, полковник?

— Нет, все мои поиски оказались напрасны.

— Мы немедленно возобновим их. С сегодняшнего дня все наши ищейки будут пущены по следу. Черт возьми! Необходимо во что бы то ни стало найти будущую наследницу барона Матифо.

— Какой нам от этого будет толк? — осведомился Туанон.

— Матифо женится на Киприенне де Пьюзо, — отозвался Лежижан, — конечно, этому волоките не так-то легко было найти себе подходящую невесту. Главное сейчас заключается в том, что он хочет сделать ее своей единственной наследницей. Лила — единоутробная сестра Киприенны и дочь нашего друга Фрица. Вы понимаете, к чему я веду?

— Да, кажется, начинаю понимать, но честно говоря, дорогой друг…

— Предположим, с Матифо произойдет какой-нибудь несчастный случай, — нетерпеливо воскликнул Лежижан, — тогда Киприенна унаследует все его состояние и, если с ней тоже что-нибудь случится…

Теперь доктор наконец все понял и, поняв, задрожал от ужаса.

— Но это же очень опасно, — заметил он, — да и потом после ее смерти останутся еще граф и графиня.

— Считайте, что с ними уже покончено! — возбужденно вскричал Лежижан. — Чтобы справиться с родителями Киприенны, у нас найдется два хороших помощника — угрызения

совести и грех. Что касается угрызений совести, то полковник Фриц позаботится о том, чтобы пробудить их в графине, а для графа найдется сильное искушение в лице Нини Мусташ.

— Но Нини Мусташ исчезла, — задумчиво заметил полковник.

— Я это знаю, — ответил Лежижан, — и мне прекрасно известно ее убежище. Я сам посоветовал ей отправиться туда. Кроме того, я смогу заставить ее подчиниться нашей воле. Видите ли, эта дура начала испытывать угрызения совести, но я быстро выбил у нее из головы эту дурь, и тогда она по моему совету оставила себе те четыреста тысяч франков, которые до этого хотела вернуть графу.

Полковник хотел было заговорить, но Лежижан как ни в чем не бывало продолжал:

— Ничего не бойтесь, дорогой друг. Деньги эти, в действительности принадлежащие нашей ассоциации, недолго будут находиться в руках у Нини, а вместе с их потерей рухнут и все ее добродетельные планы. Для этого надо лишь забрать Урсулу у четы Жоссе и отвезти девушку в другое место, неизвестное ее сестре. Как только малышка окажется в наших руках, Нини Мусташ с радостью выполнит любое наше желание, лишь

бы только заполучить обратно свою сестру.

— Прекрасно, — отозвался полковник, — значит графу осталось жить недолго, я видел Нини Мусташ за работой, она не будет долго возиться с этим делом.

— Урсула будет похищена не позже, чем через два дня, — продолжал Лежижан, — для этого уже приняты все необходимые меры, а через три дня Нини Мусташ начнет действовать против графа. Таким образом, неохваченной остается лишь наша добродетельная графиня.

— Найдите Лилу, а о графине я позабочусь сам, — решительно произнес полковник.

— В таком случае, все складывается просто отлично. Через два-три месяца граф и графиня будут выведены из строя и ничем больше не смогут помешать нашим планам. Через три месяца наш напыщенный барон прекратит свое земное существование и тогда очаровательная блондинка Киприенна унаследует не только его миллионы, но и миллионы своей матери. Тогда-то мы и выведем на сцену Лилу, потребовав для нее ее часть наследства. Благодаря нашей предусмотрительности у нас имеется масса доказательств ее происхождения, и мы постараемся избавиться от Киприенны без лишнего шума. Итак, все

эти миллионы достанутся Лиле, то есть полковнику Фрицу, а полковник Фриц — одно целое с нами, ибо ему хорошо известно, что с Лежижаном шутки плохи, Лежижан достаточно умен и предусмотрителен, чтобы не учесть возможности непредвиденных чрезвычайных ситуаций.

— В ваших угрозах нет никакой необходимости, дорогой Эркюль, — решительно произнес Фриц. — Во всем этом деле я лишь простое орудие в ваших руках. Вы являетесь душой нашего маленького заговора, и я так благодарен вам за все, что мне даже в голову не придет попытаться предать вас.

— Да, конечно, — проворчал Лежижан, — однако никогда не мешает поговорить друг с другом по душам, ибо таким образом можно избежать досадного непонимания.

После этого сообщники вышли из конторы и стали спускаться по лестнице, весело смеясь и разговаривая, как и подобает старым друзьям.

У ворот они задержались, чтобы попрощаться друг с другом.

— Итак, мы обо всем договорились? — в последний раз спросил Лежижан. Его спутники кивком выразили свое согласие.

— Вы, полковник, — продолжал Лежижан, —

отправитесь теперь в дом графа де Пьюзо, и если узнаете там что-нибудь новое, постарайтесь сразу же сообщить мне. А вы, доктор, идите на улицу Рамбутье. Я знаю, что доктор Озам уехал на сутки из Парижа, поэтому сегодня он не сможет навестить Паппиону. Постарайтесь что-нибудь придумать — скажите, что он прислал вас вместо себя или что вы лечащий врач. Вы не встретитесь ни с какими препятствиями, поскольку этот старый негодяй Чинелла участвует в нашем заговоре. Что же касается бедняжки Урсулы, то она невинна, как младенец. Придя к Чинелле, вы найдете состояние его так называемой дочери весьма опасным и скажете, что ей необходима сиделка. Этой сиделкой и станет Урсула, надеюсь, вам теперь все ясно? Об остальном не беспокойтесь, я займусь этим сам.

С этими словами Лежижан поспешно пошел прочь.

Через час его можно было видеть в жалкой таверне, известной среди ее завсегдатаев под названием «Синий тюрбан».

Облокотившись на грязный стол, Лежижан живо беседовал с двумя оборванцами, которыми были не кто иные, как синьор Чинелла и Луи Жакмен.

— Теперь вы сами видите, ребята, что никакой опасности нет, зато выгода от этого будет просто огромна, — говорил он им. — Одним ударом вы сможете убить сразу двух зайцев — защитите невинность и позаботитесь о себе. Малышка эта — сущий ягненок и мы должны во что бы то ни стало вырвать ее из когтей этих ужасных Жоссе. Ее семья поручила мне уладить с вашей помощью это дело.

— Конечно, все это так, — отозвался Чинелла, — но я все же не настолько жесток, чтобы предать этого бедного ребенка, ведь она так добра к моей бедной Пиппионе!

— Кто говорит о предательстве? — вскричал наполовину пьяный Жакмен. — Этот друг сказал, что мы наоборот спасем ее.

— Молодой человек абсолютно прав, — весело заметил Лежижан, — а вот вы, Чинелла, ошибаетесь.

— Хорошо, я согласен, — сдался итальянец, — должно быть, в этом деле вы разбираетесь лучше меня. Кроме того, все это меня не касается. В конце концов, вы хорошо платите, так что я смогу побаловать бедняжку Пиппиону кое-какими лакомствами.

В этот момент в таверну зашли двое рабочих

в белых блузах, которые двигались нетвердой походкой, как будто они только что вышли из соседней пивной.

Рабочими этими был Клеман и Жозеф.

Было еще только семь часов, а виконт де ла Крус должен был предстать перед удивленным взором Киприенны не раньше десяти.

ГЛАВА XXI
Любовь и муки

(Из голубого дневника)

— Приведите сюда вашу матушку, — сказал дон Жозе, неподвижно стоя на пороге моей комнаты.

Услышав эти слова, я тут же пожалела о своем недоверии. Несмотря на поздний час и на всю необычность ситуации, я почувствовала, что мне нечего бояться виконта.

— Матушка, конечно, уже спит, — ответила я ему, — поэтому, если вы хотите мне что-нибудь сообщить, то нам лучше поговорить без свидетелей. У моей бедной матери и без того хватает переживаний, поэтому входите, виконт, я готова выслушать вас со всем вниманием.

Он сделал вперед два шага, лишь только два шага.

— Итак, мадемуазель Киприенна, — начал он, — это правда, что вы согласились выйти замуж за этого человека?

— Да, дон Жозе, — ответила я, — я дала свое согласие и не жалею об этом, ибо уже давно забыла глупые мечты, свойственные юности. Вы

сами сделали все возможное, чтобы я как можно скорее поняла всю несбыточность своих мечтаний и я искренне благодарна вам за это, ибо вы своим поступком косвенно подтолкнули меня к мысли пожертвовать собственным счастьем ради счастья семьи.

— Я… я… О, не говорите так, иначе я могу сойти с ума. Хотите заглянуть в мое сердце? Хотите узнать всю глубину моих страданий? Так знайте же, что я люблю вас больше всего на свете, несмотря на то, что социальные различия воздвигли между нами непреодолимые преграды. Я люблю вас так, как никогда еще не любил ни одну женщину, такую любовь можно испытать лишь один раз в жизни, такого чувства мне не суждено будет испытать снова, и все же, если бы я увидел вас женой достойного человека, то сказал бы: «Вы поступили правильно, ото всей души желаю вам счастья!» Отчаяние терзало бы мое сердце, но я все равно улыбался бы вам. Но этот Матифо! Разве по его взгляду вы не смогли догадаться о злобной душе этого человека? Говорю вам, это настоящее чудовище, это грязный монстр, отвратительный, как крокодил, и опасный, как гадюка. О, если бы вы знали подлинную историю его жизни! Если бы я имел право рассказать вам все!

— Это ваш долг, иначе я сочту вас клеветником, — ответила я, бледнея и дрожа всем телом. — Голословные утверждения ничего не доказывают, виконт. Тот, кто говорит такие вещи, должен подкрепить свои слова доказательствами.

Не говоря ни слова, он бросил на меня укоризненный взгляд.

— Простите, виконт, — воскликнула я, — посудите сами, что я могу сделать, что я могу сказать и что мне думать? Вы говорите, что мой будущий муж — чудовище и я, к сожалению, склонна верить этому, несмотря на то, что все вокруг хвалят его в один голос. По правде говоря, человек, переживающий смерть приемной дочери, как своего собственного ребенка, вряд ли может быть чудовищем.

— А я говорю вам, — холодно ответил дон Жозе, — что этот человек переложил ответственность за свое преступление на плечи несчастной матери, а затем обогатился за счет дочери, которую предоставил своей судьбе в чужой стране, а может быть, даже убил ее, ибо Матифо не остановится ни перед каким преступлением ради своей выгоды. Поверьте, Киприенна, у меня есть веские основания для выдвижения столь серьезных

обвинений против этого человека. Думая о прошлом, Матифо вовсе не мучается угрызениями совести, он дрожит от страха. Его преследуют страшные видения, а не мирные тени, которые, являясь нам иногда среди ночи, вызывают щемящие воспоминания о дорогих нам существах.

Произнося эти слова, виконт был столь бледен, как если бы сам только что увидел одно из таких привидений.

— Поверьте, Киприенна, — продолжал он, — хоть совесть моя чиста и руки не запятнаны преступлением, но и меня иногда преследует отзвук тех ужасных криков ужаса, которые так часто слышит во сне этот человек. Я тоже слышал однажды такой крик и не забуду его до самой смерти. Иногда, просыпаясь среди ночи, я снова слышу его, а ведь я вовсе не был убийцей. Я пытался спасти того несчастного, которого они убили, но я не смог этого сделать — ведь тогда я был еще ребенком.

Помолчав немного, виконт продолжал свой рассказ.

— Но со временем этот мальчик вырос и стал мужчиной и поскольку Матифо покушается теперь на то, что мне дороже всего на земле, я тоже стану одним из преследующих его призраков, — я

стану призраком из плоти и крови, живым воплощением мести и правосудия.

— Я верю вам, верю, дон Жозе, — порывисто воскликнула я.

— В таком случае, помогите мне спасти вас, Киприенна, или, лучше сказать, сделайте все возможное для своего спасения.

— Говорите, дайте мне совет, я сделаю все так, как вы хотите.

— Хорошо, — начал он, но тут же замолчал, в отчаянии опустив руки.

— Но нет, я никогда этого не сделаю, — проговорил он через несколько секунд, — вы просто не поверите мне. Как мне убедить вас, что это единственный путь к спасению? Как могу я просить вас оставить ночью родительский дом и скрыться вместе с незнакомцем, чтобы вдали от дома найти себе могущественную покровительницу, чье имя я не вправе вам даже назвать?

Помолчав немного, он снова продолжал:

— Киприенна, сейчас я прошу вас смело довериться моей чести и чистоте моей любви. Да, вы должны покинуть этот дом и как можно скорее, прямо сейчас, пусть даже клевета и запятнает ваше имя, а родители ваши останутся в страхе и неведении. Вы должны решиться на то, чтобы

не видеть их некоторое время, до тех пор, пока я и мои единомышленники не устраним всех препятствий. Вы должны довериться мне. Верьте, что в своих поступках я не руководствуюсь личными интересами и после того, как я выйду из этой комнаты, вы не увидите меня до тех пор, пока сами не захотите этого.

Киприенна, поверьте, я люблю вас не меньше, чем любил бы свою мать, которую никогда не видел. Клянусь, что никогда не сделал бы вам подобного предложения в интересах собственной любви. Ставкой здесь не моя репутация, а ваше спасение. Как только я увижу вас в карете, увозящей вас к вашей новой покровительнице, я скроюсь с ваших глаз — и навсегда, если только вы захотите этого.

— Я верю вам, виконт, — сказала я, когда он замолчал, — и нисколько не боюсь, что уеду отсюда, или, по крайней мере, не уеду, не поговорив прежде с той, кого вы сами советовали мне позвать в начале нашего разговора. Когда вы пришли сюда, первые ваши слова были: «Пригласите сюда вашу матушку». Если у вас хватит мужества повторить ваш совет в присутствии моей матери и если она одобрит ваш план, то я дам вам свое согласие.

— Я ожидал от вас именно такой реакции, —

спокойно ответил виконт. — Идите и приведите сюда вашу мать, я готов повторить все сказанное в ее присутствии.

Я пошла в комнату матушки, расположенную рядом с моей, и, постучавшись, вошла к ней.

Матушка еще не ложилась и сидела, задумавшись о чем-то, у своего бюро. Перед ней лежало раскрытое письмо.

Обернувшись на стук, она подняла голову и взглянула на меня, по-видимому, нисколько не удивляясь тому, что я пришла к ней в столь поздний час. Сложив письмо, она спрятала его у себя на груди.

— А, это ты, — сказала она, помолчав, — я ожидала твоего прихода.

Желая ответить, я пробормотала что-то, стремясь дать ей объяснение, которого она вовсе не требовала. Не дав мне времени закончить, матушка встала и подошла ко мне.

— Я боялась, что больше никогда не увижу тебя, — тихо проговорила она, — но ты даже не представляешь себе, как я рада, что не ошиблась в тебе. Да, Киприенна, я ждала твоего прихода, однако, если бы ты ушла из дома, не спросив моего совета и не обняв меня на прощание, у меня не было бы права упрекать тебя за это.

Матушка на минуту задумалась, а затем, взяв меня за руку, тихо спросила:

— Ты любишь виконта, не так ли?

Я покраснела.

— О, ты можешь быть вполне откровенна со мною, — продолжала она, — ведь ты все равно не сможешь сказать мне ничего того, о чем бы я и так не знала или, по крайней мере, не догадывалась. Ты любишь его, но все же, даже покинутая мною и своим отцом, ты не решилась самовольно уйти из дома.

Заключив меня в объятия, она нежно поцеловала меня в лоб. Я слышала, как ее дрожащие губы шептали:

— Благодарю тебя, дочь моя!

— Я не могу покинуть вас, не спросив прежде вашего совета, — отвечала я. — Этот ответ я дала виконту и сейчас он ждет вашего решения.

Не говоря ни слова, матушка поспешно устремилась к двери. Я пошла следом, но когда вошла в свой будуар, то она была уже там и дон Жозе читал письмо, которое она спрятала у себя на груди, когда я вошла к ней в комнату.

— Как видите, дон Жозе, — сказала матушка, — я знала о том предложении, которое вы сделаете Киприенне, но решила ни в чем не мешать вам.

В эту минуту я появилась на пороге будуара.

— Итак, вы оба знаете, что я отказалась от своих материнских прав на тебя, Киприенна. Я не могу тебе ничего приказывать, поэтому ты должна будешь сама решить свою судьбу.

Все сказанное виконтом — чистая правда и я ручаюсь за его честность и благородство, но все же прошу тебя не следовать за ним, не переговорив прежде со мною. Возможно, слова мои заставят тебя изменить свое решение.

Дон Жозе прочитал тем временем письмо до конца и с почтительным поклоном вернул его матушке.

— Какой ответ я получу от вас, графиня? — спросил он.

— Скажите той, что послала вас, — произнесла матушка, — что ее желание будет выполнено — завтра Киприенна примет свое решение, а мое решение вам уже известно. Что же касается Киприенны, то я хочу, чтобы она сделала выбор сознательно, с полным пониманием ситуации. Я должна открыть ей тайну, окутывающую наше с ней прошлое. Испытание это будет болезненным, но оно необходимо. Идите же, дон Жозе и скажите этой святой женщине, оберегающей и защищающей нас, что я готова до конца выпол-

нить свой долг.

Я была настолько поражена знакомством матушки с тайной моих неизвестных покровителей, что не заметила прощального поклона виконта и поняла, что он ушел, лишь услышав отдаленный шум захлопнувшейся садовой калитки.

Задумчиво посмотрев на меня, матушка взяла меня за руку и отвела в свою комнату.

— Я должна рассказать тебе об очень серьезных вещах, — заметила она, — поэтому выслушай меня внимательно, ты станешь моим духовником и судьей.

Как бы не замечая моего протестующего жеста, она продолжала:

— В свое время я допустила ужасную ошибку, дитя мое, и последствия этого до сих пор влияют на твою жизнь. Судьба твоя послужила мне наказанием, но не спеши судить меня слишком строго. Ты знаешь, что такое любовь, а потому легко можешь понять, на что бывает способна покинутая и слабая женщина, в полной мере испытавшая пренебрежение своего супруга. Ах, Киприенна, мой рассказ должен стать для тебя не только горестным повествованием о судьбе матери, но и полезным уроком.

Ты, дочь моя, тоже стоишь в начале терни-

стого пути, таящего так много опасностей для благородной души, подобно твоей, чувствующей потребность в любви и сострадании. Ты воистину моя дочь и похожа на меня не только внешне, но и по характеру, что начинает сильно пугать меня.

Как и ты, я воспитывалась в одиночестве, ибо не имея ни отца, ни матери, была с раннего детства доверена попечению своей бабушки, вдовствующей маркизы де Симез, обладавшей изысканными манерами прошлого века и свойственными тому поколению эгоизмом и скептицизмом.

Даже достигнув восьмидесятилетнего возраста, она не утратила интереса к жизни, по-прежнему собирая у себя в гостиной недовольных из самых различных партий, перед которыми она разыгрывала роль Талейрана.

Как ты легко можешь догадаться, заботе обо мне она уделяла не слишком много времени. Любила ли она меня? Право, не знаю. Иногда я верила в это, а иногда сильно сомневалась в ее чувствах ко мне.

— У тебя прелестные глазки, дитя мое, ты станешь по крайней мере герцогиней, — говаривала бывало она.

Но вскоре я надоела бабушке. Росла я очень быстро и, как почти все подростки, была довольно нескладна со своими большими руками и страшно тоненькими ногами, поэтому бабушка, любившая только то, что красиво, не могла скрыть своего недовольства моей внешностью. Наконец она отправила меня из замка на небольшую ферму в окрестностях Сент-Этьен де Монлюк, в той местности, где находились ее основные владения.

ГЛАВА XXII
Мари д'Альже

(Из голубого дневника)

— О, благословенная ферма Нуазель! — с восторгом продолжала матушка, — для меня она была тем же, чем для тебя стал потом монастырь в Б... Ах, те пять лет, что я провела там, — это единственные годы в моей жизни, о которых я вспоминаю без горечи и раскаяния.

Я жила там вдвоем со своей гувернанткой, старой девой из знатной семьи, во время эмиграции зарабатывавшей себе на жизнь частными уроками в Лондоне.

Звали ее мадемуазель де Сен-Ламбер, но я для краткости называла ее просто Ламбер.

В Нуазеле к нам часто приезжали гости, общество которых доставляло мне много радости. Кроме того, у меня был друг и товарищ по играм — маленький шевалье д'Альже.

Мари, — его звали Мари, совсем как девочку, — был почти моего возраста, но выглядел совсем ребенком — я и сейчас вижу перед собой его длинные золотистые волосы и веселые смеющи-

еся глаза.

Однако за его изящной женственной внешностью таилось отважное маленькое сердце. Он не боялся ничего на свете, в его нежных голубых глазах появлялось по временам какое-то магически-повелительное выражение и тогда цвет их становился темно-синим, почти черным, а взор начинал метать молнии.

Мы проводили вместе целые дни. Стоило мне проснуться утром, как я тут же спрашивала: «Где же Мари?» А вечером, расставаясь, мы никогда не говорили «Adieu!» или «Au revoir!», а только «До завтра!»

Родители его тоже умерли, и жил он в маленьком именьице в четверти часа ходьбы от Нуазеля — имение это составляло все его наследство, поэтому шевалье д'Альже был беднее многих зажиточных крестьян, но мы совсем не думали об этом. Чувствуя себя одинокими и никому не нужными в целом мире, мы считали вполне естественным любить друг друга и, поскольку девочки обычно бывают смелее мальчиков, я стала называть себя его «маленькой женой».

Наша детская влюбленность вовсе не пугала Ламбер, она лишь подшучивала над нашими чувствами.

Мы подрастали и Мари постепенно становился все более сдержанным и однажды, в тот день, когда мы устраивали маленький прием в Нуазеле, он даже назвал меня «мадемуазель». Я поняла, что с этого момента в наших отношениях произошла какая-то перемена и горько проплакала всю ночь, приняв решение спросить у Мари на следующее же утро, любит ли он меня по-прежнему. Но когда он пришел, я так и не осмелилась задать ему этот вопрос.

Он выглядел очень печальным, спокойно и без всякой аффектации заговорив о своей бедности и моем богатстве. По его словам, те времена, когда знатное имя ценилось дороже денег, давно прошли. «Я должен думать о своем будущем», — серьезно сказал он мне.

С того самого дня он стал все реже и реже показываться в Нуазеле. Сначала он приходил через день, потом раз в неделю, а потом и того реже.

Я прекрасно понимала причину такого поведения шевалье и от этого любила его еще больше.

Приблизительно в то же время бабушка вызвала меня домой и представила сливкам нантского общества. Брак мой с твоим отцом был уже делом решенным и я, возможно, была единственной, кто еще не знал об этом проекте.

Однажды вечером к нам прибыл граф де Пьюзо и тут я впервые увидела своего жениха. Не прошло и суток, как мы с ним обвенчались и граф тут же отправился с дипломатическим поручением в Англию, не проведя со мною даже первую брачную ночь.

Так я неожиданно для самой себя стала графиней де Пьюзо. Казалось, это был какой-то странный сон.

Мне было тогда лишь пятнадцать лет и я была столь мала ростом и худощава, что на вид мне можно было дать не больше тринадцати.

На дне своей свадебной корзинки я нашла огромную коробку леденцов.

Сразу же после свадьбы бабушка перестала вывозить меня в свет, ибо считала, что мне отныне следует появляться там только в сопровождении мужа.

По правде говоря, я никогда не испытывала особой любви к обществу, в отличие от бабушки, для которой светская жизнь была просто необходима.

— Тебе очень повезло, что у тебя есть я, — сказала она мне однажды, — ты всегда останешься эксцентричной натурой, бедняжка Ортанс, но теперь ты хотя бы замужем.

Я сообщила ей о своем желании вернуться в Нуазель и ожидать там возвращения мужа. Просьба моя не вызвала у бабушки никаких возражений.

Так я снова ненадолго вернулась к Ламбер в свое дорогое старое поместье, но бедный Мари д'Альже теперь совсем перестал навещать нас. Я видела его лишь по воскресеньям в церкви во время мессы, ибо целый год он даже не переступал нашего порога.

Вести из внешнего мира с трудом доходили до нашего затерянного в глуши местечка. Однажды мы узнали, что произошла революция, лишившая престола короля Карла X; в ответ на это герцогиня Беррийская подняла восстание в Вандее.

Шевалье исчез за несколько месяцев до этих событий и никто не знал, что с ним сталось. Я подозревала, что он решил принять участие в смелом предприятии герцогини, чтобы заглушить свою печаль или встретить смерть в борьбе за благородное дело.

Эгоизм женщины может принимать иногда чудовищные размеры и должна признаться тебе, что мысль об отчаянии, охватившем шевалье, причиняла мне не только страдание. До некоторой степени я была даже польщена глубиной и

силой его чувств.

Днем и ночью я постоянно думала о горстке храбрецов, скитающихся по стране, подобно изгнанникам.

Однажды вечером моя гувернантка отправилась с визитом к нашим соседям и я осталась одна в целом доме. Склонившись над вышиванием, я, как всегда, думала об отважных повстанцах и о подстерегающих их опасностях.

Внезапно я вздрогнула и прислушалась. Кто-то осторожно стучал в мое окно. Я молча ждала, что будет дальше и сердце мое сжалось от какого-то странного предчувствия.

Стук повторился, на этот раз он был громче и чей-то голос, слабый, как дуновение ветерка, произнес мое имя. Я не ошиблась. Голос этот действительно принадлежал шевалье д'Альже.

Я подбежала к окну и, распахнув его, увидела внизу тени двух мужчин, один из которых неподвижно лежал на земле.

— Кто там? — тихо спросила я прерывающимся от волнения голосом.

Неизвестный мне голос взволнованно ответил:

— Откройте скорее, он только что лишился чувств.

Не долго думая, я выполнила просьбу незнаком-

ца, ибо была уверена, что он говорит о шевалье.

Через несколько минут бедный мальчик лежал уже на диване, на котором обычно спала старушка Ламбер.

Его товарищ, гордый и красивый молодой человек, опустился рядом с ним на колени и, расстегнув одежду на окровавленной груди шевалье, начал перевязывать ему рану. Я молча помогала ему, даже не думая спрашивать, что привело их сюда.

Наконец Мари д'Альже открыл глаза и увидел меня. На губах его показалась печальная слабая улыбка. Взяв за руки меня и своего товарища, он прошептал:

— Вот два существа, которых я люблю больше всего на свете. Октав, это Ортанс, о которой я так часто рассказывал тебе; Ортанс, это виконт де Ранкон, мой лучший, мой единственный друг…

— Хорошо, хорошо, — прервал его виконт де Ранкон, — теперь, когда мы наконец в безопасности, по крайней мере, на ближайшие несколько часов, пора подумать о покое, который так тебе необходим.

Через несколько минут для шевалье была готова маленькая комната рядом с моим будуаром.

Пока я стелила там постель, виконт де Ранкон

сообщил мне о событиях последних нескольких дней.

Маленький отряд сторонников герцогини Беррийской потерпел поражение в битве под Бург-Нефом, саму герцогиню захватили в плен в Нанте и поднятое ею восстание было безжалостно подавлено.

Виконт де Ранкон должен был вернуться домой, но прежде, чем расстаться с другом, захотел доставить его в безопасное место. Он не сомневался, что Нуазель хотя бы временно послужит ему надежным убежищем.

Ситуация была очень серьезной, но я была полностью уверена в молчании своей гувернантки, на порядочность которой всецело могла положиться.

Поэтому я твердо сказала господину де Ранкону, что под моей крышей его другу не грозит никакая опасность.

На следующий день виконт покинул нас и продолжил путь в замок своих предков.

Шесть долгих недель провел Мари в Нуазеле, и все это время нам с дорогой Ламбер удавалось сохранить его присутствие в тайне.

За все свое пребывание в нашем доме он ни разу не заговорил со мной о любви, стараясь как

можно меньше вызывать в моей памяти картины прошлого, но эти шесть недель все равно запомнились мне, как долгая песня любви.

Даже сейчас я часто вспоминаю об этих счастливых часах с чувством столь же чистой радости, как чисты были наши отношения. За все это время у нас не было ни малейшей причины упрекнуть в чем-либо друг друга.

Час расставания явился для нас жестоким испытанием, тем более, что оба мы старались казаться лишь немного опечаленными, в то время как в душе каждый из нас чувствовал глубокую горечь утраты и безысходное отчаяние.

Шевалье попросил на память обо мне лишь одну вещь — медальон с моим миниатюрным портретом — и я не смогла отказать ему в этом последнем знаке внимания. Медальон этот висит сейчас у меня на груди и я не расстанусь с ним даже после смерти.

Бедный маленький шевалье!

Матушка уронила голову на грудь и на несколько минут погрузилась в глубокое молчание.

Затем она продолжила свой печальный рассказ.

— С тех пор я никогда больше не видела шевалье. Он уехал как раз вовремя, ибо через неделю

в Нуазель прибыл мой муж, собиравшийся вернуться вместе со мной в Париж, где его ожидал важный пост и большое будущее.

Он был со мною очень мил и любезен, даже сказал, что за его отсутствие я выросла и еще больше похорошела.

Короче говоря, если ему и не удалось заставить меня позабыть Мари, то во всяком случае он смог облегчить мне горечь утраты.

Выйдя замуж не по своей воле, я, тем не менее, была рада, что муж мой оказался столь заботлив и внимателен ко мне, ведь многие бедные девушки не находят счастья в браке, а у твоего отца за внешней фривольностью манер скрывается нежное и любящее сердце. Вскоре я поняла, что он по-настоящему любит меня и стала надеяться, что счастье для нас вполне возможно.

Шевалье д'Альже был в моей жизни лишь случайностью и я вскоре забыла его или, скорее, убедила себя в этом, искренне веря, что полюбила мужа.

Ах, Киприенна, все мои несчастья начались с твоим рождением, которое, по идее, должно было бы стать благословением небес.

К несчастью, ты родилась двумя месяцами раньше срока и это, в общем-то довольно обычное

обстоятельство почему-то возбудило подозрения графа. Он высчитал срок, навел справки о моей жизни в Нуазеле и от кого-то узнал (до сих пор не могу понять, от кого именно) о тайном пребывании в нашем доме шевалье д'Альже.

После этого поведение его резко изменилось, он стал почти груб со мною, и, кроме того, невзлюбил тебя, Киприенна, ибо ты, без сомнения, служила для него живым напоминанием о моей воображаемой ошибке.

Более опытная женщина на моем месте очень скоро обнаружила бы причину столь резкой перемены в его поведении и вызвала бы мужа на объяснение, которое помогло бы ей доказать свою невиновность, но у меня на это не хватило смелости и я упустила возможность оправдаться перед твоим отцом.

Однажды он зашел настолько далеко, что беззаботным тоном заговорил со мною о недавней смерти шевалье д'Альже, произошедшей в Германии.

Лицо мое покрылось смертельной бледностью и в охватившем меня смущении я допустила огромную ошибку, сказав, что не помню человека с таким именем.

Итак, пропасть между мною и моим мужем

расширялась с каждым днем, а он тем временем отправил тебя на воспитание в монастырь, расположенный в городе Б…

Что касается меня, то хоть я и жила с ним в одном доме, но была так же далека от него, как и ты. Однако даже тогда примирение было бы еще возможно, если бы в нашем доме не появился злой дух.

— Это был полковник Фриц? — вскричала я, осененная внезапной догадкой.

Матушка с удивлением посмотрела на меня.

— Так ты уже обо всем догадалась? — запинаясь спросила она. — Но твой отец не знал, что в доме его появился опаснейший враг. По словам полковника, он знал шевалье д'Альже в период его жизни в изгнании и был его лучшим другом и утешителем в час смерти. Умирая, шевалье просил его передать мне медальон, который все это время хранил, как святыню.

И этот человек, это чудовище, имел наглость обмануть доверие графа и воспользоваться моей слабостью.

И я была настолько глупа, что поверила его словам!

После этого, дорогая Урсула, матушка рассказала мне все.

Милая матушка, несчастная страдалица, виновна ты или нет, но я никогда не стану твоим судьей и забуду твою историю, сохранив в памяти лишь перенесенные тобою муки!

ГЛАВА XXIII
Брачный договор

Киприенна хотела сохранить воспоминание лишь о страданиях своей матери, последуем же ее примеру и расскажем только об угрызениях совести несчастной женщины.

Она действительно была виновна, но упрекнуть ее можно было лишь в легкомыслии и безрассудстве. Графиня стала рабой жалкого негодяя и послушной игрушкой в его руках. Полковник обвинил ее перед мужем в том преступлении, которого она не совершила, но бедная женщина была лишена возможности доказать свою невиновность.

Ее муж стал считать собственную дочь незаконнорожденной, а другого своего ребенка, маленькую Лилу, графине пришлось скрыть от ее злобного отца, полковника Фрица, который не замедлил бы сделать из девочки еще одно свое орудие.

У несчастной матери осталось лишь одно существо, которое еще любило ее и доверяло ей. И этому существу, которое она когда-то носила под

сердцем, которое было ее родной дочерью, графиня только что сказала полные печали слова:

— Киприенна, ты любишь меня, но забываешь при этом, что я являюсь главной причиной всех твоих несчастий. Ты испытываешь ко мне доверие, которого я ничем не заслужила. Я слаба и беззащитна, а ты призываешь меня на помощь, хотя у меня не хватает сил защитить даже саму себя. Бедная душа, ты слишком высокого мнения обо мне, а ведь я — самая виновная из всех женщин. Прокляни же меня, я недостойна называться матерью!

Разве не были эти муки раскаяния достаточным наказанием для графини? Да, измученная угрызениями совести, она сказала эти слова своей доброй и нежной Киприенне.

И Киприенна со слезами на глазах заключила ее в объятия, поцеловав в лоб и прошептав лишь одно восклицание:

— Бедная матушка!

* * *

Сквозь плотные занавеси пробивался тонкий луч занимающегося дня. Киприенна лежала в своей белоснежной постели и крепко спала после бессонной ночи. На лице ее играла слабая

улыбка.

О чем же думало это прелестное дитя?

Во сне она видела себя гуляющей по саду в Нуазеле рука об руку с маленьким шевалье д'Альже, который затем внезапно превратился в дона Жозе, а сад вдруг приобрел сходство с монастырским садом в городе Б…

Урсула тоже была там. Она стояла где-то в кустах, прислушиваясь к чему-то и загадочно приложив палец к устам.

— Почему вы плачете? Почему вы так страшитесь будущего? — спрашивал Киприенну ее спутник. — Будьте мужественны и верьте вашим неизвестным друзьям.

Внезапно в воздухе появились какие-то крылатые тени. Постепенно все они приобрели сходство с теми, кого любила Киприенна и кто испытывал к ней те же чувства. Там были мать-настоятельница, Урсула и, конечно же, ее дорогая матушка.

Они подходят к ней все ближе, они хотят поцеловать ее и заключить в свои объятия, но тут появляется графиня Монте-Кристо, ведущая за руку маленькую Лилу.

— Почему ты плачешь, зачем со страхом думаешь о будущем? Ничего не бойся и верь своим неизвестным друзьям, — ласково говорит ей

графиня.

* * *

Ортанс де Пьюзо еще не ложилась и все еще не спит.

Глубоко задумавшись, она по-прежнему сидит в кресле, лицо ее необычайно бледно, а глаза покраснели от слез и бессонницы.

Перед ее мысленным взором также проходят видения, она снова видит сад в Нуазеле и бледное лицо шевалье д'Альже.

Она тоже вспоминает тех, кто оказал какое-то влияние на ее судьбу, — маркизу де Симез, добрую старушку Ламбер, графа де Пьюзо и наконец причину всех ее слез и печалей — искусителя и тирана, полковника Фрица.

Все они угрожающе приближаются к ней. Лишь один маленький шевалье прощает ее и тихо плачет, как плачут ангелы в раю, видя как гаснет звезда или как душа уступает искушению.

Лишь он один прощает ее.

Нет, не только шевалье д'Альже!

Над картиной отчаяния и горя возникает еще одно видение, прекраснее и благороднее всех. Видение принимает облик графини Монте-Кристо. Рука ее указывает на небеса, а рядом с ней стоит

девочка. Этот ребенок — Лила.

— Плачь, грешница! Утопи свое горе в слезах раскаяния! Плачь, кайся и получишь прощение, — слышится голос таинственной графини.

Встав с кресла, графиня де Пьюзо взяла со стола смятое письмо, которое только что читала.

— Да, именно оттуда ко мне придет спасение, если не полное забвение всех страданий, — воскликнула она, — только автор этого письма сможет помочь нам, только эта святая утешительница графиня Монте-Кристо!

Как только Ортанс произнесла это таинственное заклинание и подняла голову, то сразу же увидела перед собою графиню Монте-Кристо.

За полуотворенной дверью виднелась фигура госпожи Потель.

— К сожалению, вчера я не смогла навестить вас, — произнесла графиня Монте-Кристо, — мне помешало сделать это исполнение священного долга, которого я придерживаюсь в течение многих лет. Но сейчас я свободна и потому я здесь. Что вы собираетесь делать?

— Я хочу полностью доверить вам свою судьбу, — ответила графиня де Пьюзо, — вы знаете все о моей ошибке и вы единственная, кто дарит мне утешение и поддержку, поэтому я приму любой

ваш совет.

— Хорошо, — ответила графиня Монте-Кристо, — я только что имела разговор с доном Жозе и ваше решение не является для меня неожиданностью. И вот, бедная исстрадавшаяся душа, я пришла и говорю тебе от имени всемогущего Господа: ты искупила свой грех и достаточно пострадала за него, слезы очистили тебя от греха и угрызения совести искупили твое преступление. Присоединяйся же к нам, сестра, после долгого шторма ты наконец обрела тихую гавань.

Удивленная и ничего не понимающая графиня де Пьюзо молча слушала свою гостью, которая тем временем продолжала:

— Приди к нам и ты найдешь среди нас товарищей по несчастью — невинных жертв и кающихся грешников, тех, кто страдал сам, и тех, кто заставлял страдать других. Двери наши открываются для первых из них по первому их стуку, другие же, прежде чем быть допущенными, должны пройти серьезное испытание. Ты прошла через него и я могу наконец позволить тебе разделить с нами спокойствие и утешение, даруемое нашей работой.

— Какую работу вы имеете в виду? — удивленно прошептала госпожа де Пьюзо.

По знаку, сделанному графиней Монте-Кристо, госпожа Потель переступила порог комнаты.

— Посмотрите на эту женщину! — продолжала графиня, — она никогда не сворачивала с пути добродетели, но была несчастной женой и еще более несчастной матерью, вся ее жизнь была нескончаемой цепью горестей и печалей. Когда я ее встретила впервые, она была совершенно одинока в своем горе, ей не к кому было обратиться за поддержкой, но разве это было справедливо? Разве долг любого христианина не заключается в том, чтобы помогать несчастным? Ведь мы должны стремиться помочь всякому, попавшему в беду.

Помолчав немного, графиня Монте-Кристо заговорила вновь:

— Одна из задач проводимой нашими сестрами работы заключается в том, чтобы выявлять скрытое горе и дарить утешение отчаявшимся. Мы стараемся предотвратить ошибки, предупреждая юных девиц об окружающих их искушениях. Но, к сожалению, мы еще очень слабы, хотя мне уже приходилось встречать тех, кому мы смогли оказать помощь и поддержку. Близится тот день, когда благодаря взаимной любви мы станем непобедимы. Уже сейчас эти новые миссионеры,

наши целители душ и сестры милосердия, не могут спокойно пройти мимо горя и нищеты. Оставим мужчинам гордую работу цивилизации общества. Да, дорогие сестры, оставим им гром побед, опьянение битвой и упоение властью. Скромные помощницы в великой работе, мы станем выполнять свою миссию тихо и незаметно для окружающих.

Пока графиня Монте-Кристо вела свою проникновенную речь, две сестры почтительно внимали ей, склонив головы и молитвенно сложив руки.

— О, как я могу считать себя достойной участвовать в этой святой работе? — вздохнула графиня де Пьюзо.

— Но, дорогая моя, вы уже и так вполне достойны этого, — воскликнула графиня Монте-Кристо, заключая в объятия новую сестру, — но все же вам придется вынести еще одно испытание. Вы должны на время оставить общество, возможно, это продлится несколько лет, но все это время ваша дочь будет находиться под нашим заботливым наблюдением, поверьте, покинув ее на время, вы не оставите ее сиротой.

— Приказывайте и я подчинюсь вашему решению, — решительно ответила графиня де Пьюзо.

Тем временем наступил день и в кабинете

графа де Пьюзо происходила совершенно иная сцена.

Граф, барон Матифо и полковник Фриц была заняты обсуждением брачного договора.

Письменный стол графа был завален кипами документов, относящихся к стоимости той или иной собственности, доходам от ферм и поместий, а также к случаям возможной смерти того или иного родственника или члена семьи.

В опись ценного имущества не внесли только саму Киприенну.

Наконец обсуждение закончилось и договаривающиеся стороны пришли к полному согласию по всем вопросам.

Засовывая бумаги в большой портфель с серебряным замком, Матифо пообещал лично переговорить с нотариусом о составлении контракта и вскоре распрощался с присутствующими.

Перед самым его уходом полковник, потирая руки, исподтишка подмигнул графу, как бы желая сказать тем самым: «Ну что, мы ловко поймали его в ловушку, не так ли?

— Кстати, — заметил вдруг Матифо, останавливаясь у самой двери, — на какое число мы назначим подписание брачного договора?

— Сделаем это как можно скорее, — ответил

граф де Пьюзо, — пусть церемония состоится завтра вечером.

Завтра вечером! Бедная Киприенна!

ГЛАВА XXIV
Счастье богачей

Вечером следующего дня особняк де Пьюзо был ярко освещен, на лакеях были парадные ливреи, во двор дома въезжали все новые и новые экипажи. По парадной лестнице нескончаемым потоком поднимались гости, среди которых были гордые дипломаты, элегантные молодые денди, почтенные пожилые дамы и очаровательные юные девицы.

Пока все они торжественно проходили между двумя рядами лакеев, на улице перед домом собралась толпа праздных зевак, выражавших свою зависть и восхищение самыми разнообразными замечаниями.

— Ну и счастливцы же эти богачи!

— Эта дама, должно быть, по меньшей мере маркиза.

— Это посол!

— А это министр!

— Посмотрите-ка, вон идет герцог де Ленонкур!

— Кто? Этот маленький толстяк?

— Нет, другой, вон тот худощавый мужчина. Хоть он и выглядит таким тощим и имеет голодный вид, но тем не менее, он сказочно богат. Говорят, что в день он тратит не меньше пятисот франков!

— За такие деньги можно каждый день съедать по целому быку.

— Конечно, но он ест не больше других.

— Еще бы! Даже китайский император не может съесть за обедом больше двух бифштексов.

— Какая прекрасная карета!

— А вон еще одна!

— Наверное, здесь сегодня будет бал?

— Кажется, они празднуют свадьбу!

— Нет, нет, вы ошибаетесь.

— Нисколько!

— Господа, я могу сообщить вам самые верные сведения! — воскликнул маленький и юркий писец, служивший в конторе у нотариуса. — Сегодня вечером должно состояться подписание брачного договора между дочерью графа де Пьюзо и бароном Матифо. Уж мне-то это хорошо известно, поскольку барон является одним из наших клиентов.

По толпе пронесся гул восхищения.

Матифо! Самый богатый и честный человек

во Франции, вот кто такой этот Матифо! Его имя, подобно магическому заклинанию, вызывало видения стальных сейфов, наполненных блестящими золотыми монетами, и целых кип тысячефранковых купюр, громоздящихся подобно огромным башням.

Кое-кто поговаривал, что банкир всегда имел при себе полтора миллиона франков наличными, а в жилетном кармашке носил чек на такую же сумму.

Другие рассказывали, что однажды зимой Матифо отказался заплатить высокую цену за персики, но, побежденный красотой и изяществом хорошенькой продавщицы, в конце концов уплатил за них вдвое.

Третьи вспоминали случай, когда барон както раз дал подержать на несколько минут свой портфель носильщику, а затем заплатил тому за услугу целых семьдесят пять франков.

— О, как счастлива его невеста! — судачили в толпе, — ей очень повезло с таким женихом.

Но если бы они только знали, с каким страхом ждала бедная Киприенна наступления ужасной минуты, если бы они только видели, с каким презрением и негодованием смотрит невеста на своего знаменитого жениха!

Приглашенные собирались в парадной гостиной, где их встречал сам хозяин дома, граф де Пьюзо.

Он проявлял очевидное беспокойство, то и дело бросая взгляды на дверь, откуда должна была с минуты на минуту появиться его супруга, которая уже и так запаздывала, заставляя ждать себя гораздо дольше, чем позволяли правила этикета, и обстоятельство это не могло остаться незамеченным гостями.

Граф уже дважды посылал за графиней, но никто из слуг так и не вернулся, а госпожа де Пьюзо все еще не появлялась.

Откладывать церемонию дольше не было никакой возможности.

Нотариус открыл свой портфель и выложил на стол необходимые документы.

Граф бросил многозначительный взгляд на полковника Фрица, который отлично понял его и быстро вышел из комнаты.

Через несколько минут он вернулся с нахмуренным лицом и, подойдя к графу, шепнул ему на ухо несколько слов.

Выслушав его, граф сделал невольный испуганный жест, не укрывшийся от внимания гостей. Однако господин де Пьюзо тут же взял себя в руки

и с полным самообладанием объявил, что графиня плохо себя чувствует и просит извинить ее за опоздание, однако, она все же надеется появиться в гостиной через несколько минут.

Затем граф подошел к доктору Озаму, стоявшему у камина, и, взяв его под руку, увел врача из комнаты.

Как только граф удалился, в зале послышался приглушенный шепот; громко говорить боялись, ибо в гостиной находились Киприенна и Матифо.

Всецело поглощенный своей любовью, банкир не замечал ничего вокруг и принялся утешать побледневшую Киприенну, стоявшую рядом с ним с опущенными глазами.

Выгодное замужество Киприенны вызывало зависть у многих близких друзей графа де Пьюзо, которые тут же начали делать насмешливые замечания по поводу отсутствия графини.

— Графиня не из тех женщин, которые могут из-за легкого недомогания пропустить столь важное событие в жизни своей семьи, — заметил один из приглашенных.

— Кто знает, как она в действительности относится ко всему этому? — шепотом ответил его сосед, — кажется, графиня с самого начала не

одобряла этого брака.

— Как жаль, что такую прелестную девушку приносят в жертву богатству, — тихо пробормотала пожилая вдова, приехавшая вместе со своей двадцатипятилетней незамужней дочерью. Справедливости ради следует отметить, что и маменька и дочка в душе были готовы с радостью принести точно такую же жертву.

— Это просто какая-то комедия, — произнес старик, стоявший рядом с ними, — графиня не более больна, чем вы или я.

— Но почему же она тогда так долго не появляется здесь?

— Причина очень проста — она просто отказывается дать свое согласие на этот брак. Она не очень-то ладит с супругом и теперь рада возможности доставить ему крупную неприятность.

— Неужели вы думаете, что она может отказаться от такого зятя, как Матифо? Вы шутите, маркиз.

— Да по первому его знаку любая из присутствующих здесь матерей бросит своих дочерей к его ногам, а в случае необходимости с радостью и сама выйдет за него замуж.

— Мне кажется, вы просто оскорбляете нас, виконт, — сердито заметила одна из дам.

— Ни в коем случае, сударыня, я говорю только о тех, у кого есть дочери на выданье. Ваша еще слишком мала для этого.

— О, моей Люсиль еще только шесть лет.

— Скажем лучше, что ей уже шестнадцать, — тихо пробормотал неисправимый старый скептик, — но давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Тем временем граф де Пьюзо и доктор Озам поднялись по лестнице, ведущей в апартаменты графини, и доктор, хорошо знакомый с расположением комнат в доме, положил было руку на ручку двери, но граф удержал его.

— Ведь вы честный человек, доктор, не так ли? — спросил он взволнованным голосом.

Отдернув от двери изящную белую руку с длинными пальцами хирурга, доктор удивленно посмотрел на графа своими большими голубыми глазами и с достоинством ответил:

— Да, господин граф, смею надеяться, что я именно таков.

— В таком случае вы должны сохранить тайну, от которой зависит честь и счастье всей нашей семьи.

— За свою жизнь мне пришлось узнать сотни подобных тайн, — ответил ему доктор, — но, сам

не знаю почему, я их тут же забываю.

— Но в данном случае этого недостаточно, — продолжал граф. — Готовы ли вы стать соучастником небольшого обмана?

Услышав эти странные слова, доктор недоуменно поднял брови.

— Поверьте, ложь эта совершенно невинна, зато она, как я только что сказал вам, позволит мне спасти честь и счастье нашей семьи.

— Я не могу принять заранее такого решения, — заметил доктор Озам, — сначала мне необходимо выяснить, о чем идет речь, но в любом случае обещаю вам молчание, независимо от того, соглашусь ли я на вашу просьбу или нет.

— Хорошо, доктор, тогда смотрите сами! — воскликнул граф, широко распахивая дверь спальни своей жены.

Комната графини была пуста, постель выглядела так, как если бы на ней кто-то провел несколько беспокойных часов. Дверцы шкафа были раскрыты, он тоже был пуст. На стульях валялось несколько небрежно брошенных платьев, видимо, забытых в спешке.

— Что это значит, господин граф? — вскричал доктор, в растерянности глядя на господина де Пьюзо.

— Как видите, графиня ушла из дома, — ответил тот. — Какой скандал! Да, доктор, она убежала! А я-то еще думал, что мне наконец удалось уговорить ее! Казалось, она согласилась на все и вдруг такой неожиданный сюрприз!

Вынув из нагрудного кармана смятый лист бумаги, он протянул ее доктору.

— Читайте! Она оставила мне эту записку.

«Граф, — прочел доктор, — я слишком слаба, чтобы противостоять вашим угрозам, но во мне еще достаточно сил, чтобы не согласиться с вашим намерением принести в жертву нашего ребенка ради поправки вашего пошатнувшегося положения…»

— Нашего ребенка! — с горечью повторил граф.

«… Поскольку я не осмелилась открыто сказать «нет», — продолжал читать доктор, — то приняла решение бежать из нашего дома, чтобы не быть обязанной дать согласие на этот брак. Не ищите меня, все ваши поиски все равно будут напрасны…»

— Ну это мы еще посмотрим! — вскричал граф.

«… Вы не увидите меня до тех пор, пока не откажетесь от своих планов относительно Киприенны. Дорогой друг, заявляю вам в последний

раз, что я действительно некогда обманула вас, но Киприенна, все же, ваша родная дочь, клянусь вам в этом. Не заставляйте неповинную ни в чем девушку расплачиваться за мою ошибку».

Граф со стоном упал в кресло.

— Что же мне теперь делать? — тихо пробормотал он, — как я смогу объяснить этот побег?

— Ну что ж, — с улыбкой ответил доктор Озам, — вам просто придется и дальше придерживаться столь удачно пришедшего вам в голову объяснения. Ведь, насколько мне известно, никто еще не был в этой комнате, не так ли?

— Сюда заходил только полковник Фриц, но я полностью доверяю этому другу.

— Прекрасно, — заметил доктор, — в таком случае нам надо постараться выиграть время. Я готов подтвердить, что графиня де Пьюзо серьезно больна и стану навещать ее каждый день, а через несколько суток мы, в случае необходимости, отправим ее на побережье.

— Это нам поможет лишь ненадолго! — с отчаянием вскричал граф. — Вы сами знаете, что в нашем обществе люди видят сквозь стены и слышат даже то, чего нет на самом деле. Не пройдет и двух недель, как о нашей тайне станут кричать на улицах.

— Вы правы, — холодно заметил доктор, — нам действительно надо как можно скорее обнаружить местонахождение графини.

— Но как это сделать? Может быть, стоит обратиться к помощи полиции?

— Нет, полицию не стоит впутывать в это дело.

— Как же тогда быть?

— Но ведь способ прямо указан в письме. Откажитесь от брака вашей дочери.

— Никогда! — сердито воскликнул граф.

— Вы можете поступать, как вам будет угодно, — продолжал доктор, — но послушайте мой совет. Я, врач, хорошо знающий господина Матифо и лечивший его приемную дочь, говорю вам: откажитесь от всякой мысли об этом браке.

— Возможно, вам известно нечто…

— Мне ничего не известно, господин граф, — поспешно прервал его доктор, — ибо я тут же забываю все доверенные мне тайны. Но подумайте над моими словами, а я тем временем возьму на себя обязанность распорядиться отъездом ваших гостей.

Через пять минут последний экипаж выезжал из ворот особняка, в котором граф чувствовал себя совершенно одиноким, несмотря на присут-

ствие Киприенны, в которой он по-прежнему не хотел признать родную дочь.

Что касается самой Киприенны, которой сказали, что у ее матери открылась заразная болезнь, то она была уверена, что ее свадьбу просто отложили, так что этот огромный роскошный особняк, столь веселый и великолепный снаружи, таил в себе лишь горе и отчаяние.

Как счастливы богачи!

ГЛАВА XXV
Кафе «Синий тюрбан»

На втором этаже кафе «Синий тюрбан» стояли два биллиардных стола. Каждый вечер, примерно с десяти до одиннадцати часов, там неизменно собиралось несколько богатых буржуа, развлекавшихся игрой в карты и на биллиарде. Помещение же на первом этаже посещалось публикой попроще — там бывали носильщики, рассыльные и представители других подобных профессий. Обычно они начинали собираться как раз к тому времени, когда завсегдатаи второго этажа расходились по домам.

Нижнее помещение было обставлено несравненно скромнее верхнего и состояло лишь из одного небольшого узкого зала с баром в дальнем конце.

В описываемый момент в зале собралось пять-шесть человек, с удовольствием угощавшихся дешевыми спиртными напитками.

Наши друзья, Жозеф и Клеман, спокойно потягивали свой иоганнисбергер[1], стоя у стойки

---

[1] Примечания: 1

Иоганнисбергер — сухое белое рейнское вино (Прим. переводчика).

бара. Внимание любителя колоритных сцен обязательно привлекла бы маленькая группа, состоявшая тоже из двух человек, которыми были Жакмен и Чинелла.

Жакмен внимательно смотрел на дно своего пустого стакана, а сидящий напротив него Чинелла озабоченно почесывал свой красный нос.

Лежижан только что ушел от них и оба они обдумывали данное ему обещание. Несмотря на сильное опьянение, их все же мучили угрызения совести, ибо темное дело, на которое они решились, внушало им невольное отвращение.

Засунув руки в карманы, Чинелла бренчал золотыми монетами, которые заранее выдал ему искуситель, и без конца, как какой-то припев, повторял собственные последние слова:

— Теперь я смогу купить бедняжке Пиппионе кое-какие лакомства. — Быть может, это в какой-то степени оправдывало в его глазах собственное предательство.

Как! Урсула в течение нескольких недель была ангелом-хранителем его дочери, преданно ухаживала за ней, чинила ей одежду и кормила ее, а теперь он должен участвовать в ее похищении? Слова Лежижана вовсе не убедили его и Чинелла был уверен, что им предложили принять участие

в противозаконном и преступном заговоре.

А что видел на дне своего стакана Жакмен? Прежняя его счастливая жизнь кончилась и он испуганным взглядом измерял глубину пропасти, через которую перескочил с молниеносной быстротой, даже не думая о возможных последствиях.

Жакмен прекрасно знал, что Лежижан замышляет какое-то преступление. Ну что же, тем лучше! Пусть же страдают и другие. Раз уж он не может отомстить той, которая его бросила, то по крайней мере выместит свою злобу на другой, которую заставит вынести те же страдания, что вытерпел он сам.

— Это должно случиться! — сказал он себе. — Она может кричать — так что же, я тоже кричал. Она может озлобиться и пойти по плохой дорожке, но ведь та, которую я так нежно любил, кончила тем же. Если я стал таким, как я есть сейчас, то в этом виновата больше всего она.

И с этими словами он схватил свой стакан, намереваясь отпить из него большой глоток, но стакан был пуст.

Помимо призрака Нини Мусташ его преследовало еще одно видение.

Селина была его злым гением. Роковая страсть

к ней разрушила счастье Жакмена и стала причиной его падения.

Другое же видение, напротив, указывало ему долгий и трудный путь к спасению и сквозь оглушительный шум опьянения нежный и ласковый голос шептал ему на ухо:

— Приди к нам, брат мой! Забудь свою несчастную любовь, ищи спасения в терпении и работе. Труд проясняет разум, а на смену трудовым будням приходят спокойные ночи отдохновения, ибо освежающий сон сопутствует чистой совести. Тебе кажется, что пьянство помогает тебе забыться, но в действительности оно лишь умножает твои горькие воспоминания о прошлом.

Видение это являлось Жакмену во все трудные минуты его жизни и тогда ему слышался тихий предостерегающий голос. Сейчас он тоже надеялся на появление своего доброго гения.

К несчастью, надеждам его, по-видимому, не суждено было сбыться.

Постоянно обманываемый тут же нарушаемыми обещаниями, ангел-хранитель, должно быть, отказался от своей неблагодарной работы.

И вот, подняв пустой стакан в отяжелевшей руке, Жакмен с горьким отчаянием воскликнул:

— Тем лучше! Пусть же они предоставят меня

моей злосчастной судьбе, ведь я все равно останусь подлецом и негодяем.

Он достиг той степени опьянения, когда организм уже не в силах противиться неодолимому воздействию сна и вскоре голова его тяжело опустилась на стол.

Чинелла напрасно пытался разбудить Жакмена, изо всех сил тряся его за плечи и крича ему в самое ухо.

— Ну что же, — пробормотал наконец итальянец, поднимаясь со стула, — до полуночи у нас есть еще время. Пусть он поспит тут, думаю, отсюда он никуда не денется, а я тем временем закончу все приготовления. С чего же начать?

Приложив руку ко лбу, он тихо прошептал:

— Необходимо, чтобы наша хорошенькая соседка зашла навестить Пиппиону. А она действительно очень хорошенькая, в этом не может быть никакого сомнения.

Сказав это, он улыбнулся, но тут же снова нахмурился.

— Ну и что из того! — пробормотал он, помолчав и прищелкнув пальцами, — ведь теперь я смогу купить бедняжке Пиппионе кое-какие лакомства!

С этими словами он пошатываясь вышел из

кафе.

Официант поднялся на второй этаж, чтобы зажечь газовые лампы.

Неожиданно на плечо Луи Жакмена легла твердая сильная рука и, пробудившись ото сна и подняв голову, он с удивлением увидел перед собой Жозефа.

Да, это был Жозеф Розель, тот самый утешитель и советчик, которого бедняга так долго призывал, страдая от мучительных сомнений.

— Брат мой, — укоризненно произнес Жозеф, — всего лишь несколько дней назад ты обещал мне, что бросишь пить и вернешься к Клеману, но вот я снова встречаю тебя в таверне, а значит, ты снова не сдержал слова. Ты же помнишь, что я обещал тебе в случае твоего исправления.

— Да, — пробормотал Луи, — вы хотели вернуть мне матушку, мою дорогую матушку, которую я своим ужасным поведением заставил уйти от меня. Ах, Жозеф, напрасно вы пытаетесь спасти меня, я пропащий, ни к чему не пригодный человек!

По щеке его скатилась крупная слеза.

— Раз ты еще можешь плакать, значит для тебя еще не все потеряно, — сказал Жозеф, указывая на эту слезу.

— О, если бы вы только знали! — воскликнул Луи.

Жозеф улыбнулся.

— Ты и так знаешь, что мне известно все, по крайней мере все, имеющее отношение к тебе, — заметил он.

— Ваша правда, — пробормотал Жакмен, — но за последнее время я стал законченным негодяем и, если опять наобещаю вам исправиться, то снова обману вас и нарушу свое слово. Ведь у меня ничего здесь не осталось, — добавил он, с силой ударяя себя в грудь кулаком.

— Скоро, с нашей помощью, здесь снова появится кое-что, — тихо заметил Жозеф, как бы разговаривая сам с собой, а затем громко добавил:

— А что, если я попрошу сейчас тебя помочь мне в одном деле, например, в похищении? Ты согласишься помочь мне?

Луи удивленно посмотрел на Жозефа, от которого он меньше всего рассчитывал получить подобное предложение, однако, слово «похищение» тут же объяснило ему эту загадку.

Жозеф, несомненно, знал про обещание, которое Луи дал Лежижану, и его предложение, конечно же, не имело другой цели, кроме как

заставить Луи покраснеть за свое согласие участвовать в преступлении.

— Так значит, вам все известно! — воскликнул он, вне себя от удивления, вызванного внезапной догадкой.

Теперь настала очередь удивиться Жозефу.

— Весьма возможно, — уверенно сказал он, стараясь ничем не выдать своего удивления. — Однако давай-ка поговорим о нашем деле. Девушку зовут Урсула Дюран и живет она неподалеку отсюда, на улице Рамбутье, в квартире супругов Жоссе.

Все эти подробности еще больше утвердили Луи в подозрении, что Жозефу известно все о данном им подлом обещании и, схватив своего друга за руку, он рыдая воскликнул:

— Пощадите! Да, я действительно обещал сделать это! Но я был пьян и ничего не соображал! Клянусь вам, я никогда этого не сделаю!

— Но ведь ты обещал? — с интересом спросил Жозеф.

— Да, — продолжал Жакмен, — бедную девушку должны похитить сегодня ночью; ее должны заманить к Чинелле, за дочерью которого она ухаживает.

— Пиппиона! — пробормотал Жозеф.

— Я вижу, что вам все известно, но вы пришли вовремя. Теперь я понял всю преступность своего обещания и постараюсь во что бы то ни стало нарушить их планы.

Жозеф на минуту задумался.

— Лежижан все-таки опередил меня, — мелькнуло у него в голове, — я действительно пришел вовремя!

Затем, обернувшись к Жакмену, он решительно сказал:

— А теперь расскажи мне самым подробным образом весь план похищения.

— Они хотят, чтобы эту ночь девушка провела вместе с Пиппионой. В полночь я должен быть у двери, выходящей на улицу. Извозчик будет ждать в нескольких шагах за углом. Чинелла притащит ко мне девушку и тут начнется моя часть работы. Я должен буду отнести ее в экипаж и отвезти в неизвестное мне место, однако, я твердо решил отказаться от выполнения этих инструкций.

— Напротив, — спокойно заявил Жозеф, — ты их выполнишь в точности.

— Что вы говорите? — вне себя от удивления вскричал Жакмен.

— Да, ты сделаешь все, вот только не станешь

относить девушку в тот экипаж. Кстати, где он будет тебя ждать?

— На углу улицы. Там еще находится ресторан, около которого часто останавливаются кареты.

— Хорошо. Тогда другая карета будет ждать тебя рядом с домом, но с другой стороны. Как только девушка очутится у тебя, эта карета подъедет к дверям и кучер скажет: «Ваш экипаж, сударь!»

— А потом? — осведомился Жакмен.

— А потом ты сядешь в эту карету.

— Я выполню все, что вы сказали.

Клеман, стоявший тем временем в другом конце зала, заказал второй стакан иоганнисбергера.

— Мы чуть не опоздали! — заявил Жозеф, подходя к нему, — завтра было бы уже поздно.

— Значит, похищение состоится сегодня ночью? — спросил Клеман.

— Да, ровно в полночь. Теперь нам надо достать карету и кучера.

— Ты займись экипажем, а я позабочусь о кучере, впрочем, я сам возьму на себя эту работу.

— Тогда, до встречи!

— Увидимся в полночь.

ГЛАВА XXVI
Чета Жоссе

Супруги Жоссе, покровители Урсулы, жили на пятом этаже дома на улице Рамбутье. Над их жилищем находилось чердачное помещение, снимаемое балаганным актером Чинеллой и нашим другом Жозефом.

Господин Жоссе, синий фрак, серая шляпа и толстая трость которого были хорошо известны всем окрестным уличным мальчишкам, просиживал целые дни в своем магазине на улице Сент-Эсташ.

Его жена, бывшая прежде повивальной бабкой, давно удалилась от дел и жила теперь на доходы от магазина, вполне довольная своей жизнью.

Ничто так не помогает больному желудку, как стаканчик хорошего ликера, говаривала обычно эта добрая женщина, ухитряясь бесчисленное количество раз за день подлечить таким образом свой слабый желудок.

Супруги жили, ни в чем не нуждаясь. Откуда же у них брались деньги на безбедную жизнь?

Завистливые соседи шептались меж собою о

посещениях госпожи Жоссе каким-то хорошо одетым господином, который всегда приходил к ней только в то время, когда супруг ее находился в лавке.

Не стоит и говорить о том, что все это были досужие сплетни — добродетель госпожи Жоссе находилась вне всяких подозрений, единственной ее слабостью было пристрастие к стаканчику кюрасо или мараскино. Если Лежижан и навещал ее без ведома мужа, то приходил он всегда только по делу.

Вот только какие дела могли быть у госпожи Жоссе с Лежижаном?

Соседи хорошо помнили, что первые его посещения по времени совпали как раз с тем периодом, когда госпожа Жоссе оставила свою профессию.

После первого визита Лежижана она исчезла на несколько месяцев, а затем вернулась, привезя с собой очаровательную малютку, завернутую в батистовые пеленки и кружева. Об этом ребенке она рассказывала весьма таинственную историю.

По ее словам, это была дочь одной дамы из высшего общества, поручившей ей за огромную плату воспитание ребенка.

Соседи сделали вид, что поверили этому объяснению, но поскольку посещения Лежижана приобрели регулярный характер, они стали почитать себя вправе улыбаться при виде господина Жоссе.

Однако со временем ребенок подрос и в один прекрасный день исчез столь же таинственно, как и появился. Посещения Лежижана тоже временно прекратились.

По прошествии нескольких лет соседи заметили, что хорошо одетый незнакомец в коричневом фраке снова возобновил свои визиты к госпоже Жоссе. Вскоре та снова отправилась в путешествие, из которого вскоре вернулась в сопровождении Урсулы. С тех пор Лежижан стал навещать ее каждый день, но, поскольку к тому времени госпожа Жоссе уже состарилась, то ее добрые соседи пришли к мнению, что все эти визиты делались уже не ради нее, а ради красивой и молодой Урсулы.

Приблизительно в то же время, когда происходила беседа Жозефа с Луи Жакменом, все добрые друзья госпожи Жоссе находились в страшном волнении и собирались небольшими группами в коридоре, на лестнице и на улице перед домом.

Все знали, что в этот день должно произойти

нечто совершенно необычное, ибо на этот раз незнакомец в коричневом фраке явился к госпоже Жоссе в неурочный час, поэтому «ее дорогой муженек», возвращаясь домой из своей лавки, вполне мог повстречаться с другом своей достойной супруги.

Какова же будет в таком случае реакция мужа?

И как поступит человек в коричневом фраке?

Волнение и любопытство соседей достигло наивысшей точки в тот момент, когда господин Жоссе с обычной пунктуальностью поднялся по лестнице и направился в свою квартиру.

Подумать только! Прямо у них на глазах разыгрывалась настоящая драма, которая не будет стоить им ни копейки! Эта гордая госпожа Жоссе, вообразившая о себе невесть что, вот-вот будет поймана на месте преступления! Прошло пять, затем десять минут, но из квартиры четы Жоссе не доносилось ни звука. Любители скандалов притихли, напряженно прислушиваясь к происходящему в квартире, но все было напрасно. Наконец дверь отворилась, на лестнице послышались тяжелые шаги и стук трости.

Не могло быть никаких сомнений — по лестнице спускался сам господин Жоссе и, более того, он был один.

Разочарованное любопытство переросло в гнев. Разве стоило переживать за такого простофилю? Да он просто получил то, что заслужил и поделом ему!

Не обращая ни малейшего внимания на негодующий шепот соседей, господин Жоссе спокойно пробрался через толпу и, завернув за угол, направился в ближайшее кафе, где как ни в чем не бывало уселся за один из столиков и подозвал к себе официанта.

Когда посланный вслед за ним маленький мальчик вернулся к соседям с этой новостью, те выслушали ее в немом удивлении.

Предоставим теперь этих добрых людей самим себе и поднимемся на пятый этаж в квартиру госпожи Жоссе.

Бывшая повивальная бабка и наш старый друг Лежижан оживленно беседовали, сидя напротив друг друга.

Разговор их, без всяких сомнений, носил весьма важный характер, ибо оба они, хоть и находились одни в квартире, тем не менее говорили шепотом, а впустив своего гостя, госпожа Жоссе тут же заперла дверь на все замки и засовы.

Лежижан говорил совершенно спокойно, как и подобает полностью уверенному в себе чело-

веку.

В самый разгар беседы соседи стали свидетелями возвращения господина Жоссе и притаились в приятном ожидании скандала.

Господин Жоссе поднялся по лестнице и, подойдя к двери, робко позвонил.

— Это мой муж! — заметила бывшая акушерка.

На лице у Лежижана не дрогнул ни один мускул и он совершенно спокойно сказал:

— Вы прекрасно знаете, дорогая госпожа Жоссе, что в наших общих интересах ваш муж не должен ничего знать о наших секретах.

— Бедный ягненок! — воскликнула госпожа Жоссе, — зачем ему знать наши тайны?

Приоткрыв входную дверь, она высунула на лестницу голову и приветливо проворковала:

— Я сейчас очень занята, дорогой муженек. Приходи через час, а пока вот тебе полфранка, сходи выпей чашечку кофе.

Вот почему «дорогой муженек» впервые в жизни пошел в кафе и даже потратил там кое-какие деньги.

ГЛАВА XXVII
Нерешительность госпожи Жоссе

Соседи были совершенно правы, полагая, что своим небольшим состоянием госпожа Жоссе была обязана щедрости Лежижана.

Бывшая акушерка была одной из тех марионеток, которых этот страшный интриган заставлял плясать под свою дудку.

Разговор, состоявшийся между полковником Фрицом, доктором Туаноном и Лежижаном в маленькой конторе на Монмартрской улице, уже дал нам возможность познакомиться с ролью, отведенной для госпожи Жоссе в темном заговоре, задуманном тремя сообщниками.

Сначала ей было поручено тайно воспитывать маленькую Лилу, а затем в нужный момент помочь в юридическом установлении ее личности.

Как дочь графини де Пьюзо, к тому же рожденная в законном браке, Лила, конечно же, должна была стать наследницей графа де Пьюзо, а затем и своей старшей сестры Киприенны.

В глубине души госпожа Жоссе вовсе не была дурной женщиной, она просто никогда не могла

устоять перед искушением легкого заработка.

Да и в конце концов, разве она делала злое дело, воспитывая Лилу и время от времени устраивая ей тайные свидания с матерью?

Конечно же, нет!

Наоборот, она спасла жизнь этому ребенку, уберегла его от сиротского приюта, а возможно, и от еще худшей судьбы. Она утешила бедную отчаявшуюся женщину и, что еще лучше, проявив сострадание и человеколюбие, обеспечила себе небольшой, но довольно приличный доход.

Однако на этот раз разговор шел не о Лиле, а об Урсуле.

Господин Лежижан по-прежнему неустанно творил добро. По его словам, Урсуле угрожала серьезная опасность и госпоже Жоссе не следует беспокоиться и удивляться, если на следующий день она больше не увидит девушку. Лучше всего распустить слух, что Урсула отправилась в небольшое путешествие, которое продлится не дольше нескольких дней.

Соседи охотно поверят, что она решила проведать воспитавших ее добрых монахинь. Однако на этот раз госпожа Жоссе не чувствовала в себе обычной решимости способствовать планам Лежижана.

Во время своего первого визита Лежижан сказал ей следующее:

— Дело идет о воспитании ребенка одной дамы из высшего общества, которая в свое время допустила неосторожность и теперь может из-за этого серьезно пострадать. У вас есть возможность заработать очень неплохие деньги и оказать важную услугу влиятельному семейству, которое никогда этого не забудет.

Госпожа Жоссе не долго думая согласилась на это предложение.

Во второй раз (дело тогда шло о приезде Урсулы из монастыря) Лежижан задал лишь два вопроса:

— Хотите ли вы стать матерью и покровительницей для бедной покинутой всеми девушки? Хотите ли вы, чтобы она стала вам дочерью?

На этот раз госпожа Жоссе тоже ответила согласием на сделанное ей предложение. Но что теперь требует от нее Лежижан? Ведь она узнала и полюбила Урсулу, привыкнув к этому ласковому и нежному ребенку.

Чего же он добивается? Наверняка, этот человек замышляет что-то дурное.

Конечно же, и ее маленький, но стабильный доход, и хорошие ликеры, и другие приятные вещи

— все это прекрасно, но предать бедную девушку, у которой нет на свете ни одной близкой души, было бы слишком жестоко.

Слушая доводы госпожи Жоссе, Лежижан нервно потирал руки — в запасе у него оставалось лишь несколько часов и он стал уже сомневаться в возможности преодолеть сопротивление госпожи Жоссе.

— Обдумайте все еще раз и решайтесь, дорогая госпожа Жоссе, — убедительным голосом проговорил Лежижан.

— Но я не могу пойти на это! Я не хочу больше иметь ничего общего со всеми этими таинственными делами. Прежде всего, мой муж начинает проявлять недовольство. Вчера он прямо сказал мне: «Дорогая Бебель (так меня называет мой малыш), мы не должны участвовать в таких загадочных и сомнительных делах».

— Уверяю вас, госпожа Жоссе, во всем этом нет ничего таинственного, загадочного и сомнительного. Да и потом, кто доверил Урсулу вашему попечению?

— Конечно же вы, сударь, я вовсе этого не отрицаю, но, видите ли, малышке здесь очень понравилось. Муж ее очень любит, а я скорее дам отрубить себе руку, чем соглашусь причинить

ей какой-нибудь вред. И дело вовсе не в том, что я вам не доверяю, но как ни крути, а это ночное похищение выглядит по меньшей мере весьма подозрительно. А что я скажу, если ко мне придет та дама, у которой сейчас работает Урсула? Что бедная девочка уехала к своим родным? Но как я скажу это, ведь Урсула, возможно, рассказала там, что кроме нас у нее нет никого на свете? Нет, нет, говорю вам, это совершенно невозможно.

— Однако это просто необходимо, — ответил Лежижан, вставая с места и расхаживая по комнате. — А что вы скажете, дорогая госпожа Жоссе, если я предложу вам провести несколько дней вместе с Урсулой где-нибудь в предместьях Парижа? Ведь разговор идет всего лишь о нескольких днях. Раз вы будете вместе с ней, то сами сможете убедиться, что никто не хочет ей зла.

— Да, конечно, — нерешительно протянула госпожа Жоссе, — если я буду вместе с Урсулой, то это меняет дело. Но неужели вы думаете, что она добровольно согласится на это?

— Вот поэтому-то ее и необходимо похитить! — воскликнул Лежижан. — Иначе она расскажет другим девушкам в мастерской, куда собирается уехать и ее местопребывание перестанет быть тайной, а тогда все погибнет! Она должна

исчезнуть, вы меня понимаете? Неважно, что вы исчезнете вместе с ней, необходимо только, чтобы ее не было здесь уже к завтрашнему дню и чтобы никто не знал, где она находится.

— Хорошо, я согласна! — воскликнула госпожа Жоссе, осушая последнюю рюмку. — Либо вы похищаете нас вместе, либо это похищение вообще не состоится. Это мое последнее слово!

— Прекрасно, значит мы договорились. Теперь вы знаете все, но ваш муж не должен ни о чем догадываться.

— Будьте спокойны, он ничего не узнает, — уверенно заявила бывшая акушерка.

ГЛАВА XXVIII
Пиппиона и Мистигри

Девять часов вечера. Пиппиона спит в своей маленькой кроватке. Сон ее беспокоен, дыхание девочки с трудом вырывается из тощей плоской груди. Она спит, но рядом нет никого, кроме бедного черного кота по кличке Мистигри, являющегося постоянной и безропотной жертвой Пульчинеллы, точно так же, как Пиппиона является постоянной жертвой своего хозяина.

Поэтому-то между этими двумя существами, девочкой и котом, возникла самая нежная дружба.

Бедная Пиппиона! Бедный Мистигри!

Вот девочка заворочалась под своим тонким одеяльцем. Страшный кашель разрывает ей грудь, она просыпается, открывает глаза и видит две светящиеся желтые точки.

— Мистигри! — тихо зовет она. — Иди сюда, Мистигри!

Мистигри прыгает на кровать и начинает тереться о свою маленькую хозяйку.

Бедный Мистигри! Бедная Пиппиона! Они прекрасно понимают друг друга.

О, как часто обменивались они печальными взглядами, когда в дождь и снег Пиппиона напрасно сжимала посиневшими пальчиками свою оловянную тарелочку, куда зрители не хотели класть денег, а кот терпеливо получал удары хлыстом от Пульчинеллы.

А как смеялись уличные мальчишки! Как они смеялись над Пиппионой и Мистигри!

Бедная Пиппиона! Бедный Мистигри!

— Мистигри! Иди сюда, Мистигри!

Ребенок играет с котом. Кот прыгает по кровати, а девочка смеется его проказам.

Бедный Мистигри! Бедная Пиппиона!

Вдруг девочка начинает дрожать всем телом. Она больна, у нее лихорадка. Пиппиона прижимает кота к груди и умное животное замирает, стараясь хоть как-то согреть ее.

Она тихо говорит с Мистигри. Какие же тайны поверяет она своему маленькому другу?

— Помнишь ли ты счастливые дни в тех живописных бедных деревушках, где люди были так добры к нам? Они аплодировали нашим выступлениям, добрые женщины гладили тебя, а дети делились с тобой куском пирога. Однажды какой-то старичок воскликнул, положив мне руку на голову: «Какое прелестное дитя!»

Сострадательные женщины целовали меня в лоб, вкладывая мне в руку деньги. Ах, эти люди были очень добры, то было чудесное время, бедняжка Мистигри!

Мистигри, казалось, понимал эти слова, ласкаясь к Пиппионе и как бы говоря своим громким мурлыканьем:

— Да, это действительно было замечательное время!

— Тогда папаша Чинелла еще не был так груб с нами, — продолжала Пиппиона, — он дарил мне хорошие вещи и ты тоже получал свою долю. Ах, это чудесное счастливое время!

И Мистигри, казалось, печально повторял за нею:

— Чудесное время! Счастливое время!

— Зато здесь, в Париже, очень холодно и люди здесь злые, — продолжала Пиппиона, — здесь нет для тебя вкусного молока, а для меня ржаного хлеба с запахом орехового масла. А эти ужасные длинные и грязные улицы, по которым мы вынуждены бродить! О, эта ужасная страна, ужасная страна! Бедный мой Мистигри!

В мяукании кота тоже как бы слышалось:

— Ужасная страна!

— Послушай, Мистигри, — шепотом продолжа-

ла Пиппиона, — на днях я видела прекрасный сон. Мне снилось, что я богата и лежу в огромной шелковой постели. На одеяле, на полу, по всей комнате, разбросаны чудесные игрушки. И ты, бедняжка Мистигри, тоже был там рядом со мной. Твоя черная шерсть блестела, а на шее красовалась красная ленточка. Я держала тебя в руках, а затем мы оба заснули и я была так счастлива, да, я была так счастлива.

Пиппиона и Мистигри очень любили друг друга. Мистигри был ее единственным другом, единственной игрушкой и единственным поверенным всех ее горестей и печалей.

Пиппиона тем временем снова заснула, а Мистигри свернулся клубком рядом с ней.

Внезапно за дверью послышался звонкий и свежий голос, на лестнице раздались легкие быстрые шаги, дверь отворилась и в каморку вошла Урсула.

В одной руке у нее была грелка, а в другой — чашка горячего молока.

Войдя, Урсула, немедленно зажгла тусклую лампу.

— Ну как, малышка, как ты провела этот день? — весело спросила она у Пиппионы. — Выпей-ка молочка, только не так быстро. Ну как,

нравится? Достаточно, остальное прибережем для Мистигри. Б-р-р! Да здесь стоит страшный холод. Сейчас я затоплю очаг.

Говоря все это, Урсула быстро сновала по комнате, а Пиппиона, сжав руки на груди, смотрела на нее взглядом, полным восторженной радости и преклонения.

Прыгая по каморке, Мистигри терся носом о платье очаровательной сестры милосердия.

Вскоре Урсула заметила, что бедняжка Пиппиона внезапно побледнела еще больше обычного. Испуганно посмотрев на дверь, девочка прошептала:

— А вот и он.

Старые ступеньки трещали и стонали под тяжелыми неуверенными шагами.

Домой возвращался хозяин каморки сеньор Чинелла.

— Он опять пьян! — пробормотала Пиппиона, дрожа всем телом, — и опять будет меня бить!

— Нет, нет, дитя мое, не бойся, он не станет тебя бить, — ободрила ее Урсула, — я не оставлю тебя одну, вот увидишь.

Дверь отворилась и на пороге показался Чинелла, но он был не один. Следом за ним в каморку вошел хорошо одетый господин в синем фраке с

золотыми пуговицами и в жемчужно-серых брюках. В руке у него была изящная трость с золотым набалдашником.

Это был наш старый знакомый доктор Туанон.

— Это больная, не так ли? — любезно осведомился доктор.

— Да, — коротко ответил Чинелла.

Мозг его был одурманен алкоголем, а язык заплетался. Итальянец страшно напился, стараясь придать себе мужества для совершения низкого дела.

— Отлично, — заметил доктор, — сейчас увидим, как у нас дела.

С этими словами он подошел к кровати, у которой стояла Урсула, и очень удивился, заметив новое лицо.

— Доктор Озам не сможет прийти ни сегодня, ни завтра, — счел необходимым пояснить он, — и прислал меня вместо себя.

Объяснение выглядело вполне естественным и Урсула с поклоном отошла в сторону, уступая место врачу.

Последовала душераздирающая сцена.

Больную раздели до пояса и ее истощенное тельце затрепетало от ледяного воздуха, наполнявшего жалкую каморку.

Не говоря ни слова, доктор занялся осмотром Пиппионы, лишь время от времени сокрушенно покачивая головой.

Чинелла опустил голову на грудь и задремал стоя.

Наконец доктор разрешил Пиппионе одеться и заявил беззаботным тоном, каким обычно говорят в таких случаях врачи, что у нее нет ничего страшного.

Затем он отвел Урсулу в сторонку и тихо спросил у нее:

— Вы, должно быть, сиделка?

— Нет, — отвечала Урсула, — эти люди слишком бедны и не могут позволить себе нанять сиделку. Но я с радостью помогаю им, чем могу.

— Сиделка здесь просто необходима, — серьезно заметил доктор, — и мы завтра же подыщем подходящую женщину для этой бедняжки. Но сегодня ночью, конечно…

— О, — поспешно прервала его Урсула, — сегодня ночью я посижу с ней.

— Прекрасно, дитя мое. А сейчас мне придется уйти, мне надо навестить еще нескольких пациентов! В аптеку вам ходить не надо. Я сам закажу все необходимое и вам принесут сюда эти лекарства.

— Не могли бы вы предупредить моих родственников, сударь? — спросила Урсула.

— С радостью. А как их зовут?

— Жоссе, господин доктор. Мою тетушку зовут госпожа Жоссе.

— Отлично. Я попрошу госпожу Жоссе прислать вам сюда ужин. До свидания, милая сиделка.

— А ну-ка, Чинелла, старая ты пивная бочка! Посвети-ка мне на лестнице, да не спи на ходу! — крикнул доктор, выходя из комнаты.

Чинелла пошел вслед за ним под предлогом сходить в аптеку за лекарством.

В эту ночь дома он больше не появлялся, а лекарство принес сын аптекаря.

— А теперь, — сказала Урсула Пиппионе, приведя все в комнате в порядок, — выпей-ка ложку лекарства и ложись спать! Делай, что тебе говорят, или я рассержусь. Посмотри только на Мистигри, он, хоть и не болен, но уже давно спит.

— Какая же вы добрая, Урсула! — вздохнула Пиппиона.

— О, я знаю, чего ты хочешь! Ты говоришь мне комплименты, чтобы я разрешила тебе не спать и еще немного поболтала с тобой! Но на этот раз ничего у тебя не выйдет. Через час тебе надо будет

снова принять лекарство, вот тогда мы с тобой и побеседуем. А сейчас закрой глазки и спи!

Пиппиона послушно прикрыла глаза, но украдкой продолжала смотреть на Урсулу сквозь свои длинные шелковистые ресницы, а та тем временем положила себе на колени Мистигри и стала нарезать хлеб и мясо, готовя ему вкусный ужин.

Урсула не догадывалась, что помимо больной, за ее занятиями наблюдал еще один человек.

Чинелла стоял в коридоре у самой двери и, наклонившись, подглядывал в замочную скважину.

На этот раз он поднялся по лестнице бесшумно, предусмотрительно сняв перед этим обувь.

ГЛАВА XXIX
Две кареты

В половине одиннадцатого раздался бой часов на церкви Св. Евстафия.

На углу улицы Рамбутье показался экипаж, запряженный одной лошадью, который остановился в нескольких шагах от кафе «Синий тюрбан».

Из экипажа вышел Лежижан, к которому тут же присоединился кучер, ловко спрыгнувший с козел. Оба они говорили шепотом. Лежижан, похоже, инструктировал своего спутника, а тот в ответ почтительно кивал головой.

После этого кучер снова влез на козлы, а Лежижан сделал несколько шагов в направлении кафе. Подойдя к застекленной двери, он заглянул внутрь.

Госпожа Жоссе явно ждала его появления, ибо тут же кивнула Лежижану. Она была в дорожном платье, в руке у нее был небольшой чемоданчик, судя по всему, она готовилась покинуть своего дорогого муженька.

Тем временем на углу улицы Рамбутье и улицы

Сен-Дени разыгралась другая сцена. Там только что остановилась темная карета, кучер которой поспешно спрыгнул на землю и тихо заговорил со своим пассажиром, одетым в серую блузу рабочего. Пассажир указал кучеру на чердачное окошко одного из домов на противоположной стороне улицы.

— Сейчас я войду туда и посмотрю, что делается в доме. Из окна снимаемой мною комнаты хорошо видно все, что происходит в каморке у Чинеллы. В нужный момент в окне загорится свет.

— А затем я тронусь по улице и крикну Жакмену: «Ваш экипаж, сударь»? — спросил возница, которым был не кто иной, как Клеман.

— Да, а потом ты как можно скорее поедешь туда, куда я тебе сказал.

— Отлично, я все понял.

— А теперь я проверю, занял ли Жакмен свой пост.

Жозеф отошел от Клемана и, перейдя улицу, направился в сторону рынка.

Черная тень, прислонившаяся к стене дома, отделилась от каменной кладки и сделала несколько шагов ему навстречу.

— Это ты, Луи?

— Да, Жозеф, это я.

— Будь внимателен! Нужный момент уже близок.

Проговорив это, Жозеф направился в свою квартиру.

За его спиной показался человек, шатающийся под общим воздействием опьянения и волнения.

Это был сеньор Чинелла.

В кафе «Синий тюрбан» супруги Жоссе прощались друг с другом.

— Так ты помнишь все, что я тебе сказала? — переспрашивала госпожа Жоссе уже в десятый раз. — Если кто-нибудь меня спросит, что ты должен ответить?

— Я скажу, что ты уехала в деревню.

— С кем?

— С нашей племянницей Урсулой.

— А когда мы вернемся?

— Через неделю или полторы.

— Хорошо, все правильно. Иногда, через каждые два-три дня, ты будешь говорить, что получил от нас очередное письмо.

С этими словами госпожа Жоссе встала и, расцеловав мужа, вышла на улицу. Карета стояла на прежнем месте и госпожа Жоссе направилась к ней медленными шагами.

— Вы ждете меня, не так ли? — спросила она

у кучера.

Тот немедленно распахнул перед нею дверцу, госпожа Жоссе еще раз помахала мужу, села в карету и забилась в самый темный угол.

В этот момент часы на колокольне прозвонили без четверти двенадцать.

ГЛАВА XXX
Бедный Мистигри!

Вернемся теперь в чердачную каморку, где лежит Пиппиона. Перед нами предстает совершенно другая картина. Урсула крепко спит, сидя на стуле и положив руку на стол. Пиппиона тоже заснула, лишь один Мистигри бодрствует в ночной тиши.

Внезапно огонь свечи вздрагивает от сквозняка из открывшейся двери, а затем свеча гаснет и в комнате воцаряется полный мрак, в котором сверкают лишь желтые глаза Мистигри, поспешно спрыгнувшего с кровати.

Слышится легкий шорох, похожий на звук осторожных шагов вора или убийцы.

С громким шумом на пол падает опрокинутый стул.

Пиппиона просыпается, она испугана.

Из уст Урсулы вырывается глубокий болезненный стон.

— Кто здесь? — в страхе кричит Пиппиона.

Ответа нет.

— Кто здесь? Кто здесь? — снова спрашивает

Пиппиона и, не получая ответа, спрыгивает с кровати и громко кричит: «На помощь! Помогите!»

Внезапно она чувствует на своем горле чью-то железную руку.

— Да замолчишь ты наконец, проклятье на твою голову? — слышится дрожащий от волнения голос и Пиппиона с ужасом узнает голос сеньора Чинеллы.

Бедняжка продолжает звать на помощь, и тут Чинелла с криком ярости обрушивает сильный удар на голову Пиппионы и больная, теряя сознание, с тихим стоном падает на кровать.

Мистигри приходит на помощь своей юной хозяйке и, вспрыгнув на плечи Чинелле, начинает царапать ему лицо своими длинными когтями и терзать его шею острыми зубами.

Напрасно пытаясь стряхнуть с себя своего врага, Чинелла с глухими проклятиями мечется по тесному чердаку, как дикий зверь, запертый в клетке.

Наконец он издает крик торжества и, схватив кота за загривок, отрывает его от себя и, высоко подняв в воздух, с силой швыряет его на каменный пол каморки.

Кот, у которого переломаны все ребра, жалобно кричит и обезумевший от боли Чинелла ударом

ноги разбивает ему череп. Вытерев руки и лицо какой-то тряпкой, он хватает в охапку Урсулу и направляется к лестнице.

Чердачное помещение на другой стороне лестничной площадки погружено во мрак, но там кто-то есть.

У полуотворенной двери стоит человек. Как только Чинелла спускается на следующий этаж, дверь широко распахивается и человек склоняется над перилами, внимательно вглядываясь в темноту.

— Это он, — бормочет себе под нос свидетель преступления. Проходит еще несколько минут и человек тихо возвращается в свою комнату.

— Сейчас он уже на первом этаже, пора действовать, — шепчет человек, зажигая свечу и поднося ее к окну.

Взмахнув свечой несколько раз, он гасит ее и пристально смотрит на улицу. Он видит, что карета быстро катит в сторону набережной.

Госпожа Жоссе тем временем задремала, сидя в карете. На часах полночь — время отъезда, указанное кучеру, который знает, что к его пассажирке должна присоединиться какая-то девушка, но та все не появляется.

— Должно быть, их планы изменились, — ду-

мает кучер, — ну что ж, придется везти только эту пожилую даму, — и хлопнув лошадей, быстро отъезжает в сторону Монмартрской улицы.

Четверть первого ночи. Госпожа Жоссе спокойно похрапывает в карете. Ей снится, что ее милый муженек на коленях умоляет ее не покидать его.

В глубине маленького зала кафе «Синий тюрбан», за тем же столиком, где несколько часов назад сидели Луи Жакмен и Лежижан, мы видим теперь одиноко сидящего Чинеллу.

В своем опьянении Чинелла помнит только то, что был очень зол и, сломав кому-то шею, заглушил крик о помощи.

Осталась ли жива Пиппиона? Ведь он так сильно ударил ее, а она такая слабенькая!

Чтобы положить конец этим сомнениям, ему надо было бы вернуться домой, но негодяй никак не мог осмелиться на это.

ГЛАВА XXXI
Бедняжка Пиппиона!

Дом на улице Рамбутье был погружен во мрак и тишину, лишь в одном из чердачных окон горел слабый свет, освещавший комнату Жозефа, в которой не было даже намека на ту роскошь, которой отличалась его великолепная резиденция на Шоссе д'Антэн.

Вся обстановка жалкой каморки заключалась в простой железной кровати, длинном деревянном сундуке, старом столе и колченогом табурете. На вбитом в стену гвозде висел кожаный ремень, единственная память о старом Биасоне.

— Ах, Жозеф! — тихо прошептал владелец комнатушки, — сегодня ты богат и влиятелен, но вряд ли ты счастливее того бедного, но свободного паренька, который без колебаний принял на себя огромную ответственность спасения имени семейства де Ранкон. Теперь все это кажется каким-то удивительным сном. Кажется, только вчера умирающий старик прошептал мне в бреду: «Верь мне, Ранкон спасен!» Но нет, это было не вчера. С тех пор прошли долгие месяцы и годы,

а ты по-прежнему в начале пути.

Теперь ты должен спасти Урсулу от интриг Лежижана, вернуть на правильный путь Жакмена и тем самым утешить Нини Мусташ и госпожу Жакмен.

Ты должен уберечь от отчаяния графиню де Пьюзо, помочь Лиле занять принадлежащее ей место в жизни и дать свободу Киприенне.

О, почему на свете такое множество злых и безнравственных людей!

Лежижан, доктор Туанон, полковник Фриц, Матифо — и все они богаты и влиятельны, но всех их настигнет неотразимое правосудие графини Монте-Кристо!

Так думал Жозеф, исполненный печали и почти готовый в этот момент отказаться от трудной борьбы. Внезапно взгляд его упал на дорогую реликвию — засохшую белую розу, засунутую за раму зеркала — и тогда, решительным движением откинув волосы со лба, он громко воскликнул:

— Сделать это необходимо, ее можно спасти, лишь уничтожив этих людей. Итак, за работу!

С этими словами он быстро скинул с себя рабочую блузу и стал одеваться в элегантный костюм денди.

Превращение было полным. Скромный Жозеф моментально превратился в богатого и изысканного виконта дона Жозе де ла Круса!

После этого он отворил дверь, собираясь спуститься вниз и выйти на улицу, но в коридоре Жозеф резко остановился, к чему-то прислушиваясь.

Из каморки Чинеллы до него донесся тихий жалобный стон.

Красивое лицо Жозефа внезапно омрачилось и он задумчиво прошептал:

— Бедняжка Пиппиона! Я чуть было не забыл о ней! Ведь у нее нет теперь больше Урсулы!

Поспешно вернувшись к себе в комнату, он снова зажег свечу и, держа ее в руке, постучал в дверь Чинеллы, но на его стук никто не ответил.

Осторожно приоткрыв дверь, он заглянул в каморку, в которой все было перевернуто вверх дном. Стулья валялись на полу, лампа разбита вдребезги, а пустая постель в беспорядке.

Под ногами Жозеф почувствовал что-то липкое и скользкое. Наклонившись, он при свете свечи внимательно осмотрел пол. Это была кровь. Кровь была разбрызгана по всей комнате.

В самом темном углу Жозеф обнаружил Пиппиону и тут же направился к ней. Сначала девочка

в испуге отпрянула, увидев перед собой незнакомца.

— Будь благоразумна, малышка Пиппиона, и ложись скорее в постель, — ласково шепнул ей Жозеф.

Девочка ничего не отвечала, продолжая со страхом глядеть на него.

— Что это у тебя в руках? — спросил Жозеф, делая шаг вперед и заметив при этом, что девочка крепко прижимает к груди какой-то сверток.

— Это Мистигри! — отвечала она, разражаясь слезами. — Мой бедный Мистигри! Он убил его; этот злой человек убил его. Он унес Урсулу и убил Мистигри. О, рано или поздно он убьет и меня.

— Нет, Пиппиона, — уверенно произнес Жозеф, — если ты пойдешь со мной, то он тебя не убьет.

— Я должна пойти с вами? Куда же вы хотите отвести меня?

— К тем, кто тебя любит, к тем, кого любит твоя добрая подруга Урсула и кого она очень уважает.

— А как же Мистигри? — спросила Пиппиона.

— Если хочешь, мы можем забрать его с собой, — с легкой улыбкой ответил Жозеф.

— В таком случае, я пойду с вами! — воскликнула малютка, пускаясь в пляс по комнате, — я

пойду с вами сейчас же!

— И ты меня не боишься?

— О, нет, — ответила Пиппиона, дрожа, однако, всем телом. — Я вас совсем не боюсь. Никогда еще я не видела такого доброго лица, как у вас. Вы очень хороший и я люблю вас!

ГЛАВА XXXII
Что произошло в экипаже

Экипаж катился все дальше и дальше. С тяжелой головой, чувствуя себя, как во сне, Луи прижимал девушку к груди.

— Что если она умрет? — со страхом думал он, — ведь доза могла оказаться слишком сильной. Что если к утру рядом со мной будет лишь труп?

При ужасной мысли он откинул вуаль и плащ, в которые была укутана Урсула, и наклонился к ее губам.

Почувствовав теплое свежее дыхание девушки, он испытал невыразимое чувство радости и облегчения.

Неожиданно Урсула зашевелилась во сне и глубоко вздохнула.

— Что мне сказать, если она сейчас проснется и о чем-нибудь меня спросит? — невольно подумалось Луи.

Карета тем временем миновала мост Сен-Клу и катилась теперь по берегу Сены мимо живописных деревушек Бельвью, Лувесьен и Медон.

Наконец карета въехала в зеленые ворота, которые тут же захлопнулись за ней, и остановилась.

Кучер поспешно спрыгнул с козел и отворил дверцу кареты.

Только тут Жакмен наконец узнал в нем нашего друга Клемана.

— Давай мне скорее девушку, — сказал ему Клеман. — Снадобье доктора, конечно же, обеспечивает крепкий длительный сон, но спать все-таки лучше в мягкой постели, да и потом нельзя терять времени — через час мы снова должны быть в Париже.

Жакмен подчинился ему без возражений. Находясь в постоянном опьянении от беспробудного пьянства, он уже давно как бы перестал жить и мыслить. Он уже не сомневался, что Жозеф любит Урсулу, иначе зачем бы он стал интересоваться ею и затевать это таинственное похищение? Если бы эта навязчивая идея не завладела Жакменом, то он неминуемо пришел бы к ней, увидев то, свидетелем чего ему суждено было стать в тот день.

Дверь изящной маленькой виллы отворилась и оттуда показалась закутанная в шаль добродушная маленькая женщина.

— Что нового? — весело спросила она.

— Она уже здесь, — отозвался Клеман, — мы

наконец вырвали нашу принцессу из рук злого волшебника. Теперь ей прежде всего необходим хороший отдых в мягкой постели.

— Все уже готово. Бедняжка! Она, должно быть, совсем замерзла!

И симпатичная пышущая здоровьем госпожа Розель — ибо это была именно она, — склонилась над Урсулой и нежно поцеловала ее в лоб.

— Ага, — подумал Луи Жакмен, — он доверил ее попечению своей сестры! Он сделал это, потому что любит ее.

Но вскоре в голову ему пришла другая мысль.

— Тем лучше, — сказал он себе. — Ты не заслуживаешь ее, Луи Жакмен, ты не достоин такого счастья. А вот Жозеф, тот наоборот добрый малый и он ее достоин.

Из-за большого сходства между сестрами Жакмен находился под впечатлением, что Урсула — это Селина.

Изо всех сил пытаясь обуздать свое горе, он, низко склонив голову, бережно понес Урсулу в дом.

Через пять минут он снова вышел во двор с Клеманом, улыбавшимся при виде печали, охватившей Жакмена.

— О чем задумался, дружище? — осведомился

он у Луи.

— Я думаю о том, что на свете есть счастливые люди, которые при любых обстоятельствах остаются честны и никогда не теряют мужества.

— Слава Богу! — радостно воскликнул Клеман, — угрызения совести и стремление не грешить больше открывают дорогу к спасению.

С этими словами он замурлыкал какой-то веселый мотив и снова взобрался на козлы.

ГЛАВА XXXIII
Лежижан отправляется на поиски

На другой день после описанных в предыдущей главе событий на Монмартрской улице было созвано неотложное совещание, на котором присутствовали все три главаря ассоциации — Лежижан, Туанон и полковник Фриц.

Полковник Фриц сообщил своим компаньонам важную и печальную новость об исчезновении графини де Пьюзо, в результате которого пришлось отложить свадьбу Киприенны.

Туанону предстояло рассказать о результате миссии, выполненной им в каморке Пиппионы.

Лежижану предстояло отчитаться в похищении Урсулы.

Невозможно было отрицать важности новостей, сообщенных полковником. Лежижан и полковник оживленно обсуждали наилучшие способы избежания катастрофы, но неожиданно их беседа была прервана громким шумом в прихожей, где клерки пытались не пустить кого-то в контору. Поднявшийся в результате этого шум перекрывал пронзительный женский голос.

— А я говорю вам, что он находится здесь, — визжала женщина, — и я войду туда во что бы то ни стало!

Дверь конторы рывком распахнулась и на пороге комнаты появилось багровое лицо госпожи Жоссе. Рядом с ней стоял ее муж, которого она цепко держала за воротник сюртука.

— Марш вперед! — заревела огромная полная женщина, мощным пинком посылая его на середину комнаты.

— Куда вы подевали Урсулу? — загремела госпожа Жоссе, подбоченившись и вставая в решительную позу.

— Об этом я знаю не больше вашего, — мрачно произнес Лежижан.

— Похоже, вы снова хотите обмануть меня и уже придумали какую-то новую историю, — угрожающе пророкотала госпожа Жоссе.

— Мы вовсе не собираемся лгать вам, уважаемая госпожа Жоссе…

— Да что вы говорите? Зачем же вы тогда усадили меня в карету, которая мигом умчала меня в Шатон? — вопила госпожа Жоссе вне себя от ярости. — Зачем вы заставили меня проездить всю ночь под предлогом сопровождения Урсулы? В Шатоне Урсулы я не нашла, не было ее и у меня

дома. Я хочу получить обратно свою Урсулу, вы меня понимаете? Я не сойду с этого места, пока вы не скажете мне, где находится Урсула.

— Но объяснитесь, прошу вас, — взволнованно вскричал Лежижан, — ведь Урсула была…

— Ага! Только не надо притворяться невинной овечкой. Урсулу похитили и отвезли Бог знает куда, пока ваша карета везла меня в Шатон.

— Кто же ее мог похитить? — воскликнул ничего не понимающий Лежижан. — Даю вам слово, что все должно было произойти именно так, как мы с вами условились, но раз Урсулы не было с вами, то я понятия не имею, где она может быть и что с нею стало. Поэтому расскажите мне все по порядку. Может быть, мы нападем на ее след и, клянусь, я первый верну вам Урсулу, если только нам удастся ее найти.

Голос Лежижана звучал столь искренне, что госпожа Жоссе тут же поверила ему и заговорила гораздо более любезным тоном:

— Что мне сказать? Я знаю только, что в карете я заснула, а проснулась сегодня утром уже на Шатонском мосту.

— И вы были одни? — с любопытством осведомился Лежижан.

— Совершенно одна.

— А когда вы вернулись в Париж?

— Около восьми утра.

— И Урсулы не было ни у вас дома, ни у Пиппионы?

— Нет, больше того, ее не было и в мастерской.

— Значит, кто-то вмешался и нарушил наши планы, — резюмировал Лежижан. — Послушайте, что я вам скажу, госпожа Жоссе. Лучше всего держать все это в тайне. Возвращайтесь домой и постарайтесь выяснить, что случилось с Чинеллой. Если узнаете что-нибудь новое, то постарайтесь немедленно сообщить мне.

За весь этот разговор господин Жоссе не сказал ни слова; он лишь время от времени бросал умоляющие взгляды на свою разъяренную супругу, однако та делала вид, что ничего не замечает и, окончив разговор с Лежижаном, крикнула мужу тоном полицейского, ведущего бродягу в участок:

— Вперед, ничтожество!

Лежижан тем временем попросил полковника Фрица и доктора Туанона обождать в соседней комнате, ибо хотел обдумать это дело в одиночестве.

После напряженных размышлений он пришел к выводу, что между исчезновением графини де

Пьюзо и пропажей Урсулы существует какая-то таинственная связь.

Двойной провал его планов несомненно является плодом усилий какого-то тайного врага, но кто же этот неведомый враг? Ответ на этот вопрос необходимо добыть любой ценой.

Кто может быть заинтересован в том, чтобы не допустить брака Киприенны с Матифо?

Кто мог быть заинтересован в судьбе Урсулы?

На оба эти вопроса Лежижан мог найти лишь один ответ и назвать лишь одно имя: Нини Мусташ.

Урсула была ее сестрой, кроме того, Нини открыто заявила, что ей ненавистна даже мысль о том, чтобы способствовать разорению графа де Пьюзо.

Лежижан очень хорошо знал Нини Мусташ и был абсолютно уверен, что без посторонней помощи она бы никогда не смогла разрушить его планы.

Тем не менее он решил расследовать это дело до конца и тут же написал Нини Мусташ короткую записку. Отправив ее с одним из своих клерков, он немного успокоился.

Графиня де Пьюзо, — это было самым естественным объяснением, — быть может, просто

хотела избавиться от тирании своего мужа и полковника Фрица.

Что касается Селины, то почему бы ей не попытаться избавить сестру от опасной опеки Лежижана?

Однако всякая мысль о союзе между Нини Мусташ и надменной графиней де Пьюзо казалась совершенным абсурдом.

Таким образом, оставалась лишь третья гипотеза, заключавшаяся в том, что планы Лежижана стали известны какому-то постороннему лицу.

Подозрения Лежижана прежде всего падали на полковника Фрица и доктора Туанона.

Так кто же был его таинственным противником?

Что касается доктора, то поразмыслив несколько минут, Лежижан пришел к выводу, что тот ни в чем не виноват.

В отличие от Туанона, полковник мог быть гораздо более опасным врагом. В случае расстройства брака Киприенны полковнику Фрицу было бы столь же трудно завладеть миллионами Матифо, как и самому Лежижану.

Следовательно, полковник был не меньше Лежижана заинтересован в свадьбе Киприенны и банкира и ни в коем случае не стал бы организа-

тором бегства графини де Пьюзо.

Кто же тогда оставался под подозрением?

Неожиданно дверь в кабинет отворилась и один из клерков доложил Лежижану, что его хочет видеть какая-то женщина.

— Вряд ли это она! — подумал Лежижан, сомневаясь, чтобы она так поспешно отреагировала на записку. — Однако кто знает? Дьявол хитер, а женщина еще хитрее. Но я зато хитрее и дьявола и женщины вместе взятых.

Размышления Лежижана были прерваны появлением Нини Мусташ.

— Что это вы мне написали? Что случилось с Урсулой? — закричала она, бурей врываясь в комнату.

— Урсула исчезла, — спокойно ответил Лежижан.

— Исчезла! Так значит это правда. О, Лежижан, вы совершили подлый поступок. Не зря же меня предупреждали, что вы рано или поздно предадите меня.

«Ага, так тебе это говорили, — тут же подумал Лежижан, — необходимо узнать во что бы то ни стало, кто сделал ей подобное предупреждение».

— А я, глупая, не поверила! Я-то думала, что вы по крайней мере сдержите свое слово. Это вы

похитили Урсулу, это ваших рук дело.

— Я и не думал похищать вашу сестру, — пожал плечами Лежижан, — вы просто вне себя от горя, дитя мое, и сами не знаете, что говорите.

— Моя Урсула, моя бедная голубка! Теперь она опозорена, как и я! О, нет, нет, Лежижан! Пусть вы сильны, а я слаба, но, говорю вам, из ваших планов все равно ничего не выйдет!

Лежижан решил, что пока ему лучше помолчать и ограничился лишь пожатием плеч в ответ на гневную тираду Нини.

— Что же мне сделать, чтобы получить обратно свою сестру? Не зря мне говорили, что вы попытаетесь отнять у меня деньги, украденные у графа де Пьюзо; эти деньги — цена моего позора и моя доля добычи. И вот теперь вы пытаетесь воздействовать на меня через мою бедную сестру. Ну что же, я принесла эти деньги с собой. Вот эти проклятые банкноты, вырученные от продажи дома и драгоценностей!

С этими словами она швырнула на стол тяжелый сверток.

— Возьмите же их, но верните мне Урсулу, — продолжала она, — верните мне мою сестру!

Однако Лежижан упорно продолжал молчать.

— Но чего же вы хотите? — начала снова Ни-

ни. — Говорите же! Назовите мне ваши условия! Нужно еще кого-нибудь разорить? Мне нужно снова стать красивой? Должна я осушить слезы и улыбаться? Пусть так, я начну все заново. Я снова стану неистовой Нини Мусташ. О, не бойтесь, я не стану сопротивляться, только верните мне мою сестру!

— Клянусь вам Нини, что тут же вернул бы вам Урсулу, если бы это было в моей власти, но я действительно не знаю, что с ней и где она.

— Я еще не знаю всех ваших планов, — воскликнула Нини, — но я разгадаю их и разрушу. И если я слишком слаба для этого, то я знаю, у кого найти помощь и поддержку!

Не дожидаясь ответа, она вышла из комнаты, даже не взглянув на оставленную на столе пачку денег.

— Иди же, иди! — пробормотал негодяй, — твои зубки недостаточно остры для серьезного укуса. Прежде всего, необходимо найти ее советчика. Она, без сомнения, скоро навестит его, чтобы рассказать о том, что здесь произошло.

С этими словами Лежижан поспешно запер дверь своего кабинета, сбежал с лестницы и выскочил на улицу как раз в тот момент, когда край черного платья исчез в дверях пассажа Жоффуа.

Лежижану показалось, что это платье Нини и он со всех ног устремился вслед за ним. Вскоре он увидел, что не ошибся. Это действительно была Нини Мусташ. Лежижан осторожно последовал за ней, стараясь держаться как можно незаметнее.

ГЛАВА XXXIV
Гнев львицы

В тот же час, когда Лежижан, Туанон и полковник Фриц собрались на военный совет, в доме прекрасной Аврелии происходило аналогичное совещание.

Дон Жозе де ла Крус рассказал ей об успешном похищении Урсулы и Пиппионы, доставленных в загородный дом госпожи Ламоро. Преданная госпожа Потель, она же госпожа Жакмен, сообщила ей новости о графине де Пьюзо.

— Весь первый день графиня много плакала, — рассказала она, — но сейчас она немного успокоилась, нашим сестрам удалось утешить графиню и укрепить ее дух. Она питает к вам глубочайшее доверие и вручает вам в руки не только собственную судьбу, но и судьбы самых дорогих для нее людей — ее дочери и мужа.

— Это добрые вести, — заметила Аврелия. — Я напишу ей. Подождите немного, дорогая Жакмен, я попрошу вас захватить с собой это письмо, а пока поговорите с Жозефом, у него есть, что рассказать вам о сыне. Надеюсь, что на этот раз это

доставит вам радость.

С этими словами Аврелия махнула рукой, на время прощаясь с доном Жозе и госпожой Жакмен, которая тут же поймала протянутую руку и запечатлела на ней почтительный поцелуй.

— Да благословит вас Господь за все то, что вы делаете для моего несчастного сына, — с благодарностью сказала она.

Аврелия осталась в своем будуаре в полном одиночестве.

Теперь ей больше не надо было сдерживаться и играть перед другими трудную роль.

Она не была больше ни великолепной графиней Монте-Кристо, ни циничной Аврелией, ни светящейся ангельской добротой госпожой Ламоро. Она снова стала Элен, снова стала сама собой.

Бедная Элен!

Неожиданно в коридоре послышались чьи-то голоса.

Узнав среди них голос Нини, Аврелия подошла к двери и отворила ее.

— Зачем ты пришла? — холодно спросила она у подруги.

— Зачем я пришла? Затем, чтобы получить доказательство твоей власти, о которой ты говорила. Верни мне мою сестру! Это все, что я хочу

от тебя.

— Ты пришла за сестрой? Лучше попроси Лежижана вернуть ее тебе.

— Значит я не ошиблась! Это действительно он! Но ты ведь поможешь мне, Аврелия, не так ли?

— Но ты же доверяешь Лежижану гораздо больше, чем мне, поэтому за помощью тебе лучше обратиться к нему. Что касается меня, то я не хочу тебя больше знать, отныне мы чужие друг другу.

— Да, я тогда испугалась! — вскричала Нини, бросаясь на колени перед Аврелией. — Да, я предала тебя, но прости же меня. Я готова стать твоей рабой, всем чем угодно, только верни мне мою сестру!

— Стоит мне вернуть твою сестру, как ты тут же снова предашь меня, поэтому я лучше подожду…

— Чего же ты будешь ждать?

— Я подожду, пока горе и страх не закалят твою душу. Я подожду, пока твои громкие рыдания не стихнут. Только тогда ты сможешь снова прийти ко мне и я, быть может, найду возможность помочь тебе.

— Значит, ты меня тоже покидаешь! Тогда я погибла! — с горьким смехом воскликнула Нини, — разве ты действительно когда-нибудь хотела помочь мне? Разве у тебя действительно

есть такая возможность?

— Видишь, ты по-прежнему сомневаешься во мне, — спокойно заметила Аврелия.

— Как же мне не сомневаться? Ведь ты обещала мне настоящие чудеса. Ты собиралась спасти меня от Лежижана и вылечить Жакмена от безнадежной любви, от которой он постепенно гибнет. Разве ты не обещала мне всего этого?

— Да, я давала тебе эти обещания. Так что же из того следует?

— Как что? Во всем этом деле у тебя тоже есть какой-то тайный интерес. Тебе, по-видимому, нужна моя помощь. Спаси Урсулу из лап Лежижана и я сделаю для тебя все, что ты только захочешь.

— Твое желание уже исполнилось, Урсулы нет больше в доме супругов Жоссе. Она исчезла оттуда этой ночью и теперь находится вне пределов досягаемости Лежижана. По моему приказу ее доставили в надежное место, где Лежижан никогда не сможет найти ее. Там она будет находиться до тех пор, пока ты не станешь достойна ее, и тогда я скажу этой доброй и чистой девушке: «Урсула, дитя мое, ты можешь обнять свою сестру».

— Ты говоришь мне правду? — взволнованно спросила Нини.

— Неужели ты сомневаешься в моих словах? — воскликнула Аврелия таким тоном, что у Нини исчезли наконец всякие сомнения.

— Прости меня, но раз ты знаешь, где сейчас Урсула, то значит можешь вернуть мне ее! Аврелия, прошу тебя, верни мне мою сестру!

— Нет, я не могу этого сделать, по крайней мере, сейчас, — решительно отвечала Аврелия.

Услышав ее слова, Нини Мусташ судорожно вскочила с дивана.

— Нет, — спокойно повторила Аврелия, — я не верну тебе Урсулу.

— Ты отказываешься? О, не заставляй меня говорить тебе такие слова, которые…

— Ты ее все равно не получишь! — снова повторила Аврелия.

— А какое право ты имеешь так поступать? — взорвалась Нини. — По какому праву ты отняла у меня сестру? Чтобы защитить ее? Неужели ты думаешь, что я не хочу того же? В конце концов, чья она сестра — твоя или моя?

— Все женщины — мои сестры.

— О, я это хорошо знаю. Перестань угощать меня своими лицемерными фразами. Говорю тебе: верни мне мою сестру! Ты должна вернуть мне ее во что бы то ни стало!

Проговорив это, Нини снова уселась, дрожа от ярости и негодования.

— Ты мне не веришь? — воскликнула Аврелия, — тогда придется предъявить тебе того, в чьих словах ты не сможешь усомниться!

С этими словами она приоткрыла дверь в соседнюю комнату и громко позвала:

— Идите сюда, сударыня! Идите и простите меня за ту боль, которую этот несчастный ребенок заставляет меня причинить вам!

Нини Мусташ привстала было навстречу незнакомке, но тут же откинулась назад, тихо прошептав:

— Госпожа Жакмен!

— Смотри же и будь наказана за свои сомнения, — внушительно проговорила Аврелия. — Вот мое доказательство. Ты погубила ее сына, но у нее остался еще один ребенок, ибо она сумела стать настоящей матерью Урсуле, на которую ты утратила все права. Не щадя себя, эта женщина работала день и ночь, чтобы прокормить Урсулу. Как же ты можешь говорить теперь о своих правах, как можешь просить вернуть тебе сестру? Эта же женщина, напротив, может назвать Урсулу своей дочерью и именно она доверила ее мне.

Молча кивнув головой в знак согласия, госпожа

Жакмен открыла объятия Нини.

— Селина! Дитя мое! — только и смогла вымолвить она.

Несчастная, казалось, только и ждала этого. Громко зарыдав, она бросилась на грудь госпоже Жакмен, и, прижавшись к ее плечу, тихо повторяла сквозь слезы:

— Простите меня, простите!

Затем, обернувшись к Аврелии, она сказала:

— Ты тоже прости меня, Аврелия! Да, ты была права. О, дай мне выплакаться. Сомнения мои исчезли. Да, Аврелия, я верю тебе. Ты, поистине, неземное создание, страдающее вместе с нами и прощающее нам наши грехи. Теперь я знаю, что ты сумеешь защитить Урсулу гораздо лучше, чем я. Да благословит тебя Господь!

— Ты хорошо сказала, Селина, — заметила госпожа Жакмен, — сердце твой лучший советчик. В нашей общей защитнице ты должна видеть святую.

— Или, по крайней мере, преданную подругу, — сказала Аврелия, беря за руку Нини. — Ну как, ты по-прежнему хочешь, чтобы я отдала тебе Урсулу?

Нини Мусташ не успела ей ничего ответить, ибо разговор их был внезапно прерван доном

Жозе.

Поспешно подойдя к Аврелии, он шепнул ей на ухо несколько слов.

Выслушав его, графиня слегка побледнела и откинулась на спинку кресла.

— Я думала, что мне удастся избежать этой встречи, — прошептала она. — Но раз это необходимо, то да свершится воля Божья.

Голос ее постепенно окреп.

— Вы можете говорить громко, дон Жозе, — решительно сказала графиня, — итак, повторите, то, что вы только что сказали.

— Некий человек хотел узнать сегодня у вашего швейцара имя хозяина этого дома. Преданный вам швейцар ничего ему не ответил, но этот любознательный господин до сих пор стоит на улице и не отходит от вашего дома. Это не кто иной, как Лежижан.

— Должно быть, он следил за мной! — воскликнула Нини.

— Хорошо, — спокойно сказала Аврелия, — передайте швейцару, что он может ответить на заданный вопрос.

— Вы серьезно намереваетесь принять этого человека? — озабоченно спросил дон Жозе.

— Выслушайте меня, дон Жозе. Лежижан дол-

жен увидеться со мной и поговорить. Пусть он думает, что обязан всем этим только собственной хитрости.

Помолчав немного, она продолжала:

— А теперь оставьте меня. Мне нужно собраться с силами для встречи с этим человеком. С ним надо бороться его же собственным оружием. Берегись, Лежижан! Теперь тебе придется иметь дело не с Элен, а с Аврелией!

Дон Жозе, госпожа Жакмен и Нини Мусташ тихонько выскользнули из комнаты.

Аврелия быстро опустила драпри и потушила несколько свечей, создав в будуаре таинственный полумрак. Затем она уселась перед зеркалом и испробовала свою самую соблазнительную улыбку.

Вскоре дверь отворилась и горничная внесла визитную карточку на изящном и очень дорогом фарфоровом подносе.

— Лежижан! — прочла на ней Аврелия и громко добавила:

— Просите этого господина. Я ожидала его прихода.

ГЛАВА XXXV
Лежижан думает, что нашел себе сообщницу

Голос Аврелии проник в самое сердце Лежижана. Смущенный и нерешительный, он неподвижно стоял перед ней и ему невольно казалось, что когда-то в далеком и ужасном прошлом он уже слышал отзвук этого прекрасного мелодичного голоса.

Указав ему на кресло, Аврелия любезно проговорила:

— Я ожидала вашего прихода, господин Лежижан.

— Вы ждали меня?

— Конечно, и, как видите, я не ошиблась. Вы действительно здесь.

В ответ Лежижан лишь низко поклонился.

— У нас с вами общие цели, — тихо произнесла Аврелия, доверительно прикасаясь к руке Лежижана. — Будем откровенны, господин Лежижан, — продолжала она, — еще неизвестно, кто из нас окажется сильнее в этой игре. Однако вы еще не сообщили мне, чему я обязана чести вашего

визита. Позвольте мне высказать мою догадку.

Лежижан кивнул в знак согласия и Аврелия, немного помолчав, снова заговорила:

— Ведь вы азартный охотник, не так ли, господин Лежижан? Конечно, я угадала. Итак, сейчас мы оба преследуем одну и ту же цель и цель эта — миллионы банкира Матифо. Совершенно очевидно, что в один прекрасный день пути наши пересекутся и мы с вами встретимся как друзья или как враги. Впрочем, последнее зависит только от нас самих. Вот вам причина вашего визита, уважаемый господин Лежижан, и вот почему я была заранее уверена в вашем приходе.

— Теперь весь вопрос в том, сможем ли мы договориться, — с улыбкой заметил Лежижан.

— Это было бы в ваших собственных интересах, — холодно ответила Аврелия, — иначе вы неминуемо потерпите сокрушительное поражение.

Лежижан молча пожал плечами.

— Вы мне не верите, — продолжала Аврелия, — но уделите мне пять минут и я постараюсь убедить вас в справедливости моих слов. Вы хотите довести графа де Пьюзо до отчаянного положения, в котором у него не останется другого выхода, кроме как выдать свою дочь Киприенну

за Матифо. Тем самым вы сделаете Киприенну, сестру Лилы, единственной наследницей не только ее матери, но и престарелого банкира. План этот просто великолепен. В ваших руках Нини Мусташ стала весьма полезным инструментом и, должна признать, вы мастерски использовали ее. Однако теперь этот инструмент выскользнул из ваших рук и Урсула сейчас в моей власти. Как видите, я играю в открытую. Если вы станете моим союзником, то я помогу вам продолжить вашу работу, а Нини, в свою очередь, продолжит работу с графом де Пьюзо.

Если же вы откажетесь от сотрудничества со мной, то могу вас заранее уверить, что столь желанная для вас свадьба никогда не состоится. Не пройдет и двух дней, как граф станет столь же решительным противником этого брака, как и его жена.

— Поскольку графиня решительно против, я не вижу никакой пользы в согласии отца Киприенны, — откровенно заметил Лежижан.

— Сейчас мы поговорим и об этом, — любезно сказала Аврелия, — как вы понимаете, я намеренно препятствовала осуществлению ваших планов, чтобы иметь возможность сказать вам: «Давай поделимся!» Именно с этой целью я и по-

хитила Урсулу, а так же устроила побег графини де Пьюзо в тот самый момент, когда ее присутствие было для вас совершенно необходимо.

— А где сейчас находится графиня?

— Как вы понимаете, мне это отлично известно. Если мы с вами договоримся, то граф получит согласие супруги на брак Киприенны в течение двух дней. Тогда останется только заняться Лилой.

— Разве вы сможете найти ее? — удивленно воскликнул Лежижан.

— Для меня это не составит никакого труда, поскольку я никогда не теряла ее из виду.

— Но зачем же вам нужен сообщник, раз вы так сильны и раз у вас есть на руках такие козырные карты? — недоверчиво осведомился Лежижан. — Почему вы не хотите охотиться за этими миллионами в одиночку? Ведь тогда бы вам ни с кем не пришлось делиться!

— Почему? — спокойно переспросила Аврелия, — да просто потому, что я боюсь вас и хочу видеть в вас друга, а не врага.

— Все это прекрасно, но, если я приму ваше предложение, то мне придется увязывать свои планы с вашими, о которых мне пока ничего не известно. Каковы же ваши намерения в этом

отношении?

Аврелия придвинулась к Лежижану и, внимательно посмотрев на него, сказала:

— Вы именно тот человек, который мне нужен, а вам, в свою очередь, необходима такая женщина, как я. Подумайте сами, Лежижан, ведь объединившись, мы сможем перевернуть все это разложившееся общество, которое является нашим общим врагом.

Нам будут принадлежать богатство, роскошь и власть. Первыми жертвами, которых я потребую от вас, должны стать доктор Туанон и полковник Фриц.

— Но ведь полковник — отец Лилы, — вскричал Лежижан, — и, следовательно, он является единственным связующим звеном между нами и миллионами Матифо, конечно, в том случае, если нам удастся устроить брак Киприенны. Тогда…

— И что же тогда? — прервала его Аврелия, — говорю вам сразу, что план ваш слишком сложен. Для моего же плана необходим лишь один союзник и этот союзник — вы. Посмотрите на меня, Лежижан, и скажите, считаете ли вы меня достаточно красивой?

С этими словами Аврелия исполненным тонкого кокетства жестом положила руки на плечи

Лежижана и тот почувствовал сквозь тонкую ткань тепло ее тела.

Подняв глаза, он встретился с неотразимым взглядом прелестной сирены.

На лбу Лежижана выступили капли пота и он почувствовал слабость в ногах.

— О, если бы вы только смогли полюбить меня! — вздохнула Аврелия, прильнув к его груди. — И знаете, что я предложу вам взамен своей любви? Миллионы Матифо и репутацию безукоризненно честного и неподкупного человека. Послушайте, чего я добилась. Я отвезла графиню де Пьюзо в убежище, которое она никогда не покинет, ибо иначе ей пришлось бы открыть свой позор мужу и поставить Лилу под угрозу его мести. Теперь графиня смотрит на меня, как на святую! Даже если ей и Киприенне скажут, что я стремлюсь погубить их, они все равно будут на коленях благодарить меня, а если кто-то попытается оклеветать меня перед ними, то они не станут его слушать и просто укажут клеветнику на дверь.

Помолчав немного, Аврелия продолжала свой убедительный монолог:

— Я похитила Урсулу, которой вы сами готовили такую же участь, не так ли? Что вам сказала

Нини Мусташ? Скорее всего, она вам угрожала, а она — опасный враг или, по крайней мере, может стать им. Теперь ей известно, что я похитила ее сестру, и как вы думаете, она встретила эту новость? Она проливала обильные слезы у меня на груди, называя меня своим добрым ангелом и провидением.

И Киприенна, когда она овдовеет и я заберу ее состояние, точно так же будет благословлять меня, уверенная в том, что я ее спасительница. Это произойдет в тот самый день, когда я выдам ее замуж за человека, которого она обожает и который является моим верным рабом.

Бросив Лежижану очаровательную улыбку, Аврелия быстро продолжала:

— Это мой помощник, которого можно совершенно не опасаться. Я взяла его на воспитание в то время, когда он был еще беден и невежественен, зато сейчас он стал одним из самых элегантных кавалеров в Париже, и в этом, не скрою, есть и моя заслуга. Вот этого молодого человека, я и хочу сделать миллионером и супругом прелестной Киприенны. Посудите сами, станет ли он противиться собственному счастью?

— А если он все-таки откажется? — взволнованно осведомился Лежижан.

— Дело в том, что он без памяти влюблен в Киприенну и от меня зависит все его счастье. Итак, мы поженим Киприенну и моего протеже, сделав их счастливыми одновременно обогатившись сами. В день свадьбы мы неожиданно находим неизвестного до той поры отца дона Жозе де ла Крус и тут оказывается, что вы — его отец, а я — его мать. Вот в чем заключается мой план. Теперь нам остается лишь отделаться от тех, кому вы позволили принять участие в осуществлении своей идеи. Доктор Туанон…

— О, этот человек не очень-то опасен, ибо он большой трус, — прервал ее Лежижан. — Мы легко заткнем ему рот приличной суммой денег, которая позволит ему вести приятный и беззаботный образ жизни.

— Но нам придется также позаботиться о молчании полковника Фрица, — заметила Аврелия. — Вы не должны иметь к этому никакого отношения. Раз уж мы станем свекром и свекровью Киприенны, то репутация ваша должна быть столь же безупречна, как моя.

— Как ваша? — удивленно переспросил Лежижан.

— Да, как моя, — спокойно повторила Аврелия. — Как только прекрасная Аврелия выполнит

свою задачу, она тут же исчезнет и в Париже останется лишь ее двойник — графиня Монте-Кристо. А всякий знает, что репутация графини Монте-Кристо безупречна.

Лежижан бросил на Аврелию полный удивления взгляд.

— Графиня Монте-Кристо! — изумленно воскликнул он. — Эта великосветская дама, о которой вот уже полгода говорит весь Париж!

— Графиня Монте-Кристо — это я! — холодно ответила Аврелия. — Я специально окружила себя непроницаемым покровом тайны и поэтому никто не удивится, когда я вновь приму свое настоящее имя и стану графиней де ла Крус. У меня есть документы, подтверждающие личность всех трех членов нашей семьи, а пока взгляните вот на это, — закончила она с улыбкой и, подойдя к маленькому изящному бюро, вынула оттуда какую-то бумагу, которую тут же протянула Лежижану.

Документ, с подписью короля был адресован графине Монте-Кристо и содержал лишь несколько строк, в которых говорилось, что его величеству известна тайна страшного несчастья, имевшего место много лет назад.

В документе также по всем правилам подтвер-

ждалось право его владелицы на имя и титул графини Монте-Кристо.

Внимательно прочитав бумагу, Лежижан тут же вернул ее Аврелии, при этом он не мог скрыть своего удивления.

— С первых же слов нашего разговора я поверил в вашу силу, но теперь я почтительно склоняюсь перед вашим гением, — торжественно произнес он.

— Вы слишком добры ко мне, — шутливо отвечала Аврелия, — а мой секрет, между тем, весьма прост. Он состоит в том, чтобы всегда говорить только правду, но никогда не открывать всех своих карт. Женщины давно поняли, что этот метод гораздо лучше лжи. Но вернемся к теме нашего разговора. Где доказательства рождения Лилы?

— Они в руках у полковника.

— Какая неосторожность! — прошептала Аврелия. — Однако, будет вполне достаточно морального доказательства отцовства полковника.

— Такое доказательство мы легко получим у супругов Жоссе, которые знают полковника.

— Граф де Пьюзо должен начать подозревать своего старого друга, необходимо будет постоянно возбуждать в нем ревность до тех пор, пока он наконец не получит неопровержимого дока-

зательства предательства полковника Фрица. И тогда…

— Что же случится тогда?

— Тогда он его убьет.

— Но граф — очень слабый противник, а полковник, наоборот, весьма опасен, — заметил Лежижан.

— Это не важно! Говорю вам, граф и так инстинктивно ненавидит полковника. Представьте, насколько возрастет его ненависть после того, как для нее появится серьезное основание? Да, полковник меткий стрелок и отличный фехтовальщик, но граф должен будет наказать его за подлое предательство, отомстить не только за себя, но и за честь жены и дочери. А потому, будьте уверены, полковник Фриц побледнеет несмотря на все свое мужество. И тогда он задрожит при виде своего слабого противника и не сможет даже взглянуть на него. Рука его дрогнет и он будет убит, как собака.

— И тогда у нас станет одним сообщником меньше! — воскликнул Лежижан.

— И одним другом больше, — добавила Аврелия, — ибо граф будет нам благодарен за то, что мы помогли ему совершить правосудие.

ГЛАВА XXXVI
Последняя победа Аврелии

Аврелия снова уселась перед зеркалом.

— А как же Матифо? — спросил ее Лежижан.

— Я как раз подумала о нем, у вас должно быть какое-нибудь средство, которое поможет нам избавиться от него.

— Да, во всяком случае, такое средство скоро должно появиться. Кроме того, между нами существует старая вражда, поэтому в случае необходимости я без колебаний решусь даже на прямое насилие.

— Насилие тут не подходит, — спокойно сказала Аврелия, — не стоит проливать кровь и оставлять следы. Нет, нет, Лежижан, надо выяснить, нет ли у него какой-нибудь сильной страсти.

— Например, его любовь к Киприенне, — робко заметил Лежижан.

— Да, мне кажется, вы правы, — отвечала Аврелия или графиня Монте-Кристо (теперь, когда читатель уже знает ее тайну, нам можно называть ее как тем, так и другими именем), — я думаю, мы сможем использовать его любовь в

качестве оружия, но, скорее всего, любовь — это не главная страсть Матифо. Что касается меня, то я почти уверена, что главной страстью всей жизни Матифо является страх.

— Страх! — невольно воскликнул Лежижан.

— Да, — спокойно продолжала графиня, — ведь у меня тоже есть свои шпионы и мне известны темные стороны жизни барона Матифо. Я хорошо знаю, что все свои ночи он проводит в смертельном страхе. Теперь мне надо выяснить причину этого и поскольку вы его знаете очень много лет, то думаю, вы сможете помочь мне узнать его тайну.

Услышав эти слова, Лежижан сильно побледнел.

— Причина бессонницы барона Матифо, должно быть, заключается в угрызениях совести, — нерешительно пробормотал он.

— Думаю, что вы правы, — спокойно заметила Аврелия, пристально глядя на него. — Так значит, эта старая нуармонская история — чистая правда?

На этот раз Лежижан не нашел в себе сил ответить и лишь молча кивнул головой.

— Мне известна лишь часть этой давней истории, — продолжала Аврелия.

— Когда-то я прочла о ней в газетах, — в то время я была актрисой и внимательно изучала опубликованные портреты графини де Ранкон, ибо должна была выступать в роли графини в одной драме, написанной по материалам этого дела. На мою долю выпал большой успех и я получила массу комплиментов по поводу своего сходства с портретами той несчастной женщины. А вы были с ней знакомы, господин Лежижан?

— Да, да! — простонал Лежижан.

Аврелия снова повернулась к зеркалу, в котором продолжала внимательно следить за выражением лица своего собеседника, в то время как тот видел лишь ее спину и затылок.

— Она была приблизительно моего роста, не так ли? — продолжала Аврелия.

— Да, сударыня, возможно, немного повыше вас.

— Она была блондинка?

— Да, но не такая светлая, как вы.

— Ах, да, она была пепельной блондинкой. Этого эффекта я достигала на сцене с помощью пудры. Кстати, она есть у меня и сейчас. А как она укладывала волосы?

— Кажется, она заплетала косы.

— Это характерно для сельской местности.

— Какие у нее были глаза?

— Голубые. Небесно-голубые!

— Во что она была одета на процессе?

— На ней было черное платье с кружевной косынкой.

— Да, да; фишю а-ля Мария-Антуанетта. А что у нее было на голове?

— Черная вуаль.

— Из кружев или из тюля?

— Из кружев.

Последнее слово слетело с губ Лежижана, подобно легкому вздоху.

— Но вы еще ничего не сказали мне о ее походке, — продолжала расспрашивать графиня Монте-Кристо.

— Она была медленной и величественной, как у королевы.

— Я была трагедийской актрисой, — с улыбкой проговорила Аврелия, — и хорошо знаю, как должна ступать Андромаха. Теперь еще один вопрос: не было ли у нее каких-нибудь характерных жестов или манер?

— В последние дни она всегда ходила с Библией или с четками в руке, — чуть слышно пролепетал Лежижан, закрывая глаза рукой.

— Должна признаться, что здесь эти вещи

найти будет довольно трудно, — сказала Аврелия, — но пусть это ожерелье заменит сегодня четки. Итак, занавес поднимается. Ну что, получилось неплохо, не так ли?

С этими словами она встала и поспешно обернулась к своему собеседнику, откинув со лба черную вуаль, а затем, бледная, с неподвижным взглядом, грозно протянула руку и сделала несколько шагов к Лежижану.

Тот медленно встал с кресла и в ужасе открыл рот, но из горла его не вылетело ни единого звука. Отпрянув от страшного видения, он в панике устремился к окну и судорожно ухватился за шторы, чтобы удержаться на ногах.

— Пощади, Элен, пощади! — хриплым голосом закричал он, являя собой воплощение смертельного ужаса.

В ответ ему прозвучал громкий взрыв смеха.

— Похоже, директор театра не зря платил мне жалованье, когда я была актрисой, — воскликнула графиня Монте-Кристо.

Услышав эти слова, слетевшие с губ привидения, Лежижан осмелился поднять глаза.

Призрак исчез.

Вуаль и темно-коричневая накидка лежали на ковре, а Аврелия от души смеялась, наслаждаясь

произведенным эффектом.

— Значит, вы тоже были замешаны в этом деле, мой дорогой Лежижан. Я этого не знала, ибо не помню, чтобы ваше имя упоминалось во время процесса.

Внезапно она снова стала серьезной.

— Вот видите, — сказала она, — это лишний раз подтверждает, сколь неразумно было бы с вашей стороны пытаться покончить с Матифо при помощи кинжала. Впрочем, яд был нисколько не лучше! Ведь жертва не всегда умирает сразу; иногда она успевает кое-что сказать, а я просто уверена, что в данном случае она могла бы поведать миру весьма опасные тайны.

С трудом дотащившись до кресла, Лежижан без сил рухнул в него. Все тело его по-прежнему сотрясала мелкая дрожь.

— Вы совершенно правы, — запинаясь пробормотал он.

— Раз уж этот театральный прием произвел столь сильное воздействие на такого сильного и храброго человека, как вы, то можете себе представить, как воспримет это старый барон. Поверьте, дорогой Лежижан, это гораздо более надежный способ убийства, чем мышьяк или пистолетная пуля. Я совершенно уверена, что

Матифо можно считать конченным человеком. Успех нам обеспечен, можете начинать приготовления к нашей свадьбе.

Лежижан сделал попытку завладеть рукою Аврелии, но та поспешно отстранилась.

— Давайте немного подождем, — спокойно сказала она. — Тем слаще будет наша взаимная награда после великого дня победы. Кроме того, — твердо добавила она, — я не хочу от вас поспешных обещаний, о которых вы можете завтра же пожалеть.

Лежижан в ответ лишь молча покачал головой.

— Теперь я посвятила вас во все мои планы, — продолжала она. — Прежде всего, я сделала это, желая убедить вас в своих возможностях. Кроме того, даже если бы мы по какой-то случайности стали врагами, то для меня было бы безразлично, насколько глубоко вы проникли в мои намерения, ибо с того момента, как вы узнали о моем существовании, я все равно находилась бы в большой опасности и степень вашей осведомленности не играла бы тут никакой роли.

Помолчав несколько секунд, она продолжала:

— Хочу попросить вас забыть о прошлом и отказаться от своих прежних планов. Я прошу очень

многого, но и многое предлагаю. Ответственность за события вы примете на себя только с того момента, как Киприенна соединится в браке с бароном Матифо; поэтому до тех пор вам просто надо не сомневаться в моих силах, о которых вам пока известно только с моих слов. Думаю, я смогла вас убедить. Итак, начиная с сегодняшнего дня вы должны всецело принадлежать мне и нашему общему делу, иначе… я ведь знаю вашу страстность, дорогой Лежижан… так вот, иначе может появиться еще одна жертва, тем все и кончится.

Она сказала это столь спокойно и даже ласково, что Лежижан не нашел в себе сил возразить ей ни в чем.

— Решено, — продолжала Аврелия, — я обязуюсь обеспечить согласие графини де Пьюзо и беру на себя Нини Мусташ, Урсулу, барона Матифо и Киприенну, так что о них вам теперь нечего беспокоиться. Это мой вклад в наше общее дело. А теперь скажите, чем займетесь вы, чтобы я могла судить, правильно ли вы меня поняли.

— Моя работа заключается в том, чтобы обеспечить раскол между полковником Фрицем и графом де Пьюзо.

— Вы совершенно правы, — сказала Аврелия, — а теперь еще несколько слов. Завтра беседующая

с вами сейчас Аврелия и ее двойник графиня Монте-Кристо исчезнут из Парижа. Особняк графини опустеет и будет сдаваться внаем. Барон Матифо, который считает, что его свадьба отложена на неопределенное время, распорядился приостановить работу по отделке своего нового дворца на авеню Габриэль, где он намеревался провести медовый месяц. Не пройдет и двух месяцев, как особняк де Пьюзо будет продан с молотка, поэтому теперь Матифо должен будет снять дом графини Монте-Кристо на тот период, который необходим для завершения отделочных работ в собственном особняке. Вы, дорогой Лежижан, должны подкинуть эту идею полковнику Фрицу, который, без сомнения, тут же изложит этот план барону, а тот, стараясь действовать в интересах Киприенны, постарается осуществить его как можно скорее. Ну вот, кажется, и все. А теперь прощайте, или лучше сказать, до свидания.

Потрясенный увиденным и услышанным, Лежижан почтительно откланялся и удалился.

ГЛАВА XXXVII
Цена победы

Когда дверь за ним закрылась, графиня Монте-Кристо, измученная столь долгим разговором, совершенно без сил опустилась в кресло, только что оставленное Лежижаном. Итак, у нее хватило мужества, чтобы смеяться, разыгрывать комедию и даже называть этого негодяя своим другом!

Она сделала все это и не умерла от стыда!

Теперь она дорого расплачивалась за свою смелость.

Бедная черная вуаль, бедная накидка, дорогие реликвии несчастной узницы, с какой нежностью она целовала вас, сколько горьких слез пролила над вами!

Неожиданно дверь тихо отворилась и на пороге показался дон Жозе. Подойдя к креслу графини, он молча наблюдал за ее отчаянием.

— Я не зря говорил вам, Элен, что это усилие будет слишком велико даже для вашего мужества.

— К сожалению, ты был прав, — вздохнула она. — По правде говоря, я почувствовала дикую радость в сердце, когда этот человек побледнел

передо мной и в ужасе отпрянул от моей протянутой руки, как будто в этой слабой руке заключена вся сила Божественного правосудия.

— Но ведь вы действительно одно из избранных орудий правосудия, — ответил дон Жозе, — идите же и дальше по этому пути, не сворачивая в сторону из-за того, что нога ваша наступила на скорпиона.

Элен задумчиво слушала его.

— О нет, — вздрогнув, пробормотала она, — дело не только в этом. Знаешь ли ты, что значит перестать быть живым существом, подобным другим людям, перестать жить обычной жизнью и постоянно будить призраки прошлого, превратившись в грозное привидение, сеющее вокруг себя страх и безумие? А ведь я твердо решилась на это и не отступлю от своего решения, это я-то, думавшая лишь о том, чтобы дарить людям мир и утешение!

Усевшись за письменный стол, представлявший собою настоящее произведение искусства, она принялась лихорадочно писать.

— Это распоряжение моему нотариусу, — произнесла она тоном генерала, отдающего приказание своему адъютанту. — Особняк Монте-Кристо должен быть продан сегодня же. Нет,

нет, — добавила она тут же, — его нужно просто сдать внаем со всей обстановкой. Чтобы объяснить это неожиданное решение, тебе следует устно добавить, что завтра графиня Монте-Кристо отбывает в путешествие. Она оставляет за собой лишь маленький павильон в конце оранжереи. Об Урсуле также следует позаботиться.

— Ваше распоряжение будет выполнено, — с улыбкой ответил Жозеф, — Клеман и госпожа Розель творят настоящие чудеса.

— В таком случае, работа госпожи Ламоро закончена. Поэтому проследи, чтобы Розель как можно скорее заняла свое место в доме на улице Вивьен и придумай какую-нибудь причину, объясняющую исчезновение госпожи Ламоро.

— Нет, Элен, — заметил Жозеф, — госпоже Розель не следует возвращаться. Исправление Жакмена проходит очень успешно, но мы еще не можем верить ему до конца. Я хорошо знаю вас, Элен, ненависть не может целиком заполнить вашу жизнь. В вашем сердце обязательно найдется хотя бы маленький уголок для любви. Вы взяли на себя возвышенную задачу защищать и спасать других, а я считаю своей обязанностью защищать и оберегать вас.

— Благодарю тебя, дорогой Жозеф, — сказала

графиня, — но не все чудеса можно совершать дважды.

— Кто знает? Я прошу у вас лишь нескольких недель терпения, а награду за свое послушание вы получите сейчас же!

— Сейчас же? — удивленно переспросила графиня. — О чем вы говорите и какую награду имеете в виду?

— Разве может быть награда более высокая, чем возможность совершить доброе дело? — с улыбкой спросил Жозеф. — Надо лишь сделать попытку!

— О чем ты говоришь?

— Я имею в виду Пиппиону. У бедной малютки никого не осталось с тех пор, как у нее забрали Урсулу и я взял на себя смелость доставить девочку в дом госпожи Ламоро. Как видите, госпожа Ламоро не может ее покинуть, ведь эту малышку надо утешить, а, может быть, даже спасти от смерти.

— Разве она настолько больна? — с тревогой спросила графиня Монте-Кристо.

— Она больна настолько серьезно, что вылечить ее теперь может лишь ангел.

— Бедное дитя! Умереть в таком юном возрасте!

— Как видите, госпожа Ламоро еще не умерла в

вас! — торжествующе воскликнул Жозеф. — Пиппионе столько же лет, сколько должно было бы быть сейчас вашей дочери. Она прелестна, как цветок, и добра, как ангел. Прошу вас, полюбите Пиппиону ради вашей несчастной Бланш!

Графиня Монте-Кристо посмотрела на Жозефа своими большими голубыми глазами.

— Ты прав, Жозеф, — сказала она, — я попытаюсь сделать это.